

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- АРЕСТ ЛЬВА ТИМОФЕЕВА
- СЕМЬ НЕБЕС ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ
- МАЗОХИЗМ — НЕДУГ ДЕМОКРАТИИ
- ОСКОЛКИ ИСПАНСКОГО КОММУНИЗМА
- ЗАПОЗДАЛЫЕ ПОХОРОНЫ В ТИРАНЕ
- ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ И ДРУГИЕ
- ТРАКТАТ О ВЫПИВКЕ
- ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ
- ЛИЛЯ ЮРЬЕВНА БРИК
- КАК ОНИ ТАМ ЖИВУТ НА КУБЕ?
- ЭРНСТ ЮНГЕР, ВОИН-ЭСТЕТ
- ГДЕ-ТО В МАРОККО
- ПОГИБАЮЩАЯ ПИЦУНДА
- ПАМЯТИ АЛЕКСИСА РАННИТА

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов) в США, Канаде и Израиле — 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	2
Алкоголизм в СССР	15
Самиздат. I. Выдержки из доклада Ф.Г.Углова	16
II. Правда об алкоголизме в СССР	18
В.Тремль. Комментарий к "новосибирскому документу"	21
С.Максудов. Любовь к апокалиптическим обобщениям	24
Из газет	26
Вести из СССР	27
М.Д. Правда для избранных	31
Из газет: 60 лет назад; 50 лет назад	39
Ж.-Ф. Ревель. Как умирают демократии	40
Из газет: 50 лет назад	46
Б.Хазанов. Юнгер, или прелесть правизны	47
Ю.Карабчиевский. Воскресение Маяковского. Продолжение	58
П.Ростин. Москвич в Марокко	76
Ж.-М. Эдриш. Кандид на Кубе	81
Е.Эткинд. По-чешски не говорить! — Триединая формула единодержавия. — Роман Симоны Синьоре	86
Е.Габович. Природы гневная покорность	91
Из газет: 50 лет назад	95
In memoriam. Алексис Раннит	96

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbtt.

Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).

Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Когда 14 марта 1985 г. Москва сообщила о кончине "выдающегося деятеля", память о котором "навсегда сохранится в сердцах советских людей", большинство западных обозревателей удивились не тому, что К.У.Черненко скончался, а тому, что он жил. В тот день у многих было чувство, что только из приличия нужно немного пошуметь вокруг чего-то, что и событием не назовешь. Люди постарше невольно вспоминали прошлое.

Март 1953 г. На Западе известие о смерти Сталина грянуло как гром. Комментарии были не слишком проникательны. Что говорили 32 года назад те, кто считал себя посвященным в тайны Кремля? Ушел диктатор, говорили они, суровый вождь, человек, с годами обретший известную мудрость. Он не пошел бы на риск новой мировой войны, не поставил бы на карту завоевания СССР. После него надо опасаться худшего. Более молодой преемник может не устоять перед соблазном ради укрепления своего авторитета пойти на авантюру.

История поспешила доказать абсурдность этих рассуждений. Те, кто так говорил, мало что знали о диктаторе. И, возможно, еще меньше о подлинной истории тех лет, которую сталинское окружение никогда не стремилось предавать гласности.

Следующее потрясение пришло в октябре 1964 г., когда узнали о снятии Хрущева. Внутри страны, как сообщали западные корреспонденты, событие это (по крайней мере внешне) было воспринято равнодушно. Но на Западе! В мире капитализма, который Хрущев

обещал вскоре похоронить, он был весьма популярной фигурой. Поездки за рубеж, раздражавшие соотечественников, которым такие путешествия, особенно со всей семьей, не положены, даже не слишком утонченные манеры Никиты Сергеевича не были лишены известного пропагандно-рекламного вдохновения. И когда Хрущева сняли, многие на Западе словно забыли о его бестактных выходках, неосторожности и подчас склонности играть с огнем. Вспоминали лишь человека "оттепели" и десталинизации. Надо сказать, что двадцать лет спустя эта точка зрения мало изменилась. Потому, возможно, что "наш Хрущев", как назвал его тогда с ласковой иронией де Голль, не был лишен человеческих черт, которые у его наследников отсутствовали. И еще потому, что он до сих пор остается единственным советским руководителем, пытавшимся, пусть неумело, изменить существующую систему.

Такое непонимание реальности, объясняется, возможно, одной концепцией, имевшей в свое время успех в высоких государственных сферах на Западе. Она сводится к следующему.

Чудовищные события первых лет советской власти объясняются отсталостью страны. Ныне же СССР становится великой промышленной державой, и когда достигнет известного уровня экономического развития, то приобщится к демократии. Чтобы сделать такое сотрудничество возможным, советское руководство будет вынуждено очеловечить существующий в стране режим. То есть, все

связано: разрядка во внешней политике — оттепель во внутренней, стремление к экономической продуктивности — политический либерализм. Все та же старая концепция сторонников конвергенции двух систем, ратовавших за расширение технического и торгового обмена между Востоком и Западом с целью — как они говорили — привязать Восток к Западу, чтобы таким образом способствовать демократизации СССР.

Наметившаяся при Хрущеве и развивавшаяся в первый период царствования Брежнева, эта концепция утратила большую часть своей привлекательности в 70-е годы. Наименее близорукие из сторонников конвергенции были вынуждены признать, что расширение торговых связей ничуть не мешает кремлевским руководителям сверхвооружаться, захватывать все новые позиции в Африке, Афганистане, в других частях и странах света, грубо подавлять внутри страны то, что мы называем инакомыслием, оппозицией, диссидентством — пока не найдено более точного определения.

Понимает ли Запад сегодня, что происходит в Союзе? Ответить на этот вопрос положительно было бы слишком большой смелостью. Достаточно вспомнить, что писали после смерти Брежнева, когда генеральным секретарем стал Андропов. Споры нет, преемник был потоньше своего предшественника, уже несколько лет пребывавшего в полуагонии. Хвалили "современные вкусы" Андропова. Некоторые надежды основывали даже на том, что он "любил виски. Отсюда делали вывод: он покончит со всем обветшалым и найдет общий язык с западными прагматиками. Следовательно, он реформатор. То есть, либерал. Кое-кто, правда, напоминал, что жизненный путь бывшего шефа КГБ не давал повода к подобным надеждам. Спор, правда, увял, не успев расцвести: Андропов умер.

Во время царствования Черненко спор не возобновлялся, ибо личность этого выдающегося руководителя не вызвала ни малейшего интереса. Все было ясно после его первого выступления в качестве генерального секретаря. Он слабо говорил и сильно кашлял. Политические наблюдатели не стали комментировать слова и поступки человека, вошедшего только в одну историю: историю болезни. Возникал лишь один вопрос: почему герон-

тократия выдвинула человека, явно неспособного выполнять доверенную ему задачу?

С приходом Горбачева спор разгорается вновь. Наконец-то пришел человек, у которого, по мнению некоторых его собеседников, мысль парит! То, что для руководителя такого масштаба должно быть нормой, расценивается как нечто из ряда вон выходящее. Не исключено, что Горбачев, подобно Андропову, хотел бы почистить прогнившие части здания, но его спешат представить как реформатора, новатора, демократа. Самые ярые оптимисты на Западе ждут теперь либерализации внутри СССР и корректности во внешней политике.

Однако прошлое не совсем забыто. Общественность и государственные деятели Запада сегодня лучше знают повадки советской номенклатуры. Вот тому доказательство (возможно, косвенное, но наглядное).

Когда в 1953 г. умер Сталин, все или почти все на Западе ошиблись — никто не предвидел десталинизации. Никто не предсказывал, что после нескольких дней, недель или месяцев верховная власть достанется Хрущеву. Зато приход к власти наследников Брежнева протекал таким образом, что западный читатель, западный радиослушатель или телезритель не удивился, узнав, что Андропов, Черненко и теперь Горбачев оказались во главе партии.

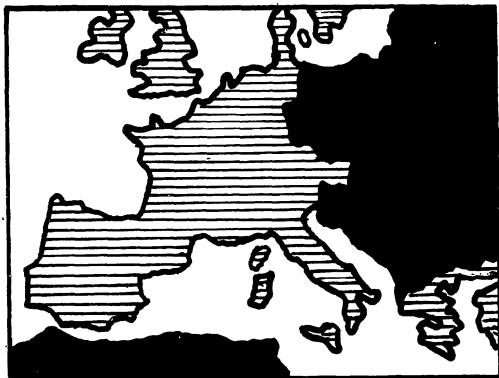
Чтобы правильно реагировать и действовать, надо принимать в расчет не одного лишь генерального секретаря: с некоторых пор личная диктатура уступила место олигархии. Рискуя снова совершить просчет в оценке положения, Запад склонен делать ставку на расхождения в Кремле. Он хочет опереться на "умеренных руководителей" и делать уступки, чтобы укрепить их позиции против "жестких". Генеральный секретарь, только потому, что занимает центральное положение, быстро начинает выглядеть умеренным, особенно, если он уже встречался с западными коллегами и показался им при встрече приятным собеседником. Ведь было время: "хорошего", "понимающего" Брежнева противопоставляли "несговорчивому" Суслову. Суслова больше нет, но всегда найдется какой-нибудь Громыко.

Первые реакции западных руководителей на Горбачева примечательны. Вице-президент США Буш, встретившийся с новым генеральным се-

кретарем после похорон Черненко, сказал, что Горбачев произвел на него "очень сильное впечатление" и что он вел беседу "очень уверенно". Г-жа Тэтчер: "Он мне нравится, С ним можно иметь дело". Канцлер Коль: "Врожденная уверенность. Обширные знания. Способность тонко аргументировать. Это не словесная мельница, повторяющая стандартные передовицы". Миттеран: "Человек положительный, спокойный, тонкий ум, имеет государственный опыт, приступает к своим обязанностям с решимостью. Смело и четко подходит к сложным вопросам мировой политики". Но президент Французской республики добавляет: "Было бы ошибкой считать, что приход нового человека может изменить политику, которую отстраивали десятилетиями".

Время иллюзий прошло и еще не вернулось с приходом Горбачева. Быть может, Москве придется что-то менять, потому что кончился вакуум наверху и завершился кризис частой смены руководителей. ●

Г.Ферон

ОПАЛА САНТЯГО КАРРИЛЬО

Вот уже несколько месяцев, если не лет, между Сантьяго Каррильо, бывшим в течение тридцати лет генеральным секретарем Коммунистической партии Испании (КПИ), и сменившим его на этом посту Херальдо Иглесиасом идет напряженная борьба. В марте 1985 г. Каррильо был снят с поста руководителя коммунистической фракции в кортесах (испанском парламенте). Более того, ЦК КПИ пригрозил Каррильо и его сторонникам исключением из КПИ, если они не откажутся от своей платформы воссоединения всех испанских коммунистов. Сам Каррильо грозит созданием

новой коммунистической партии, если не будут удовлетворены его требования.

О каком единстве идет речь? Дело в том, что проводимая Каррильо в течение длительного времени политика еврокоммунизма вызвала в свое время раскол в КПИ и, главное, потерю ее традиционной базы среди избирателей. Отсюда и жалкие четыре места в кортесах, которые сейчас имеет КПИ. Отколовшаяся от КПИ группа просоветских коммунистов во главе с бывшим членом ЦК Игнасио Гальего образовала поддерживаемую и тайно финансируемую СССР партию коммунистов (ПК). Впрочем, официальные отношения Москва по-прежнему поддерживает только с КПИ. Кроме ПК, на "левой сцене" образовалось большое число других мелких коммунистических групп. Всех их хочет снова объединить — под своим, конечно, руководством — семидесятилетний Каррильо. Он, несмотря на все свое фрондирование по отношению к советским коммунистам, до сравнительно недавнего времени правил партией испанских коммунистов железной рукой. Каррильо ушел в отставку с поста генсека после неудачи КПИ на последних выборах в 1982 г. и сам предложил кандидатуру молодого, бойкого, но неопытного и монотонно говорящего Иглесиаса в абсолютной уверенности, что ему удастся остаться фактическим главой партии.

Иглесиас представляет собой полную противоположность "старой лисе" Каррильо. Если что-то и роднит любимца левой золотой молодежи тридцатидевятилетнего Иглесиаса, до недавнего времени завсегдатая самых знаменитых мадридских дискотек, с его бывшим шефом, так это их приверженность к строгим костюмам с галстуками. Что особенно раздражает в Иглесиасе коммунистов старой закалки — это его нашумевший развод и повторная женитьба. Впрочем именно моложавый стиль и современность нового лидера привлекают к нему левую молодежь. Но отход избирателей от КПИ Иглесиасу пока остановить не удалось.

Решение об исключении Каррильо и его 18 сторонников из партийного руководства и, возможно, даже из КПИ было принято единогласно — точнее, никто против этого решения не голосовал — на расширенном пленуме ЦК. Правда, как утверждает газета "Правда", в этой национальной конференции КПИ не приняли участие представители поддерживающих Каррильо региональ-

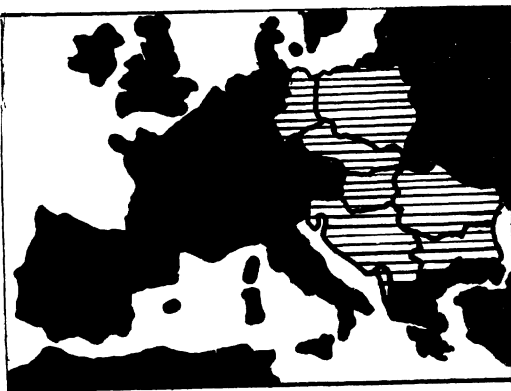
ных организаций Мадрида, Валенсии, страны Басков, Галисии и Канарских островов. Это решение было обосновано чисто тактическими соображениями (ЦК тоже стремится к единству всех левых сил по сю сторону от правящей социалистической рабочей партии, но расходится с Каррильо в выборе конкретных путей достижения этого единства). Такие принципиальные проблемы, как еврокоммунизм или отношения с КПСС, не обсуждались. Тем не менее, известно, что омоложенное руководство испанской компартии возлагает большие надежды на Горбачева и видит в Иглесиасе хорошую возможность установить добрые отношения молодого испанского руководителя с нестарым еще руководителем советским. Иглесиас собирается в скором времени в Москву для установления личных контактов с новым советским лидером.

Начавший свою карьеру как руководитель астурийских горняков Иглесиас смог постепенно оттеснить Каррильо при помощи лозунга большей внутрипартийной демократии. Однако еще неизвестно, в какой мере он собирается реализовать этот лозунг. Одержав победу над Каррильо, он может в скором времени столкнуться с проблемой возрастающей популярности других молодых руководителей. В качестве его ближайшего соперника называют заместителя генсека Николаса Сарториуса. Именно последний настаивал на включении в рабочую программу КПИ тезиса об объединении всех групп слева от социалистической рабочей партии. По своему происхождению и манере держаться он напоминает покойного лидера итальянских коммунистов Берлингуэра, чем и импонирует многим левым.

По идее Сарториуса КПИ должна искать поддержки у избирателей, которые голосуют за зеленых, и сосредоточить свою критику на "потерпевшей фиаско хозяйственной и социальной политике правительства". В качестве первой важной тактической цели Сарториус называет решительную поддержку коммунистических бургомистров, успешно управляющих городами Кордова и Анкита. К предстоящим выборам в местный парламент Андалузии эти коммунисты стремятся создать единый ультралевый фронт в своем регионе.

Борьба между КПИ и Каррильо не окончена. Последний пользуется поддержкой ряда руководителей коммунистических профсоюзов, имеющих сейчас большее влияние в стране, чем сама

КПИ. Но и Иглесиас располагает в профсоюзах своими приверженцами. Обе группы коммунистов будут бороться и за влияние над просоветскими или просто независимыми группами коммунистов. Одна из них — региональная коммунистическая партия Каталонии, которую уже ряд лет обхаивает КПСС, приглашая ее руководство по каждому возможному поводу в Москву. Другую независимую коммунистическую группу образовал бывший член ЦК КПИ профессор экономики Тамамес. Третью — вышедшие четыре года тому назад из КПИ 196 редакторов и технических работников государственной телевизионной корпорации. ●

ЕЩЕ ОДИН ИЗ СТРОЯ ВЫБЫЛ ВОН...

11 апреля в возрасте 76 лет в Тиране скончался первый секретарь Албанской партии труда Энвер Ходжа — предпоследний из "сталинской когорты" руководитель социалистической страны. Теперь это поколение коммунистических лидеров представляет на политической сцене один лишь Ким Ир Сен.

Энвер Ходжа умер, оставив после себя страну, которую он за 41 год своего правления преобразовал по собственному образу и подобию: замкнул в самой себе, с ограниченным кругом интересов, догматическую, раздраемую подозрениями и страхом. Трудно даже представить себе, как в конце XX века в Европе может существовать столь закрытая от внешнего мира, разьедаемая ксенофобией страна.

У Албании нет ни друзей, ни союзников. Она враждует с СССР и с США, с Китаем и с Югославией, с Грецией и с Папой Римским... Поездки за границу запрещены, въезд иностранцев в страну

ограничен до предельно возможного минимума. Размеры и положение Албании таковы, что в ней легко можно принимать иностранные телепрограммы — итальянские и югославские. Поэтому созданы специальные полицейские группы, патрулирующие по стране в поисках самодельных антенн, которые выдают неосторожных владельцев телевизоров, не удовлетворенных отечественной программой. Сообщения из Албании не часто появляются на страницах печати — иностранные корреспонденты допускаются туда крайне редко и сообщения их жестко цензурятся.

Под запретом соблазны "загнивающего капитализма" — джинсы, длинные волосы и даже бороды. Издан закон, обязывающий граждан изменять имена, если они имеют "нежелательный политический, идеологический или моральный оттенок".

В 1967 г. Э. Ходжа объявил Албанию "первым в мире атеистическим государством". Церкви и мечети были закрыты, многие из них снесены, священнослужители — либо физически уничтожены, либо арестованы, обладание Библией или Кораном стало преступлением, влекущим за собою длительный тюремный срок.

Впрочем, религиозность — далеко не единственное "преступление", за которое в Албании можно попасть в тюрьму. В стране с населением всего в 2,8 млн. человек насчитывается около 40 тысяч политзаключенных. Политзаключенные аккуратно разделены на категории. Так, например, "просоветские ревизионисты" содержатся в тюрьме № 313 около Тираны. Экономические преступники в тюрьме г. Влера. "Классовые враги" и престарелые политзаключенные — в тюрьме г. Спачи. Кроме тюрем, широко используется и политическая ссылка: так греков высылают на мусульманский север, мусульман — на греческий юг. Что касается греков, то они составляют, пожалуй, большинство среди албанских политэзков: их насчитывается 15 тысяч. Если верить официальной статистике, по которой в стране живет всего 50 тысяч греков, то это означает, что каждый третий грек сидит в тюрьме (впрочем, реалистическая оценка греческого населения — 250 тысяч).

Албания — беднейшая страна Европы. Национальный продукт на душу населения здесь в три раза меньше, чем в Португалии, и лишь немногим больше, чем в Гондурасе: 845 долларов на чело-

века в год. Сельское хозяйство, хотя и коллективизированное полностью, все же не было разорено, и средние урожаи стабильно держатся вблизи недостижаемо высоких по советским понятиям 25 центнеров с гектара. Так что голода в стране нет, хотя и до достатка простому албанцу далеко. Попытка Ходжи поправить экономическое положение страны, вынудив Федеративную Республику Германии к уплате фантастически огромных репараций в обмен на установление дипломатических отношений успеха не имела.

Албания считает себя единственной на планете страной, где марксизм-ленинизм сохранен в чистоте. Из четырех классиков этого учения в особом почете последний — Сталин. Его именем назван город, на демонстрациях несут его портреты, его труды переиздаются и изучаются. И что всего важнее — на всем, что делается в Албании, лежит отпечаток сталинского духа. Энвер Ходжа, поистине, "Сталина сердцем прочел". И сам он для своих сограждан старался быть и был маленьким Сталиным. "Учение товарища Энвера" стало библией этой безрелигиозной страны.

Такова та страна, которую оставил после себя скончавшийся диктатор, бесконтрольно управлявший ею в течение 41 года — тоже своего рода рекорд!

Энвер Ходжа — создатель этого уникального государства — родился в 1908 г. в семье богатого землевладельца-мусульманина. В 1930 г., по окончании французского лицея в Албании получил государственную стипендию для обучения в университете г. Монпелье (Франция), которой, однако, через год лишился, поскольку не выказал особого усердия в учебе. Из Монпелье он переехал в Париж, где попал под сильное влияние проживавших там албанских коммунистов. Ходжа вступил в ФКП, начал публиковать в "Юманите" статьи с нападками на режим короля Зогу I в Албании. Некоторое время работал секретарем почетного консула в Брюсселе (должность почти номинальная), поступил в брюссельский университет, но опять бросил, недоучившись.

В 1936 г. Ходжа вернулся в Албанию и начал зарабатывать на жизнь уроками французского в школах. Но учительской карьере мешали его коммунистические убеждения и ее пришлось оставить. В 1939 г. он открыл в Тиране табачный киоск, который стал своего рода центром, во-

круг которого объединились различные коммунистические ячейки албанской столицы. После нападения Италии на Албанию и бегства короля Зогу Ходжа принял участие в организации сопротивления оккупантам.

В 1941 г. многочисленные албанские коммунистические группы объединились (под сильным югославским влиянием и руководством) и создали Коммунистическую партию Албании (позднее переименованную в Албанскую партию труда). Ходжа стал ее временным Генеральным секретарем. За это он был заочно приговорен к смерти итальянскими оккупационными властями.

Через год была создана Албанская национально-освободительная армия и Ходжа стал ее Верховным политическим комиссаром. Под его началом было около 70 тысяч вооруженных партизан, которые к концу 1943 г. сумели освободить большую часть страны. Ходжа, однако, широко использовал свою армию не только против оккупантов, но и против своих соперников внутри компартии. В этом он также вполне преуспел.

Временное правительство премьер-министра и главнокомандующего Ходжи было провозглашено в октябре 1944 года. Западные союзники признали это правительство в следующем году, потребовав одновременно проведения в стране свободных выборов. Выборы были проведены, но списки кандидатов в депутаты парламента прошли предварительно через руки коммунистов. Монархия короля Зогу I была устранена. В 1946 г. Албания официально была провозглашена народной республикой. Ходжа занял пост премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны, получив тем самым в свои руки большую, хотя еще не вполне неограниченную власть. Он отказался от этих постов в 1953 г., предпочтя руководить страной в качестве первого секретаря партии — с поистине сталинской скромностью. К тому времени он уже вполне мог себе это позволить.

До 1948 г. Албания была скорее югославским, чем советским сателлитом. Однако среди албанских руководителей югославы предпочитали скорее "пролетария" Кочи Сосе, чем "интеллектуала" Ходжу. Борьба между этими двумя лидерами была довольно напряженной и не было ясно, кто кого сможет уничтожить. Ходжа победил, умело использовав советско-югославский разрыв. Он поставил на Сталина против Тито

Энвер Ходжа

и выиграл. Его соперник в 1949 г. был казнен, за ним последовали и его сторонники. Последние руководящие албанские коммунисты, еще питавшие проюгославские чувства, были ликвидированы в 1955 г. — в ответ на примирение Хрущева с Тито. К 1956 г. Ходжа остался единственным живым членом ЦК, избранного в 1941 г. при создании партии.

Хрущевская "десталинизация" в СССР вновь оживила оппозицию Ходже в Албании. Спас его внешний кризис — венгерская революция 1956 г. Ходжа был первым, кто обрушился на Тито за его ревизионистскую роль в этих событиях, и воспользовался кризисом для новой жестокой чистки в рядах партии.

К этому времени в экономике Албании все большую и большую роль начали играть, наряду с советскими, также и китайские кредиты. Одновременно все более и более усиливалось китайско-албанское идеологическое сближение, особенно по югославскому вопросу.

Пытаясь остановить это сближение, Хрущев в 1959 г. посетил Албанию. Как позднее сообщил сам Ходжа, у Хрущева была еще одна цель — создание в Албании громадной базы подводных лодок. Такая база дала бы СССР открытый доступ в средиземноморские воды. Предполагалась также установка ракет в Албании. Для хозяйственного развития Албании у Хрущева тоже

был свой план. Младшей сестре предлагалось перестать тратить свои силы на земледелие и животноводство, и превратить всю страну в один большой (правда, не очень) фруктовый сад, который и будет снабжать почти круглый год рабочих Свердловска и Челябинска свежими фруктами. Самых же албанцев предполагалось кормить советским хлебом. Со свойственной ему дипломатичностью Хрущев так и заявил Ходже: "То количество зерна, которое вам нужно, у нас мыши сжирают".

Миссия Хрущева успеха не имела. Безуспешно пытался он и получить поддержку со стороны противников Ходжи в партии. В 1961 г. разрыв Албании с СССР получил официальное оформление: были прерваны дипломатические отношения, Албания вышла из Варшавского пакта и практически прекратила свое участие в СЭВ. Отныне "советские ревизионисты" заняли свое место рядом с югославскими. Единственным союзником Албании стал Китай.

Дружба с Китаем длилась до середины 70-х гг. Однако Албания далеко не во всем и не слепо шла в фарватере китайской политики. Албания не последовала за союзником и не устроила у себя "культурную революцию". Китайский совет 1968 г., повторенный в 1975 г., — заключить военный союз с Югославией и Румынией — был отвергнут. Начиная с 1972 г., Ходжа все более и более открыто высказывал свое недовольство китайским флиртом с США.

В 1978 г. официальная газета "Зери и популит" объявила китайцев империалистами. Китайско-албанские связи были порваны. Китайских технических советников изгнали из страны, албанских студентов отозвали из Китая. С этих пор Албания осталась в гордом одиночестве. Можно сказать, что это единственная поистине "неприсоединившаяся" страна в мире: даже в Хельсинкском совещании Албания, единственная из европейских стран, участия не приняла.

Трудно сказать, были ли внутри страны попытки сопротивления деспотическому режиму Ходжи. В 1975 г. было объявлено о раскрытии военного заговора против Ходжи во главе с министром обороны Бекиром Балуку. Балуку был казнен, около 200 офицеров попало в знаменитую тюрьму № 313. Неясно, однако, не был ли этот заговор делом рук самого Ходжи, возжелавшего очередной чистки.

Другой эпизод, указывающий на наличие глухой борьбы в албанском руководстве — смерть

премьер-министра Мехмета Шеху в 1981 г. Сначала было объявлено о том, что он покончил жизнь самоубийством, но в самом начале 1985 г., незадолго до смерти Ходжи, в Албании открыто признали, что он был убит. После смерти Шеху было смещено шесть министров.

Единственная известная попытка организовать вооруженное сопротивление режиму Ходжи извне была сделана в 1982 г., когда горстка вооруженных беженцев из Албании высадилась на побережье, чтобы начать народное восстание. Группа эта, однако, была быстро ликвидирована.

Лишь в самые последние месяцы перед смертью Ходжи появились слабые признаки того, что Албания не прочь немного выйти из своей добровольной изоляции. Албания предприняла некоторые шаги к улучшению своих отношений с Италией, Грецией, Турцией, Австрией. На албанско-греческой границе был открыт пост, через который можно, в принципе, пересекать границу при наличии соответствующих документов (раньше и этого не было). Открыта железнодорожная ветка, связывающая страну с Югославией. Начал действовать паром между итальянским и албанским берегами (правда пока он имеет чисто символическое значение, ибо им некому пользоваться). Грекам стали иногда разрешать навещать своих родственников в Албании. Начаты торговые переговоры с Китаем, Турцией, Италией, Грецией и Югославией. Был даже разрешен фестиваль итальянских фильмов в Тиране. Пока неясно, получают ли эти тенденции развитие. Смерть Ходжи вносит в это дополнительную неопределенность.

Первые признаки как будто указывают на то, что политика изоляции и ксенофобии будет продолжаться. Телеграмма соболезнования, присланная из Москвы, была отвергнута, как "неприемлемая". Американские соболезнования были отклонены тоже. Объявлено, что иностранные делегации на похороны допущены не будут ибо это противоречило бы существующей в стране практике (как-будто в Албании генсеков хоронят каждый год, как в СССР).

Заполнение вакуума, возникшего после смерти Ходжи, произошло крайне быстро. На пост генсека без каких-либо сложностей был назначен Рамиз Улия, председатель Президиума Народного Собрания Албании, который, по имеющимся сведениям, был избран Ходжой в качестве своего преемника еще три года назад.

Р.Улия родился в 1925 г. Как и Ходжа, окон-

Энвер Ходжа (слева) с Рамизом Улиа чил французскую школу, участвовал в партизанском движении во время войны. После войны руководил албанским комсомолом, в 1956 г. стал кандидатом в члены Политбюро, а в 1960 г. его членом. Президентом страны стал в 1982 г. Ничто в биографии Р.Улиа не предвещает, что он порвет с наследием Ходжи.

Слабой надеждой служат лишь воспоминания о том, что в 1953 г. то же самое можно было сказать и о Хрущеве — верном ученике Сталина. ●

ПОЛЬША: СОПРОТИВЛЕНИЕ И РЕПРЕССИИ

Хотя в результате военного положения и нескольких лет твердой политики режима в отношении рабочих, популярность забастовок пошла на убыль, Польша все же не стала страной "забастовочного затишья". Почти в каждом выпуске многочисленных подпольных изданий можно встретить сообщения о забастовках. Но, как правило, эти забастовки имеют местный характер, происходят лишь в отдельных цехах предприятий, забастовочные комитеты почти

никогда не создаются, а продолжительность забастовок не превышает нескольких часов. Главная цель этих забастовок — улучшение материальных и социальных условий рабочих.

28 апреля началась забастовка на Варшавском электроламповом заводе им. Розы Люксембург, где работают преимущественно женщины. Один из цехов потребовал повышения зарплаты в связи с повышением цен на продукты питания. 4, 8, 11 и 26 марта забастовку объявили другие цеха. Администрация попыталась использовать тактику уговоров и запугиваний. Рабочим объяснили, что предприятие пока не имеет средств для повышения зарплаты, но дирекция, дескать, делает все возможное, чтобы получить дополнительные средства. В то же время администрация запугивала рабочих тем, что все организаторы забастовки будут уволены. До сих пор, однако, не поступило сообщений ни об увольнениях, ни о повышении зарплаты. Но недовольство среди рабочих завода не утихло.

Тем временем власти уже осуществили два этапа повышения цен. Массовых протестов в связи с этим не было, хотя подпольное руководство Солидарности и призывало к забастовкам. Состоялись лишь отдельные, непродолжительные забастовки, вроде тех, о которых говорилось выше. Нет никакой надежды на то, что в ближайшем будущем могут повториться массовые протесты 70-х гг., когда повышение цен сопровождал взрыв общественного негодования.

После окончания судебного процесса над убийцами священника Попелюшко власти усилили репрессии против оппозиции. В начале года Збигнев Буяк в интервью подпольному журналу "Tygodnik Mazowsze" заявил, что в настоящее время в польских тюрьмах находится примерно 50 политзаключенных. В середине марта журнал сообщил, что в феврале были арестованы еще 22 человека, а 17 марта группа бывших интернированных в своем заявлении назвала уже цифру 107 человек. С тех пор количество арестов увеличилось. Среди прочих были арестованы три работника католической газеты "Poslaniec Warszawy". Во время ареста власти изымали подготовленные к набору проповеди Попелюшко.

Позже, в начале марта, группа сотрудников службы безопасности ворвалась в частную квартиру, где происходило собрание совета Политической конфедерации Независимой Польши — народно-демократической группировки, возник-

шей еще во второй половине 70-х годов. Возглавляет конфедерацию журналист Лешек Мочульский. Во время налета были задержаны 9 человек. Пять из них, в том числе Мочульский, были арестованы.

Спустя некоторое время Щецинская прокуратура возбудила уголовное дело против правозащитников Эдмунда Балуки и Яна Костецкого за то, что они организовали в Щецине Комитет защиты гражданских прав. Почти одновременно представитель правительства объявил, что вскоре перед судом предстанут Богдан Лис, Адам Михник и Владислав Фрасынюк. Продолжается следствие по делу Леха Валенсы, которого обвиняют в принадлежности к руководству нелегальной организации (то есть запрещенной Солидарности).

В последнее время возросло количество символических протестов, на которые, однако, власти почти не обращают никакого внимания. Так в Бежанах под Краковом была объявлена посменная голодовка в знак протеста против политических арестов.

Много некогда эффективных форм протеста ныне потеряли свое значение. Примером могут служить письменные заявления и протесты, которых на протяжении последнего месяца было подписано довольно много. Одна из самых значительных кампаний протеста, получившая широкую огласку, — многочисленные письма в органы власти от верующих перемышльской епархии, которую возглавляет епископ Игнацы Токарчук. Десятки тысяч человек выступили с протестом против ложных обвинений епископа в сотрудничестве с гестапо в годы Второй мировой войны. Письма протеста не имели никакого успеха, и официальная пресса продолжает чернить Токарчука.

Несмотря на приговор четырем сотрудникам МВД за убийство священника Попелюшко, уголовные расправы с неугодными лицами продолжают. Ярким примером, хотя не столь трагическим, как казнь Попелюшко, может служить нападение 12 марта в Кракове на французского издателя Фредерика Кастена. Его задержали сотрудники службы безопасности, конфисковали подпольные издания и приказали в течение 48 часов покинуть Польшу. Но сразу же после выхода из здания СБ "неизвестные" втолкнули Кастена в машину и увезли за город. Его подвергли издевательствам и пыткам, прижигали сигаретами ладони, плечи, живот.

Такие же "неизвестные" бросили на шоссе камень в автомобиль священника Янцажа. Приходской священник первого в "социалистическом" городе Новая Гута костела, за разрешение на строительство которого жители города вели долгую борьбу, Янцаж явно не пользуется симпатией со стороны властей. Построенный под Краковом во времена послевоенной сталинской индустриализации город Новая Гута должен был стать символом нового времени. Местные власти вознамерились изгнать из города "католическое мракобесие". Однако Новая Гута стала одним из самых прочных бастионов Солидарности, а центром деятельности активистов Солидарности сделался костел.

К счастью, брошенный в машину Янцажа камень, разбив ветровое стекло, никого не ранил. Другим жертвам нападений повезло меньше. 10 ноября 1984 г. на железнодорожной станции в Эльблонге было обнаружено тело 23-летнего активиста Солидарности, бывшего интернированного Кшиштофа Ясинского. Он скончался от внутреннего кровоизлияния в брюшную полость, вызванного сильным ударом. 11 января на железнодорожном полотне был найден тяжело раненный Леслав Мартин — член ревизионной комиссии Солидарности района Нижнего Шленска. Его сбросили на железную дорогу с виадука высотой в шесть метров. 23 января Мартин умер. До самой смерти за ним следили "неизвестные".

Эти инциденты пополняют длинный перечень таинственных убийств деятелей Солидарности. Однако преследования, хотя ныне и более жестокие, чем прежде, все же не самая страшная угроза оппозиционному движению. Его ячейки теперь более устойчивы, чем в 70-х годах. Более опасная угроза — отсутствие программных идей. Этот тупик особенно заметен на примере деятельности подпольных комитетов Солидарности при крупных предприятиях.

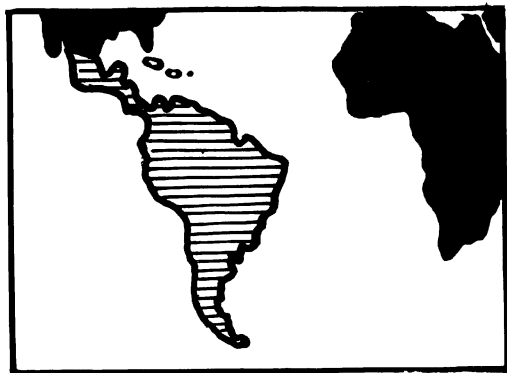
По моему мнению, трудности возникают в связи с неумением людей приспосабливаться к новым условиям, к ситуации спада революционного энтузиазма среди населения. Активисты Солидарности все еще живут представлениями того времени, когда заводские коллективы легко было мобилизовать для забастовок и конфронтации с администрацией. Ныне ситуация изменилась. Нет надежды быстро объединить рабочих с помощью политических лозунгов. Осталась скучная, но не менее опасная повсе-

дневная профсоюзная работа, которая привлекает немногих. Возникла пустота, которая расхолаживает и вызывает безразличие.

Пока что только подпольные издательства не столкнулись впрямую с этой проблемой. Не столкнулись с ней и группы так называемого независимого образования, которые продолжают устраивать многочисленные встречи и лекции по всей стране, а также группы, которые ведут независимые научные исследования. Эта часть подполья имеет конкретные цели и занятия, она видит результаты своей деятельности и находит интересной. Например, сейчас готовится к изданию фундаментальное собрание документов Солидарности и других независимых организаций, действовавших в 1980–1981 гг. Издание будет состоять из нескольких десятков томов. Уже вышедший в свет первый том в несколько сот страниц посвящен забастовке в Щецине в 1980 г.

Сейчас, по истечении трех лет деятельности подпольной Солидарности (после 13 декабря 1981 г.), можно сказать, что период оформления оппозиционного движения окончился. Настало время для принципиальной дискуссии о будущем этого движения в Польше. ●

В. Кучиньский

ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Семь стран Центральной Америки часто воспринимаются в сравнении с соседней Мексикой и такими американскими гигантами, как Бразилия и США, как страны незначительные и по территории, и по населению, и по их роли в международной хозяйственной и политической

жизни. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что по территории Центральная Америка превосходит Испанию и лишь немногим уступает Франции. Никарагуа, Гватемала и Гондурас по отдельности больше трех стран Бенилюкса, вместе взятых. Население семи стран, уже превышающее 22 миллиона человек, быстро растет.

Экономическое развитие Центральной Америки, действительно, оставляет желать лучшего. Многие страны переживают глубокий экономический кризис, вызванный отсутствием политической стабильности, устаревшей структурой землепользования и землевладения, зависимостью от монокультур в сельском хозяйстве. Во многом этот кризис является следствием международного промышленного кризиса. Промышленность в Центральной Америке развита плохо. Высокий процент прироста национального продукта в 70-х годах почти повсеместно канул в небытие в последние пять лет. Инфляция, рост бюрократизации и безработицы характеризуют современное состояние хозяйства большинства центральноамериканских государств.

Несмотря на это тяжелое положение, или, может быть, именно благодаря ему, политическая жизнь этого региона отличается большой напряженностью и привлекает пристальное внимание и американской, и европейской общественности. Политический спектр Центральной Америки включает и демократические режимы, более или менее соответствующие европейским стандартам, и правые военные диктатуры и, с недавних пор, откровенно промарксистский режим в Никарагуа. Новым дестабилизирующим фактором в регионе является поддержка одними странами отрядов повстанцев, действующих в других странах. В публикуемом ниже кратком обзоре освещается политическая ситуация в странах этого региона, за исключением Никарагуа. Положению в этой последней стране будут посвящены материалы в последующих номерах журнала.

БЕЛИЗ

Эта едва ли не самая маленькая страна региона (ее территория несколько превышает половину Голландии) очень редко населена: менее 170 тысяч человек. До 1973 г. Белиз был английской колонией и назывался Британским Гондурасом.

В 1964 г. стране была предоставлена внутренняя автономия и ею, вот уже более двадцати лет, управляет избранное демократическим путем правительство Объединенной народной партии во главе с Джорджем Прайсом. Оно располагает абсолютным большинством в парламенте (13 мест из 18) и ему противостоит парламентская оппозиция в лице Объединенного демократического фронта, в который входят три небольших партии.

Экономика страны находится в относительно стабильном состоянии и основывается на сельском хозяйстве (плантации сахарного тростника, бананов и цитрусовых, а также небольшие животноводческие фермы) и на дереводобывающей промышленности. Благодаря экспорту фруктов, сахара, красного дерева и других товаров национальный продукт составляет около 1100 долларов США на человека в год — средний для Центральной Америки показатель. Основные торговые партнеры Белиза — это Англия, США, Канада и Ямайка.

ПАНАМА

Возвращение к демократии после периода военной диктатуры и вступление в силу нового договора с США о Панамском канале в 1979 г. привели к тому, что Панама, привлекавшая внимание журналистов больше, чем какая-либо из центральноамериканских стран, теперь почти сошла с газетных и журнальных страниц. По площади лишь немного уступая Австрии (77 тысяч кв. км), Панама насчитывает всего два с небольшим миллиона человек населения. Переход к демократии был осуществлен в 1981 г. когда была вновь разрешена деятельность политических партий (сейчас их насчитывается полтора десятка). Первые после военного переворота 1968 г. демократические выборы главы государства произошли в мае прошлого года. Хотя во время выборов и возникли кровавые беспорядки, а победитель Николас Ардито Барлетта набрал всего лишь на 1700 голосов больше, чем его соперник, результаты выборов были приняты народом и, что еще важнее, — все еще пользующейся огромным влиянием национальной гвардией.

Экономика страны находится если не в блестящем, то в сравнительно стабильном состоянии.

Национальный продукт на душу населения приблизительно такой же, как в Коста Рике. Однако цены растут на 10 с лишним процентов в год при не меняющихся заработках, а безработица среди молодежи принимает угрожающий характер (около 40%). До сих пор левые партии не имели в Панаме какого-либо существенного влияния и борьба шла в основном между революционно-демократической партией (социал-демократы) с одной стороны и христианскими демократами и либералами с другой стороны. Однако задержка в решении проблем молодежи может привести к радикализации последней.

КОСТА РИКА

Стабильная демократия с 1948 г. которая — невиданное для Центральной и Южной Америки дело! — обходится без армии (вооруженная только стрелковым оружием гражданская гвардия может рассчитывать на поддержку полиции и милицеских образований, — в общей сложности 10 тысяч человек). Так можно охарактеризовать страну площадью в 50,7 тысяч кв. км. и с населением в почти 2,5 миллиона человек. Основные ее проблемы лежат в хозяйственной области. Хотя в Коста Рике национальный продукт на душу населения — самый высокий в Центральной Америке, он последнее время снижается ежегодно на несколько процентов. При инфляции, достигающей около 100 % в год и при 15 % безработных экономические трудности грозят перерасти в политические. В этих условиях президент Луис Альберто Монхе Альварес проводит курс строжайшей экономии. Однако эта политика сталкивается с затруднениями. Дефицит платежного баланса удалось в последние годы ликвидировать, но иностранная задолженность в 4 миллиарда долларов продолжает оставаться тяжелым бременем для бюджета страны.

САЛЬВАДОР

В настоящее время именно этой небольшой стране уделяется, наряду с Никарагуа, наибольшее внимание в прессе при освещении центральноамериканских дел. Хотя Сальвадор по площади уступает даже Белизу, это — наиболее плот-

но населенная страна региона. В ней проживает около пяти миллионов человек — это больше, чем в Гондурасе или в Никарагуа. Только Гватемала имеет большее население. Зато по плотности последнего Сальвадор может с успехом соревноваться со странами Бенилюкса.

Экономическое положение страны катастрофично. Наряду с Гондурасом и Никарагуа, Сальвадор относится к числу беднейших государств в регионе (национальный продукт на душу населения в два раза меньше, чем в Белизе и Гватемале и в три раза — чем в Коста Рике и Панаме). Вместо хозяйственного роста уже в течение нескольких лет, происходит уменьшение производства.

Хозяйственные неурядицы еще больше усложняются из-за гражданской войны, ведущейся с обеих сторон самыми зверскими методами. Количество ее жертв уже приближается к 50 тысячам. Каждый год несколько тысяч человек бесследно исчезают, причем винить в этом приходится не только левых повстанцев, но и правые "эскадроны смерти". Более 400 000 тысяч человек стали беженцами в своей собственной стране или же за ее пределами.

Правление военных, продолжавшееся 50 лет и доведшее страну до катастрофического положения, окончилось в 1982 г. Весной прошлого года президентом страны был избран кандидат умеренной христианско-демократической партии Хосе Наполеон Дуарте. Выборы проходили в обстановке военного террора со стороны левых повстанцев. Последние сделали все, что было в их, пока довольно ограниченных силах, чтобы не допустить избирателей к урнам. Около сотни солдат правительственной армии пали в день выборов в боях с повстанцами. Были жертвы и среди простых избирателей. Тем не менее, 70% последних приняло участие в голосовании. Дуарте победил лишь во втором туре выборов, обойдя по числу поданных за него голосов (53,59%) кандидата крайне правой партии Арена экс-майора Роберто Д'Обюссона. В парламенте, избранном в 1982 году, Дуарте мог рассчитывать лишь на поддержку 24 депутатов от христианско-демократической партии, да и то правое крыло этой партии склонялось к сотрудничеству с блоком правых партий, объединявшим остальных 36 депутатов.

Взяв умеренный курс и провозгласив установку на диалог с повстанцами, которых он называ-

Наполеон Дуарте после победы на выборах

ет "ушедшими в горы сальвадорцами", Дуарте собирался проводить эту политику независимо от ее одобрения или осуждения парламентом. Правда, две первые сессии переговоров с партизанами ни к чему конкретному не привели, ибо последние ставили условием прекращения гражданской войны предоставление им таких важных позиций в обществе и армии, которые не соответствуют их реальному весу в Сальвадоре. Дуарте пока предлагает им амнистию и равноправное участие в демократическом процессе.

К назначенным на 31 марта сего года выборам 262 бургомистров и всех 60 членов парламента Дуарте относился со сдержанным оптимизмом. Однако его лозунг мирных переговоров с повстанцами оказался гораздо популярнее в народе, чем сам президент мог это предполагать. Его партия не только завоевала 200 мест бургомистров и получила абсолютное большинство (33 кресла) в парламенте, но и смогла записать в свой актив первые проходившие в мирной обстановке выборы. Хотя партизаны и считают Дуарте своим врагом и утверждают, что, независимо от исхода выборов, власть все равно будет находиться в руках у армии, хотя в некоторых контролируемых повстанцами местностях они и запретили автобусным компаниям перевозить избирателей к урнам для голосования, но к военным действиям на этот раз они прибегать не стали. Более того, как полагают некоторые обозреватели, часть повстанцев даже приняла участие в выборах и проголосовала именно за Дуарте. Сделано это было в пику экс-майору и его партии Арена, которые провозгласили своим лозунгом: "Никакого диалога с мятежниками" и потерпели на выборах сокрушительное поражение.

Результаты выборов укрепили позицию Дуарте и умеренных в стране и помогут ему проводить свою политику восстановления страны без коалиции с консервативной партией национального примирения, хотя и более мирно настроенной, чем Арена, но все же выступавшей на выборах в союзе с ней.

ГОНДУРАС

По площади почти равный Кубе (112 тыс. кв. км), Гондурас в 2,5 раза реже заселен (4 млн. человек). Это самая бедная страна региона, в которой 65% населения живет в нищете, пол-миллиона детей страдают хроническим недоеданием, а безработица достигает 40%. Рост экономики упал до самого низкого за последние 30 лет уровня. Несмотря на громадную иностранную задолженность, инфляция растет, покупательная способность падает, происходит бегство капитала из страны.

В 1981 г. Гондурас первый из находившихся под управлением военных центральноамериканских республик перешел на правление гражданское. Соединенные Штаты приветствовали этот шаг и рассматривают с тех пор Гондурас как важнейшую опору в деле противостояния Никарагуа в попытках экспортировать революцию. Главой государства и правительства стал в январе 1982 г. Роберто Суасо Кордова, врач по профессии. В качестве кандидата либеральной партии он собрал неожиданно для самих либералов 54% голосов.

В ноябре этого года предстоят новые выборы. Так как по конституции Суасо не имеет права претендовать на пост президента во второй раз, он хотел добиться изменения основного закона страны. Однако, столкнувшись с сопротивлением как в рядах либеральной партии, так и со стороны армии, он предложил на пост президента кандидатуру своего друга, немолодого уже Оскара Мехия. Однако соперники президента во главе с лидером либералов и президентом конгресса Эфраином Бу Хироном собираются отклонить эту кандидатуру.

Пока же конгресс предпринял враждебный по отношению к президенту акт, отстранив от своих должностей пять лояльных Суасо членов Верховного Суда республики. Этот суд, согласно конституции, играет в некоторых ситуациях третейскую роль во внутривластных трениях

наподобие тех, что возникли сейчас. Таким образом Верховный Суд может влиять на процедуру выборов президента. Заменяв лояльных президенту судей своими сторонниками, парламентарии развязали конфликт с президентом.

Ответный удар последнего не замедлил последовать. По его распоряжению, генерал Уолтер Лопес, министр обороны Гондураса, известный как приверженец парламентской демократии, окружил здания "мятежного" конгресса и Верховного Суда отборными войсковыми частями (батальон Кобра) и приказал арестовать восемь вновь назначенных конгрессом судей, обвиненных президентом в измене, а также нового председателя Верховного Суда — Вальядареса Сото.

Следующий шаг сделал снова конгресс. Он принял закон об амнистии для политических заключенных, подразумевая под последними арестованных правительством судей. Смещенных же им судей конгресс обвинил в попытках манипулировать избирательным законом в пользу президента Суасо и его фракции меньшинства в правящей партии. Чем бы ни закончился этот серьезный кризис молодой гондурасской демократии, ясно, что он дает военным соблазнительный повод снова захватить власть под предлогом установления мира в стране. Однако, отрицательное отношение США к подобным переворотам и печальный опыт предыдущих военных диктатур заставят армию Гондураса оттягивать такое решение кризиса как можно дольше.

ГВАТЕМАЛА

По площади лишь немногим уступая Гондурасу, эта страна имеет самое значительное в Центральной Америке население (около 8 миллионов человек). Тысячелетний расцвет культуры майя, прерванный испанским завоеванием, вряд ли оказывает существенное влияние на современное состояние общества. Даже международный туризм, который мог бы стать одним из существенных источников доходов, переживает упадок из-за длящейся вот уже 30 лет гражданской войны. Международная пресса уделяет этой борьбе, да и вообще положению в Гватемале, гораздо меньше места, чем Сальвадору. Это объясняется тем, что гражданская война имеет здесь значительно меньший накал, давно уже стала привычной принадлежностью жизни и ни в коей

мере не угрожает устоям государства. Экономический бум 70-х годов (годовой прирост национального продукта 6%) и достигнутый страной сравнительно высокий – чуть выше среднего по Центральной Америке – уровень жизни лишили левых партизан поддержки в народе. Поэтому, несмотря на резкое замедление темпов развития в начале нынешнего десятилетия, численность повстанцев сокращается (4000 в 1982-83 гг., не более 2500 в январе 1985 г., а сами они были полностью оттеснены в отдаленные районы на границе с Мексикой. Вот уже более года им не удастся провести ни одного террористического акта в столице.

В борьбе с повстанцами правительство осуществляет широкую программу действий. Для военной подготовки солдат были приглашены инструкторы с Тайваня, из Израиля, Колумбии и Аргентины. Американская военная помощь незначительна, но правительство закупило военное снаряжение и вооружение в Израиле и на международных рынках оружия. Впрочем, эти скромные закупки не сыграли столь важной роли, как стратегические усилия по изоляции повстанцев от населения. Для привлечения крестьян на свою сторону, правительство стало брать на себя расходы по восстановлению разрушенных партизанами домов. Более миллиона крестьян были вооружены и привлечены к охране своих деревень. Жителей наиболее бедных районов стали переселять во вновь построенные компактные и расположенные на легко обороняемых холмах образцовые деревни. Эта акция должна охватить около 300 000 крестьян в пограничных с Мексикой районах. 12 таких деревень уже построено, 60 находятся в стадии сооружения. Лагеря беженцев, в которых партизаны черпали новых приверженцев, были расформированы, а сами беженцы переселены в другой конец страны.

Недостаток технической оснащенности и вытекающую отсюда малую мобильность армия компенсировала созданием большого числа небольших самостоятельных частей, подчиненных лично президенту (он же и министр обороны) генералу Оскару Умберто Мехия Викторесу. Основные дороги регулярно контролируются военными патрулями, просматриваются с расположенных на возвышенных местах наблюдательных пунктов. Все это привело к значительному сокращению числа жертв, общее количест-

во которых с 1960 г. уже превысило 30 тысяч человек. Правительству удалось не только сковать действия партизан, но и обуздать в какой-то мере правую милицию, "эскадроны смерти", которые, как и в Сальвадоре, не останавливались перед массовым уничтожением жителей деревень, заподозренных ими в сочувствии левым мятежникам. Тем не менее и по сей день в Гватемале исчезают бесследно борцы за права человека, левые профсоюзные деятели и другие противники правых. В среднем около ста человек в месяц становятся жертвами левых и правых экстремистов.

Президент страны правонастроенный генерал Мехия пришел к власти в августе 1983 г. До этого он был министром обороны в правительстве леволиберального генерала Эфраина Риоса Монтя, как и он, пришедшего к власти после государственного переворота. Нынешнему президенту удалось гуманизировать судебную систему страны, значительно снизив число выносимых смертных приговоров. Наиболее неожиданным для иностранных наблюдателей оказался тот факт, что он сдержал свое обещание о проведении свободных выборов в конституционную ассамблею. Победили партии центра и умеренные. Работа над новой конституцией еще не закончена (из 272 статей старой конституции в новой редакции приняты лишь 39) и президент торопит законодателей с окончанием этой работы до назначенных на июль выборов нового президента.

Две основные проблемы, которые придется решить новому гражданскому президенту страны – это ограничение громадного влияния армии на государственные дела и выведение страны из общего для всех стран Латинской Америки экономического кризиса. Армия пожирает в настоящее время 12% правительственного бюджета, контролирует национальную авиакомпанию Гватемалы, имеет собственный банк и держит под своим присмотром не только силы безопасности, но и само правительство (образовав теневой кабинет из офицеров). В экономической области необходима девальвация денежной единицы, против чего правительство до сих пор решительно возражало из соображений национальной гордости. В результате на пути экспорта из Гватемалы стоят непреодолимые для многих фирм трудности, а импорт искусственно стимулируется. ●

Е. Габович

АЛКОГОЛИЗМ В СССР

В начале 1985 г. на Запад попал документ под названием: "Правда об алкоголизме в СССР. Краткие результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Новосибирского Отделения Академии Наук в 1983 году". Сообщения об этом документе были опубликованы практически во всех крупных западных газетах, некоторые газеты опубликовали почти полные переводы документа.

На русском языке полный текст документа опубликовали журнал "Посев" (№ 4, 1985 г.) и газета "Русская мысль" (№ 3555 от 1 февраля 1985 г.). "Русская мысль" в кратком редакционном введении высказала предположение, что документ является "самиздатским рефератом проведенного исследования". Газета отмечает: "Перед заглавием стоит цифра II, и, по всей вероятности, сам этот реферат — лишь часть большой самиздатской работы, но содержание остальных ее частей нам пока неизвестно".

Редакция "Страны и мира" располагает полным самиздатским текстом. Часть, помеченная цифрой I, ранее не публиковавшаяся, называется: "Выдержки из доклада действительного члена Академии медицинских наук СССР Ф. Г. Углова "Медицинские и социальные последствия употребления алкоголя в СССР" (1982 г.)". Ф. Г. Углов (р. 1904 г.) — выдающийся советский хирург, основные труды его относятся к хирургии пищевода, хирургическим методам лечения пороков сердца и др. Несколько удивительно, что именно он делает доклад о последствиях употребления алкоголя.

Сейчас мы можем частично прояснить происхождение документа. Постоянный московский корреспондент "Страны и мира", приславший нам полный текст документа, в сопроводительном письме сообщает следующее:

"И доклад Углова, и исследования новосибирцев были засекречены сразу же после того, как их авторы отправили эти материалы в ЦК. Однако до засекречивания один из членов новосибирской группы (фамилия его мне неизвестна), проводившей исследования, прочел лекцию, основанную на полученных результатах. Лекция была для неспециалистов, поэтому она несколько упрощена и беллетризирована. Один из слушателей записал ее на магнитофон, потом кассета попала ко мне. Я ее расшифровал, проведя при этом минимальную редактуру."

Итак, первоисточник документа — некая магнитофонная кассета, циркулирующая в Москве, неизвестно с чьих слов и когда записанная. Из сообщения нашего корреспондента неясно, были ли записаны на кассете оба текста — и "доклад Углова", и "новосибирский документ". По-видимому, были, ибо совершенно очевидно, что оба эти текста — не независимы. И цифры, приводимые в них, и логика мысли, и структура изложения, подчас отдельные выражения — очень близки. Это тем более странно, что "доклад Углова" отнесен к 1982 г., а "исследование" новосибирцев было сделано на год позже, а предано гласности в публичной лекции еще позднее.

Ниже публикуется — впервые — *полный* текст самиздатского документа. Мы сопровождаем его двумя комментариями: один принадлежит американскому профессору Владимиру Тремлю (Дьюкский университет), одному из немногих специалистов по проблемам алкоголизма в СССР, другой — нашему редактору Сергею Максудову, специалисту по вопросам демографии. Комментарии были написаны ко II части самиздатского текста ("новосибирскому документу"), но, как мы уже отмечали, первая часть едва ли является независимым документом. Большинство замечаний В. Тремля и С. Максудова в равной мере относятся и к "докладу Углова".

Оба комментатора приходят к единодушному выводу, что самиздатский документ об алкоголизме — подделка. Об этом неопровержимо свидетельствуют очевидная неосведомленность автора документа в общей и медицинской статистике, недостоверность многих данных, наконец, стиль и язык документа. Другой вопрос — существование самой проблемы алкоголизма в СССР и ее действительные масштабы. О том, что масштабы эти удручающе велики, что пьянство и его последствия

приняли характер национального бедствия, — не может быть двух мнений. Совершенно очевидно, что об этом нужно говорить во всеуслышание, — тогда и отпадет необходимость в фабрикации подпольных документов, выдаваемых за академические доклады. Одна из причин, — хотя, разумеется, не единственная, — того, что власти в Советском Союзе бессильны бороться с общенародным злом неслыханного масштаба, — отсутствие гласности и намеренное извращение фактов. Правда об алкоголизме утаивается совершенно так же, как утаивается правда о любых других социальных пороках. Но требование безупречной достоверности фактических данных имеет равную силу для всех. Нельзя анализировать алкогольную катастрофу, прибегая к передержкам. Уклонение от правды всегда мстит за себя, и даже тревога за судьбу своего народа может обернуться оскорбительным неуважением к народу. ●

САМИЗДАТ (Москва)

І . ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР Ф.Г.УГЛОВА "МЕДИЦИНСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СССР" (1982 г.)

Ф.Энгельс объяснял распространение алкоголизма двумя причинами: тяжелыми условиями труда и общедоступностью спиртных напитков. В нашей стране за последние годы общедоступность приняла катастрофические размеры.

Известно, что в таких странах, как США и Англия, а также во многих странах "третьего мира", например, в Индии, стоимость бутылки виски в 5—10 раз выше, чем у нас (в сравнении со стоимостью предметов первой необходимости). Магазины с алкогольными напитками открыты у нас на каждом шагу, в том числе и в тех местах, где располагаются школьные и детские дошкольные учреждения. В Петроградском районе Ленинграда на 14 жилых домов приходится 15 питейных заведений.

Росту потребления спиртных напитков способствует изготовление как государственного, так и кустарного алкоголя (самогон, чача и т.д.). Кустарное производство алкоголя не только не было вытеснено продажей водки, оно неуклонно возрастает. Между тем, одним из главных мотивов продажи государственной водки была, якобы, необходимость вытеснения самогонварения. В действительности же, вместо 180 млн. литров самогона в 1923 году население СССР выпило в 1973 году 3,5 млрд. литров водки и самогона (не считая вина и пива), т.е. в 20 раз больше всей продукции самогонщиков 1923 года.

Политика вытеснения самогона водкой явно не удалась. То же случилось и с политикой вытеснения водки более слабыми напитками (сухими винами), предпринятой в 1960—1970 годах. В результате этой попытки потребление вина за 10 лет возросло в 10 раз, однако потребление водки тоже возросло. Всего же за 40 лет (с 1940 по 1980) производство вина возросло на 1600%, а население выросло на 35%.

Статистические данные показывают, что потребление спиртных напитков на душу населения в пересчете на чистый спирт растет в нашей стране значительно быстрее, чем в других странах. Так, за 17 лет (1950—1966) потребление спирта возросло: в Бельгии — на 10%, в США — на 16%, в Англии и Швеции — на 17%, а в СССР — на 185%.

Увеличение производства и потребления алкоголя у нас заранее планируется, причем планируется без учета роста населения страны. Так, если выручку от продажи алкогольных напитков 1936-го года принять за 100%, то в 1970 году она составила 157%, в

1975 — 214%, в 1976 году — 325%. Таким образом, если с 1940 по 1980 год население нашей страны увеличилось на 35%, то потребление алкогольных напитков возросло на 270%, то есть более чем в 20 раз. Это значит, что рост потребления спиртных напитков на душу населения за последние 40 лет в нашей стране в 20 раз превышает рост населения.

Катастрофа усугубляется тем, что темпы роста из года в год увеличиваются. Если с 1940 по 1965 год (то есть за 25 лет) производство алкогольных напитков в СССР возросло на 280%, то с 1970 по 1979 год (то есть за 10 лет оно увеличилось на 300%. Таким образом, темпы роста за последние 10 лет в 2,5 раза выше, чем в 1940—1965 годах. С 1970 по 1979 год население СССР возросло на 8%, производство муки и хлебных изделий — на 17%, а алкогольных напитков — на 300%. Это значит, что темпы роста и потребления алкоголя в нашей стране в 18 раз превышают темпы роста производства муки и хлеба и в 35 раз — темпы роста населения.

На спаивание нашего народа работает и импорт, для этого мы не жалеем даже валюту. В 1979 году нами закуплено алкоголя на 450 млн. рублей, в том числе водки — более 40 млн. литров и более 600 млн. литров вина.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что рост пьяниц и алкоголиков идет у нас быстрыми темпами. Если в 1913 году среди различных категорий рабочих-мужчин трезвенников было 43%, то в настоящее время — 1—2%. В 1925 году алкоголиков и бытовых пьяниц было у нас 9,6%, в 1973 году их было уже 30%. В 1970 году по данным Всемирной организации здравоохранения в СССР насчитывалось 9 млн. алкоголиков, в настоящее время число их увеличилось в три раза (не считая бытовых пьяниц).

Еще трагичнее положение с женщинами-алкоголичками. Если в предвоенные годы их количество относительно числа мужчин-алкоголиков составляло сотые доли процента, то теперь женский алкоголизм составляет 9—11%, то есть пропорционально возрос в 1000 раз.

В 1970 году в уральском городе Нижний Тагил (население составляло тогда 390 тыс. человек) было зарегистрировано 700 алкоголиков, из них — 2 женщины. На 1 января 1980 года (население составляло 415 тыс. человек) было поставлено на учет 9800 алкоголиков, в том числе более 800 женщин и 78 подростков в возрасте до 18 лет.

Все заметнее неустойчивость к алкоголю нашей молодежи. В 1913 году юношей и девушек, совсем не употреблявших алкоголь, было 95% (до 18 лет). В 1925 году употребляли алкоголь 16,6%. В наши дни, согласно многочисленным исследованиям, пьющая молодежь в возрасте до 18 лет составляет 95%.

Существует мнение, что государство имеет большую прибыль от продажи алкогольных напитков. Трудно найти более убийственную характеристику экономике нашей страны и социализма. Однако мнение это неверно и фактически. Исследование, проведенное известным советским экономистом академиком С.Г.Струмилиным в 1973 году, показало следующую картину: "алкогольная добавка" к бюджету 1973 года составила 20 млрд. рублей. Убытки составили:

1. 25—30 млрд. рублей в результате прогулов и снижения производительности труда от пьянства.
2. 3—4 млрд. рублей на лечение алкоголиков и заболевших от алкоголя.
3. Десятки миллиардов рублей (точнее определить невозможно из-за отсутствия убедительной статистики) потери от аварий, поломок машин и механизмов на производстве и на транспорте, происшедших в результате пьянства.

Таким образом, убытки от продажи алкогольных напитков в 1973 году составили, по данным академика Струмилина, 60—65 млрд. рублей.

В настоящее время "алкогольная добавка" к бюджету составляет 40—45 млрд. рублей, однако убытки выросли в геометрической прогрессии: не менее чем в 4 раза. Академик Струмилин подсчитал, что в результате отрезвления труда один лишь рост производительности труда в промышленности составит 10% в год.

Еще более тяжелыми для нашего народа являются людские потери от употребления алкоголя. Прежде всего они проявляются в снижении рождаемости. Если бы мы сохранили рождаемость хотя бы на уровне 1960 года (когда потребление алкоголя возросло уже более чем вдвое по сравнению с 1940 годом), то и в этом случае мы имели бы дополнительный прирост населения не менее чем на 28–30 млн. человек. Если бы мы сохранили уровень смертности того же 1960 года (а развитие науки и рост благосостояния народа должны были бы привести к снижению смертности), если бы мы не повысили смертность к 1981 году более чем на 45%, то за 20 лет мы сохранили бы жизнь более 15 миллионам человек. Ибо, согласно медицинским данным, мы теряем из-за алкоголя около миллиона человек в год, что равнозначно 12 атомным бомбам Хиросимы ежегодно. Однако в действительности потери еще более тяжелые.

За последние 20–30 лет смертность заметно снизилась во всех странах. Наша страна представляет печальное исключение. Так, с 1950 по 1979 год в США смертность снизилась с 9,6 до 8,7 на тысячу человек населения, в Китае — с 17,0 до 6,2, в Японии — с 10,9 до 10,1. В СССР же с 1960 по 1979 год смертность повысилась с 7,1 до 10,4, то есть на 46%. Смертность у нас на 63% выше, чем в Китае, хотя пропорционально населению, врачей у нас в 6 раз больше.

И в то же время за этот период производство алкоголя возросло у нас на 500%!

Таким образом, прямые человеческие потери от алкоголя за 20 лет составили у нас 45–48 млн. человек. Но кроме того за то же время мы получили целую армию живых трупов в виде алкоголиков. Их также следует отнести к людским потерям, подчас еще более тяжелым, чем смерть.

В 1980 году число алкоголиков у нас — не менее 17 млн. человек. К этому нужно прибавить 20–25 млн. человек, находящихся в угрожаемом положении (пьяницы и предалкополики). Подавляющая часть контингента алкоголиков и пьяниц — мужчины наиболее трудоспособного возраста: 25–30 лет.

Таким образом, за 20 лет (1960–1980) людские потери нашей страны исчисляются 70–80 миллионами человек.

На мой взгляд, для спасения нашего народа от деградации, разорения и физического уничтожения необходимо немедленно ввести "сухой закон". Подобный опыт в 1914–1924 годах принес нашей стране резкое снижение прогулов, значительное повышение производительности труда, полное трезвление народа и его оздоровление.

II. ПРАВДА ОБ АЛКОГОЛИЗМЕ В СССР. КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО ЛАБОРАТОРИЕЙ НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1983 ГОДУ.

Русскую интеллигенцию всегда мучили три вопроса: что происходит? кто виноват? что делать? На наш взгляд, эти три вопроса стоят сейчас особенно остро в отношении проблемы алкоголизма в нашей стране.

Мы построили график потребления алкоголя на душу населения с 1900 по 1980 год. Расчеты делались в литрах абсолютного алкоголя. Литр абсолютного алкоголя — это литр стопроцентного спирта; он равен соответственно 2,5 литрам водки.

1905-й год: "пьяная" царская Россия. Мы пили 3,5 литра абсолютного алкоголя на человека в год. 1910 год: 3,6 литра. Затем производство и потребление алкоголя в стране резко возрастает, и в 1914-ом году — 4,7 литра. В 1914 году в нашей стране был введен "сухой закон", который продержался 11 лет, до смерти В.И. Ленина. В 1924 году "сухой закон" был отменен, а в 1925 году мы потребляли 0,8 литра абсолютного алкоголя на человека в год. В 1940 году — 1,9 литра. Во время войны производство и

потребление алкоголя резко упало (статистические данные отсутствуют), большинство винокуренных заводов было закрыто. На уровень 1940 года — 1,9 литра — мы вышли только в 1952 году. А начиная с 60-х годов с алкоголем у нас в стране стало твориться нечто невообразимое. В 1980 году мы превысили уровень потребления алкоголя по сравнению с "пьющими" странами в 2,5 раза и потребляли 10,8 литров абсолютного алкоголя на человека в год. Построенный нами график показывает, что кривая потребления алкоголя к 2000 году выводит нас на уровень 20 литров абсолютного алкоголя на человека в год.

С 1980 по 1983 год никаких радикальных изменений не произошло. Скорее можно говорить об ухудшении положения: в 1983 году была снижена цена на водку — появилась дешевая водка по цене 4 руб.70 коп., а также снижены наценки на водочные изделия в ресторанах. В 1983 году мы выпили по 12 литров абсолютного алкоголя на человека. Это 30 литров водки. В 1983 году на каждого советского человека — на младенца и на старушку, на непьющего мусульманина и на пьющего христианина — на каждого было выставлено в магазинах по 60 бутылок водки, эта водка была куплена, и все это море водки было выпито.

В 1980 году в нашей стране было 40 миллионов алкоголиков и пьяниц — причем только официально зарегистрированных. И если в ближайшие годы не будут предприняты чрезвычайные меры, то к 2000 году у нас в стране будет 80 миллионов алкоголиков и пьяниц. А это — 65% всего трудоспособного населения.

С нами никто не собирается воевать. Все разговоры о "Першингах" и напряженных взаимоотношениях — все это блеф. Зачем с нами воевать, если через 12-15 лет мы просто сами развалимся как суверенное государство? Государство, в котором более половины взрослого населения состоит из алкоголиков и пьяниц, недееспособно и не оборотоспособно в принципе.

В сибирских деревнях началась алкогольная разруха. В подавляющем большинстве деревень пьют все, начиная с председателя колхоза и кончая конюхом. Наш институт в этом году выращивал свеклу для Академгородка, потому что деревня, которая должна была эту свеклу вырастить, просто спилась, там некому работать.

Самый страшный итог этого двадцатилетнего пьяного безумия — прогрессирующее вырождение нации, и в первую очередь — русской. Среди русского населения пьянство получило самое широкое распространение. Мы составили график так называемого коэффициента популяционной деградации нации. Это процент школьников, обучающихся в специальных школах для дебилов. График сдвинут относительно графика потребления алкоголя на 13 лет: мы пьем — веселимся, зачали ребенка, через год он родился, через 7-8 лет мы отправили его в подобную школу, где его будут учить говорить, держать ложку, одеваться и так далее; плюс еще средние 4 года (в этой школе учатся 8 лет); итого — 13 лет. У этого графика идеальная корреляция с графиком потребления алкоголя. Обрывается наш график 1975 годом, так как позже данные о школах для дебилов перестали публиковаться где бы то ни было: данные эти нас сильно дискредитируют. На семинаре общества "Знание" по алкогольной проблеме доцент педагогического института Меерович сообщил следующие данные: в 1982 году 3,5% родившихся в стране детей имели тяжелые отклонения в психическом и физическом развитии, а 13% имели отклонение средней тяжести. 16,5% детей, родившихся в 1982 году, — дебилы, а это значит — каждый шестой родившийся ребенок. И все это — результат потребления алкоголя.

На одном совещании академик Углов привел следующие данные: в 1960 году, когда пьяное безумие только начинало охватывать страну, в Октябрьском районе города Ленинграда не было ни одной школы для дебильных детей, сейчас — 4. В Вологодской области в 1960 году было всего 2 таких школы, сейчас — 18. В Донецкой области таких школ было 4, сейчас — 38.

Такое вырождение нашего народа — самая страшная трагедия за всю его тысячелетнюю историю. Трагедии случались и раньше, но рождалось здоровое потомство, способное к поступательному движению. А кого мы оставляем после себя? В этом (1983) году мы уже нарожали столько дебильных детей, что в 1993 году в таких школах будут учиться не менее 15% детей. Даже если прямо сегодня ввести "сухой закон", то эти люди уже повиснут тяжелейшими гириями на шее нашего общества еще на 60—80 лет. Живительный родник, который десятилетиями питал нашу интеллигенцию, безнадежно отравлен водкой.

Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что алкоголизм — это программа вытеснения нас как нации с лица земли. За 40 лет (1940—1980) производство алкогольных напитков возросло почти в 8 раз, а если за изначальную точку взять 1950 год, то более чем в 10 раз. Тогда как население выросло всего на 35%. В 1960 году на 1000 человек населения родилось 25 детей. В 1980 году — 18 детей, из них трое — дебилов. За 20 лет рождаемость снизилась на 25%. Данные по смертности: в 1960 году на 1000 человек населения — 7,1, в 1980 году — 10,4. За 20 лет смертность возросла на 46%. Практически единственная причина этого возрастания смертности — алкоголизм. В нашей стране работает четверть всех врачей мира, все демографические показатели должны были бы улучшаться, а смертность у нас в 1,5 раза выше, чем в Китае.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, алкоголики живут в среднем на 17 лет меньше, чем непьющие. В сибирских деревнях практически нет пенсионеров-механизаторов: из-за постоянного употребления алкоголя люди просто не доживают до 60 лет. Они кое-как работают до обеда с единственной мыслью: после обеда напиться. Встретить в деревне вечером трезвого мужчину — все равно что встретить марсианина.

В 1975 году сессия ВОЗ признала алкоголь таким же наркотиком, как марихуана, героин и т.п. У нас же алкоголь до сих пор считается "пищевым продуктом". Главный нарколог СССР Бабаян в своей книге очень изящно доказывает, что алкоголь не является наркотиком. Он задает вопрос: является ли алкоголь наркотиком? И отвечает: конечно же, нет: ведь наркотик нельзя купить в магазине, а алкоголь — пожалуйста!

Утверждается, что русский народ — извечный пьяница. Дескать, водка у русских в крови и даже в генах (есть уже и такое мнение). Однако это ложь. Пьяницами мы стали только в последние 15—20 лет. До этого мы были самой непьющей нацией из всех пьющих. До 1960 года мы пили меньше финнов, шведов, норвежцев, американцев, итальянцев и французов.

Утверждается также, что водка продается потому, что это выгодно государству. Это тоже ложь. Алкоголь разоряет нашу страну. В настоящее время в бюджет государства ежегодно поступет более 45 миллиардов рублей от продажи алкоголя. Однако убытков от его потребления — в 4 раза больше. Убыточность для общества широкой продажи алкоголя неоднократно подсчитывалась английскими, американскими, французскими и немецкими экономистами. Русские экономисты тоже производили подсчеты — в 1913, 1928 и в 1973 годах. Вывод один: продажа алкогольных напитков обществу убыточна. В среднеазиатских деревнях, где почти не пьют, — великолепные дома, полно всякого добра, автомашины, мотоциклы. Еще тяжелее потом смотреть на умирающие русские деревни.

До 1960 года мы выполняли и перевыполняли все пятилетние планы. Начиная с 1960 года наша экономика как бы наткнулась на стену. Алкоголизм и есть фундамент этой стены.

В 85% таких тяжких преступлений, как убийство, изнасилование, разбой и грабеж, повинен алкоголь. Хулиганство же у нас вообще не бывает трезвым.

В 1913 году в среднерусских губерниях проводился социологический опрос, и было выяснено, что 43% мужчин в этих губерниях — трезвенники. Почти половина мужчин не брала в рот ни капли спиртного. Подобный опрос в тех же областях был проведен в

1979 году; трезвенников при этом оказалось 0,6%. 99,4% наших мужчин пьют. Непьющих женщин в 1913 году оказалось 90%, а в 1979 году — 2,4%. 97,6% наших женщин пьют. А пьянство женщин — это самый короткий путь к нашему концу. Академик Углов рассказывает о женщине-алкоголичке, которая родила пятерых детей от пяти разных мужей. Все пять детей оказались дебилами.

В 1913 году юношей и девушек до 18 лет, не употреблявших алкоголь, было 95%. В 1979 году таких непьющих юношей и девушек было уже менее 5%.

3 сентября 1980 года в "Литературной газете" академик Петровский, бывший тогда министром здравоохранения СССР, писал: "Прежде всего следует отметить, что если в капиталистических странах потребление алкоголя продолжает расти быстрыми темпами, то в нашей стране наблюдается значительное замедление употребления спиртных напитков".

И пишет это министр здравоохранения, человек, которому мы должны верить! И пишет он это тогда, когда мы находимся в высшей точке нашего национального бедствия — алкоголизма!

Далее академик Петровский писал: "Как ни парадоксально это звучит, но нас радует, что по статистике наблюдается увеличение больных алкоголизмом, потому что такое увеличение обусловлено более интенсивным выявлением этих больных".

Министра здравоохранения радует, что у нас растет число больных алкоголизмом!

В книге "Майн кампф", по поводу политики на восточно-славянских территориях, Гитлер писал: "Для них (для славян) — никакой гигиены, никаких прививок, только водка и табак".

Этот наказ Гитлера мы сейчас и выполняем. ●

Владимир ТРЕМЛЬ (США)

КОММЕНТАРИЙ К "НОВОСИБИРСКОМУ ДОКУМЕНТУ"

Документ озаглавлен: "Правда об алкоголизме в СССР. Краткие результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Новосибирского отделения Академии Наук СССР в 1983 г." По-видимому, это подделка. Скорее всего, документ написан советским гражданином, имевшим доступ к статистике потребления алкоголя в СССР. Обеспокоенный масштабами проблемы, он решил предать гласности свои открытия, а чтобы придать своим словам больше веса, он приписал их Академии Наук. (Кстати, не существует Новосибирского отделения Академии Наук. Правильное название: Сибирское отделение АН СССР. Расположено оно, действительно, в Новосибирске).

В тексте имеется целый ряд фактических ошибок, невозможных в академическом исследовании. Вот примеры.

Автор документа утверждает, что потребление абсолютного алкоголя на человека в год в 1940 и 1952 гг., составляло 1,9 л, к 1980 г. увеличилось до 10,8 л, а к 1983 г. — до 12,0 л. Утверждается также, что "мы превысили уровень потребления алкоголя по сравнению с "пьющими" странами в 2,5 раза."

Цифра для 1952 г. приблизительно верна. Согласно авторитетному советскому источнику¹, в 1980 г. потребление алкоголя на человека в возрасте 15 лет и старше составило 11,3 л (эта цифра подтверждается другими данными). На душу населения в

¹ Заиграев. "О некоторых особенностях профилактики пьянства", Социологические исследования, № 4, 1983, стр. 97.

целом соответствующая цифра будет 8,6 л, а не 10,8, как утверждает документ. Легко понять, как была получена цифра 10,8. Автор взял величину душевого потребления алкоголя в 1940 г., умножил ее на количество населения в это время, учел скорость роста розничной продажи алкогольных напитков между 1940 и 1980 г. (7,6% в год по советским данным),¹ и разделил полученный результат на количество населения в 1980 г. Чего автор не знал, так это то, что официальные советские цифры возрастания розничной продажи преувеличены из-за роста цен, и их нельзя использовать для подобного рода расчетов. Цифра для 1983 г., приводимая автором, — 12 л алкоголя на душу населения — также, по-видимому неверна. Более близкая к истине оценка, хотя и приблизительная, — 8 л на душу населения.

Автор заблуждается также, говоря, что потребление алкоголя на человека в год в СССР выше, чем в других "пьющих" странах. Фактически на душу населения во Франции, Италии и Португалии алкоголя потребляется больше, чем в СССР. Причина, по которой злоупотребление алкоголем и его воздействие на здоровье в СССР внушает гораздо большую тревогу, несмотря на меньшее потребление алкоголя на человека, заключается в высокой пропорции крепкого (40°–80°) алкоголя, потребляемого в СССР. В Советском Союзе действительно наиболее высокое потребление на человека, но не абсолютного алкоголя, а алкоголя в виде крепких напитков.

Автор документа совершенно пренебрегает самогоном, самодельным вином и пивом, без чего просто невозможно анализировать динамику советского потребления алкоголя. Автор выражает тревогу в связи с якобы более чем пятикратным увеличением душевого потребления алкоголя между 1952 и 1980 г. (с 1,9 до 10,8 л). В действительности в 1952 г. потребление водки государственного производства в сельских областях со славянским населением было пренебрежимо мало. Крестьяне удовлетворяли жажду самогоном, а в винопроизводящих республиках — Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджане — домашним вином. Без учета этих самодельных напитков статистика душевого потребления становится обманчивой. В точности исправить цифры автора невозможно, но можно проиллюстрировать нашу мысль: с 1955 по 1980 г. потребление абсолютного алкоголя в форме напитков государственного производства на человека в возрасте старше 15 лет увеличилось в 3,4 раза, тогда как общее потребление алкоголя, включая самогон, — всего в 2,4 раза.

Автор сообщает, что в 1980 г. в СССР было официально зарегистрировано 40 млн. алкоголиков и пьяниц, и что к 2000 г. эта цифра удвоится. Трудно анализировать цифру 40 млн., не определив точно, что означает термин "зарегистрированный". Алкоголики и лица, злоупотребляющие алкоголем, регистрируются в СССР в следующих случаях: 1) когда их помещают в вытрезвители; 2) когда их, добровольно или принудительно, подвергают клиническому лечению или помещают в специальные лагеря (ЛТП); 3) когда их подбирают машины скорой помощи.

Официальные советские источники не сообщают истинного числа зарегистрированных лиц, но очень предположительные оценки показывают, что в начале 1980-х гг. каждый год регистрировалось от 12 до 15 млн. "новичков". Если цифра, приводимая автором, означает полное число тех, кто в 1980 г. уже находился в картотеках — то есть, зарегистрированных в 1980, 1979, 1978 и так далее — то эта цифра, вероятно, верна. Она, тем не менее, вводит в заблуждение, так как не учитывает повторных регистраций, скончавшихся алкоголиков и тех, хоть и немногих, кто бросил пить, побывав в вытрезвителе. Если же считать, что 40 млн. — это число вновь зарегистрированных в 1980 г. алкоголиков и пьяниц, то в столь высокую цифру просто невозможно поверить.

Утверждение, что эта цифра удвоится к концу столетия, невозможно проверить не имея дополнительных данных, но оно также выглядит преувеличением.

¹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., стр. 402.

Другой вопрос, вызывающий озабоченность, — это социально-экономическая цена злоупотребления алкоголем. Согласно документу, государство выручает от продажи алкогольных напитков 45 млрд. рублей, тогда как общие потери от этого вчетверо выше — 180 млрд. рублей.

Величина доходов кажется разумной, если учесть налог с оборота (оцениваемый в 1983 г. в 39 млрд.), прибыль от предприятий, производящих алкогольные напитки, и прибыль от импорта напитков. С оценкой потерь в 180 млрд. рублей, напротив, согласиться трудно, ибо эта цифра составляет около трети национального дохода. Опять же, все зависит от определений и от использованной методики подсчетов. Например, преждевременные потери человеческих жизней, связанные с алкоголизмом, вполне могут достигать трех четвертей миллиона человек в год. Как можно оценить эти потери в рублях?

Каким образом автор или авторы документа получили цифру в 180 млрд. рублей? В документе говорится, что величины потерь "подсчитывались английскими, американскими, французскими, немецкими экономистами". Это попросту неправда. Оценить полные национальные социально-экономические потери, вызванные алкоголем, в любой стране крайне трудно. Советские официальные органы просто не публикуют статистики, достаточно надежной, чтобы можно было оценить даже прямые потери производительности труда, не говоря уже об общих потерях. Ни один западный экономист, по крайней мере в печати, не рискнул оценить уровень потерь,¹ так что данное утверждение документа — чистый вымысел.

Итак, данные, приводимые в документе, преувеличены. Надо, однако, подчеркнуть, что проведенные мною в начале 1980-х гг. исследования, показывают, что проблема алкоголизма и злоупотребления алкоголем в СССР действительно достигла тревожного, возможно, критического уровня, особенно в славянских и прибалтийских республиках. Социальные и экономические потери от злоупотребления алкоголем и его влияние на смертность и заболеваемость среди крупных наций, вероятно, на самом деле наиболее велики именно в СССР. Но эта тревожная картина вырисовывается из гораздо более реалистической статистики, достаточно драматичной и без преувеличений.

И последнее: вызывают сомнение стиль и тон документа, слишком непрофессиональный и эмоциональный для научного исследования, подготовленного группой академических социологов. Более того, в документе содержатся утверждения, которые, как бы они ни были справедливы, совершенно неуместны в такого рода отчетах. Например: "С нами никто не собирается воевать. Все разговоры о "Першингах" и напряженных взаимоотношениях — все это блеф... Через 12—15 лет мы просто сами развалимся как суверенное государство". Трудно представить себе, чтобы в академическом отчете содержались такого рода заявления.

Короче говоря, как это ни печально, документ представляет собой подделку и не мог выйти из стен академического института. Подлинный автор документа не особенно компетентен в оценке ситуации. Однако документ нельзя просто отбросить как бесполезный и не представляющий интереса. Вне сомнения, он написан в Советском Союзе советским гражданином, имевшим какой-то доступ к алкогольной статистике и демографическим данным. Озабоченность и тревога, выраженные в документе, даже пессимистические оценки будущего советского государства и тщетности советских оборонных усилий на фоне алкогольного кризиса — все это ценные свидетельства того, как советская общественность или часть этой общественности воспринимает алкогольную проблему. ●

¹ Насколько мне известно, ни один западный автор, кроме меня, даже не упоминал печатно о потерях национального дохода, вызванного алкоголизмом за последние 15 лет. Мои очень грубые оценки дают величину потерь на уровне 7—8% национального дохода.

ЛЮБОВЬ К АПОКАЛИПТИЧЕСКИМ ОБОБЩЕНИЯМ

В самиздатском тексте "Правда об алкоголизме в СССР" поражает неосведомленность автора. Чего стоит, например, такое утверждение: "Практически единственная причина возрастания смертности — алкоголизм. В нашей стране работает четверть всех врачей мира, все демографические показатели должны были бы улучшаться, а смертность у нас в полтора раза выше, чем в Китае". Автор просто не подозревает о существовании фактора общего старения населения. Этот фактор приводит к тому, что сейчас во всех развитых странах смертность высока, в 2—3 раза превышая китайский уровень. Смертность десять человек на тысячу при стабильном населении означает, что средняя продолжительность жизни составляет сто лет. Поскольку этот уровень не достигнут, коэффициенту смертности предстоит вырасти до 13—15 человек на 1000.

Автор документа утверждает, что в 1980 году в нашей стране было 40 миллионов алкоголиков и пьяниц — причем только официально зарегистрированных. И если в ближайшие годы не будут предприняты чрезвычайные меры, то к 2000 году у нас будет 80 миллионов алкоголиков и пьяниц. Это 65% всего трудоспособного населения". Если вспомнить про детей, женщин и малопьющих мусульман, то можно определенно сказать, что по авторскому прогнозу в 2000 году алкоголиками будут все трудоспособные мужчины и женщины вне Средней Азии, а в 1980 г. уже стало алкоголиками и пьяницами 80% взрослого мужского славянского населения. Последнее утверждение, правда, отчасти обнадеживает. Да, все мы уже спились, но страна не развалилась, самолеты летают, водопровод работает, свеклу, если не колхозники, то ученые из Новосибирска — убивают, так что жить можно.

Сообщает нам автор и такой факт: "В 1980 году мы превысили уровень потребления алкоголя по сравнению с "пьющими" странами в 2,5 раза и потребляли 10,8 литров абсолютного алкоголя на человека в год." Если цифра для СССР близка к существующим оценкам, то данные по "пьющим" странам могли бы быть и более достоверными. Так, например, в 1969 г. на душу населения приходилось литров чистого алкоголя: а США — 5,9, во Франции — 17,7, в Италии — 14,1, в ФРГ — 11,4.¹ Причем потребление продолжало расти и в 1980 г. составляло в США 7,9 литров на человека.

В документе рассказывается о графике "так называемого коэффициента популяционной деградации."

Утверждение, что два ряда весьма ориентировочных данных идеально друг другу соответствуют, звучит подозрительно. Странной кажется и величина сдвига — 13 лет. Если дети пошли в школу через 7—8 лет после рождения, то их прибытие меняет контингент учащихся. Поэтому изменение числа учеников — дебилов должно отражать изменение потребления спиртного 8—9 лет назад. В действительности, идеального соответствия нельзя ожидать ни в каком случае, как из-за погрешностей в имеющихся данных, так и из-за не совсем однозначной связи между пьянством и числом детей в специальных школах.

Читателям, склонным к упражнениям по математической статистике, я хочу предложить самим поискать "идеальные соответствия". Наиболее достоверные данные о потреб-

¹ И. Бирман. "Экономика недостат". 1983.

лении алкоголя были получены американским профессором В. Тремлем¹. Он дает следующие сведения о годовом потреблении алкоголя в СССР в пересчете на литры чистого спирта на человека старше 15 лет с 1955 по 1979 г.: 7,26; 7,23; 7,96; 7,70; 7,87; 8,45; 8,59; 9,32; 9,62; 9,65; 10,21; 11,15; 11,52; 12,31; 12,95; 12,87; 12,85; 13,15; 12,68; 13,24; 14,58; 15,07; 15,27; 14,58; 15,24. Сведения о численности детей с дефектами физического и умственного развития в специальных школах известны, начиная с 1950/51 учебного года.² В тысячах человек они равны, последовательно: 116, 120, 125, 129, 129, 116, 122, 105, 112, 122, 136, 152, 187, 217, 245, 263, 285, 304, 327, 346, 362, 379, 395, 413, 426, 437 (последняя цифра для 1975/76 учебного года).

Эти два возрастающих ряда хорошо коррелируют без всяких сдвигов или при сдвиге в обратную сторону на 1–2 года, то есть, если сопоставить потребления алкоголя в 1955 г. с численностью слаборазвитых детей в школах в 1953/54 учебном году и т. д. Содержательное толкование этого явления я предоставляю автору "Новосибирского документа".

С возмущением пишет автор о росте числа школ для неполноценных детей. Однако следовало бы задаться вопросом: сколько должно быть таких школ? Советские справочники указывают, что наследственными болезнями страдает около 5% новорожденных.³ В Вологодской области насчитывается свыше 200 тысяч детей школьного возраста, в Донецкой области около 800 тысяч.⁴ В 1976 году в стране были 2403 школы для отсталых детей и в них 437 тысяч учеников.⁵ Следовательно, 18 вологодских школ охватывали около 3,5 тысяч больных детей — всего лишь треть из примерно 10 тысяч детей, которым требовалось такого рода обучение. В Донецкой области 7 тысяч больных детей учились в специальных школах, а общее число больных составляло примерно 40 тысяч. Таким образом, увеличение числа школ для отсталых детей — не пугающее явление. Напротив, можно лишь пожелать, чтобы таких школ стало в два-три раза больше и все больные дети получили наконец возможность учиться.

Не делает исследователь и некоторых совершенно очевидных выводов из приводимых им данных. Так он пишет, что в 1914 г. алкоголя потреблялось в два с небольшим раза меньше, чем в 1980 г. С другой стороны, по его сведениям в 1913 г. в русских губерниях 43% мужчин и 90% женщин не брали в рот спиртного, а в 1979 г. пили практически все. Следовательно, пересчитав потребление алкоголя на одного пьющего, мы получим в 1914 г. около 13 литров, а в 1980 г. — только 11. Пьющие до революции пили больше. Вывод довольно интересный, хотя данные, конечно, нуждаются в более достоверном источнике.

Есть в статье "новосибирского ученого" утверждения, которые не могут не вызвать моральный протест. По мнению нашего автора, во всем виноват алкоголь. Однако треть часть детей, родившихся в стране, приходится на малопоющее мусульманское население. Следовательно, все или почти все "дебилы" рождаются в русских, украинских и белорусских семьях. Поэтому каждый пятый новорожденный славянского происхождения должен быть слабоумным. Оценить достоверность этой фантастической статистики может каждый, оглянувшись вокруг и перебрав своих соседей, друзей и знакомых. ●

¹ "СССР: Внутренние противоречия". Вып. 5, 1982.

² "Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник ЦСУ СССР. 1977, стр. 26–27.

³ "Народонаселение стран мира", М., 1978, стр. 184; И. Г. Фридлянд. Гигиена женского труда. Л., 1975, стр. 16.

⁴ Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 2, М., 1972, стр. 97, 167.

⁵ "Народное образование...", цит. выше.

ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАШНОГО ВРАГА НАРОДНОГО

Никакие войны, никакие бичи человечества — чума, холера, чихотка — не уносили столько жертв и причиняли человечеству таких бедствий, как употребление алкоголя.

Чарльз Дарвин

В начале наступившей мировой трагедии, в самом начале мобилизации в России последовал пражительственный акт чрезвычайной важности для всего русского народа, для всех членов его без исключения, для мужчин и женщин, для взрослых и детей, для старых и малых. Акт этот был — прекращение по всей Империи продажи спиртных напитков, повсеместное прекращение продажи губительного для народа яда — алкоголя. Сразу понизилась, например, обычная общая преступность, сразу очистилась создававшаяся алкоголем в мирной народной жизни атмосфера преступности, дикости, жестокости. Порвалась постоянная бесконечная цепь последствий все возрастающего и возрастающего среди нас употребления спиртных напитков: разорения, умственного и нравственного отупления, одичания, тяжких семейных драм, надругательства над женами, истязания женщин и детей, кровавых ссор, тяжкий увечий, массовых побоищ, убийств, пьяных самоубийств, краж, поджогов, пьяных насилований женщин и т. д. и т. д. Начало высыхать страшное огромное море горя, слез и пролитой крови человеческой, создаваемое алкоголем.

Я видел, как в эти недели совершенно преобразились лица многих известных мне здесь в деревнях пивших мужиков и рабочих. Обезображенные прежде выпиванием лица приняли человеческий, разумный вид. Началось духовное воскрешение людей, возрождение мучительно страдавших семей. Со страхом ждали все русские женщины, что 15 августа (срок по который были закрыты места продажи алкогольных напитков) продажа алкоголя возобновится. Теперь появилось распоряжение, что с 16 августа откроется продажа денатурированного спирта и виноградного вина. Спиртные напитки не будут продаваться до 1 сентября.

А 1 сентября... Неужели 1 сентября возобновится та повсеместная торговля по всей России алкогольными напитками, прекращения которой приветствуемо было таким благословением. Неужели наступившие дни народного отрезвления кончатся как прекрасный сон и прошлая, погребенная уже, казалось, кошмарная алкогольная действительность воцарятся опять вокруг нас? Неужели снова с алкоголем надвинется на народную жизнь черная туча алкогольного бедствия и польются через вино еще большими реками слезы русских женщин? Не хочется верить этому. Не хочется верить, что ради миллионов рублей на приходе акцизного ведомства открылись вновь черные страницы ничем не могущего быть покрытым страшного алкогольного расхода душевных и физических сил народа, разорения алкоголем духовного и материального народного богатства.

Во имя высших интересов всего русского народа, от имени всех тяжело страдающих от распространения спиртных напитков, от имени многих миллионов русских женщин, переносящих благодаря ему неисчислимые страдания, от имени будущих поколений русских людей, которым употребление спиртных напитков их отцами грозит совершенным вырождением, мы обращаемся к тем, от кого зависит дать или не дать алкогольному морю вновь разлиться по лицу земли Русской с пожеланием того, чтобы 1 сентября не стало днем возвращения в народную среду изгнанного уже однажды страшного врага народа — алкоголя, разрушителя духовной и телесной мощи народа, разрушителя народной культуры и прогресса, ведущего народ к духовному и физическому вырождению!

И. Горбунов-Посадов

(“Речь”, 18/31 августа 1914 г.)

В 1914 г. с началом войны в Российской империи были запрещены производство и продажа спиртных напитков. Публикуемая статья из либеральной газеты “Речь” написана в связи с распространением слухов о возможной отмене “сухого закона”. Слухи не подтвердились. Запрет на алкоголь был снят лишь в 1925 г. — при советской власти.

Автор статьи Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940) — известный русский педагог, публицист, руководитель созданного по инициативе А. Толстого издательства “Посредник”. Статья довольно точно отражает отношение современников к алкогольной проблеме в дореволюционной России.

ВЕСТИ ИЗ СССР

АРЕСТ ЛЬВА ТИМОФЕЕВА

В 1980 г. на Западе оказалась не совсем обычная самиздатская статья под длинным названием: "Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать". Подписана она была никому не известным простым именем: Лев Тимофеев, звучащим как псевдоним. Все его и сочли псевдонимом. Статью резко отличали от многих произведений самиздата не только блестящий стиль, но и квалифицированный экономический анализ. Видно было, что предмет свой (четко определенный в заголовке) автор знает досконально. Убедило в этом и обилие точных жизненных наблюдений, явно не из книг почерпнутых.

Вот вывод Льва Тимофеева:

"Если мы станем измерять уровень жизни и уровень потребностей крестьянина той же меркой, какой измеряется жизнь всего общества в целом, то верхняя половина шкалы нам не понадобится. И хотя в ином крестьянском доме появился телевизор, трехстворчатый шкаф и даже диван-кровать, уровень жизни и уровень потребностей крестьянина соответствует той, по сути своей мелкоотоварной, нищенской, *докапиталистической* форме хозяйствования, которая единственно возможна на приусадебном участке в условиях ограниченного рынка, в условиях административных запретов на частную инициативу в широком масштабе, в условиях крепостнических земельных отношений, столь характерных для общества "развитого, зрелого социализма"..."

Не "почти", а во всех селах, и не "группы людей", а все население полностью *предпочитает* жить по-человечески. Но возможно это лишь в двух случаях: или когда крестьянин станет

наемным рабочим, сельским пролетарием в полной мере, и в виде заработной платы целиком получит причитающуюся ему часть необходимого продукта, или когда крестьянин станет фермером и сам, подчиняясь лишь законам и требованиям рынка, распорядится произведенным на ферме продуктом.

Ни первый, ни второй варианты не могут быть реализованы при нынешних социально-политических и экономических условиях. Поэтому, продолжая *предпочитать* жизнь цивилизованную, с коммунальными удобствами и прочими благами нашего века, крестьянин в то же время продолжает топить печи "в течение большей части года" и продолжает вести приусадебное хозяйство. В противоположность ученым-социологам крестьянин соразмеряет потребности с реальной жизнью. И поэтому кормит и себя, и социологов, изучающих его предпочтения".

Спустя четыре года в западной печати появилась новая статья самиздатского автора: "Последняя надежда выжить" — столь же блестящая по стилю и столь же удивительная по глубине социологического анализа. А еще через несколько месяцев стало известно, что автор — вовсе не псевдоним: в конце марта 1985 г. экономист Лев Михайлович Тимофеев был арестован в Москве.

Л. Тимофеев окончил в 1960 г. престижный, "элитный" Московский институт международных отношений (МИМО) по отделению внешней торговли. Стал кандидатом в члены КПСС, активно писал в советской прессе, работал в штате журнала "Молодой коммунист". Перед ним были открыты все торные советские дороги.

Но в конце 1978 г. Лев Тимофеев вдруг резко повернул свою жизнь. С "Молодым коммунистом" и с КПСС вообще было покончено. Тимо-

феев пошел работать матросом на дальневосточном траулере, просто рабочим, товароведом, частным репетитором. Много времени провел он в деревне Желанное, что в Калужской области, где у него был маленький домик. Там он и написал свои основные работы, принесшие ему широкую известность.

Пока еще точно не известно, по какой именно статье Уголовного кодекса обвиняется Тимофеев. Скорее всего — это "антисоветская агитация и пропаганда". Ненависть властей к арестованному тем более велика, что горькую правду им в лицо сказал тот, кого они уверенно считали "своим". ●

ГОРБАЧЕВСКАЯ ЧИСТКА

Газета "Правда" в передовой статье от 2 апреля призывает "Улучшать работу с кадрами" и, не углубляясь в подробности, повествует о недостатках в этой области в Министерстве заготовок Азербайджанской ССР и об одном конкретном случае в Башкирии на районном уровне. Призывается "всемерно улучшать работу с резервом". "Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик" публикует постановления о назначении новых заместителей министров по кадрам в министерствах сельского хозяйства СССР и внешней торговли, об освобождении от обязанностей заместителя Министра газовой промышленности Черномырдина (в связи с переходом на другую работу) и заместителя Министра строительства Якубанца (в связи с уходом на пенсию). Тем временем главный редактор "Правды" Афанасьев дает интервью югославскому журналу "Нин", в котором успокаивает коммунистов братской страны (а, может быть, и своей собственной), что, мол, никаких существенных перемен в СССР не предвидится; речь идет лишь об изменении стиля работы, а вовсе не об ожидаемых Западом далеко идущих преобразованиях системы.

Впрочем, на Западе и не ждут, что эти перемены произойдут скоро, если вообще произойдут. Здесь понимают, что Горбачев, если он и решится на какие-нибудь реформы, первым делом должен будет обеспечить себе поддержку на высших этажах власти и укрепить свою базу в рядах номенклатуры. В конце этого или в крайнем случае в начале следующего года должен состо-

яться очередной, XXVII съезд партии. Как сообщил в вышеупомянутом интервью Афанасьев, съезду предстоит принять новую программу партии. Эта программа будет осторожней, чем нынешняя, заглядывать в отдаленное будущее. В то же время в ней будет уделено большее внимание таким проблемам, как обеспечение населения мясом, молоком и колбасными изделиями. Однако для Горбачева и тех, на кого он опирается, гораздо существеннее кадровые вопросы, которые предстоит решить съезду.

Около четверти из 319 членов ЦК, избранных на последнем съезде, к настоящему времени вычеркнуто из списка. 52 товарища вышли на пенсию, 24 умерли, двое были выведены из состава ЦК по другим причинам. Когда после смерти Черненко в срочном порядке было созвано заседание Центрального Комитета и в Москву съехалось две трети членов, это была приблизительно половина избранного в 1981 году состава ЦК. Так как для избрания Генерального секретаря достаточно половины голосов присутствующих, то Горбачеву нужно было заручиться поддержкой приблизительно 80 членов ЦК, то есть одной четверти избранного съездом высшего органа партии. Но для того, чтобы омолодить руководство и провести хозяйственные реформы, новому генсеку потребуется, конечно, значительно более широкая поддержка в ЦК. Заметим, что средний возраст членов Центрального Комитета сейчас около 67 лет.

Чтобы улучшить возрастной состав и самого ЦК, и насчитывающей 75 членов Центральной Революционной Комиссии, а также группы кандидатов в члены ЦК (151 чел.), нужно соответствующим образом изменить состав партийной элиты республиканского, областного и даже районного масштаба. Эта работа, начатая еще во времена Андропова (Горбачев был тогда ее активным проводником), но приостановленная при Черненко, идет ныне полным ходом. В Узбекистане сменены около 900 руководящих работников "рабочих коллективов". Аналогичные сообщения поступили с Украины и из Азербайджана. Персональные изменения в Узбекистане, начавшиеся в октябре 1983 г. после смерти Шарафа Рашидова, приняли особенно массовый характер, видимо, из-за того, что в этой республике коррупция и очковитительство стали нормой. События по своему размаху напоминают чистки, проведенные в начале 70-х годов Алиевым и

Шеварднадзе в Азербайджане и Грузии.

Вся эта кампания не ограничивается национальными республиками. На Урале смещено около 400 высокопоставленных чиновников, обвиненных в нечистоплотных делах и некомпетентности. В Волгоградской области лишилась кресел примерно треть всех сельскохозяйственных руководителей. Идет чистка промышленного аппарата в Уфе.

Сняты с постов заведующие отделами ЦК в Эстонии и Туркмении, члены ЦК в Киргизии. Уволено 19 министров Российской Федерации. Смещены со своих постов: первый секретарь кокчетавского обкома Куанышев, председатель Совета Министров Туркмении Карыев, один из партийных руководителей Эстонии Кяо, первый секретарь минского обкома Микулич, секретарь Кировского обкома Беспалов, Министр энергетики СССР Непорожный и многие другие.

Хотя горбачевские чистки в отличие от сталинских, как правило, не означают ни ареста, ни угрозы физическому существованию "вычищенных", служат они той же цели борьбе за власть. И, конечно, проводятся они при помощи все тех же "органов". Основанием для смещения служат материалы, собранные КГБ, в которых отражены не только политические взгляды руководящих товарищей, но, например, и степень их продажности (брал взятки или не брал) и распушенности (роман с секретаршей, участие в оргиях руководящего партсостава). С этими досье инспекторы ЦК являются на партактивы, сессии и прочие заседания, где решаются персональные вопросы, отводят тех или иных руководителей, выдвигают новые кандидатуры.

С тех пор как Горбачев по инициативе Андропова вошел в секретариат ЦК КПСС, около половины из 157 первых секретарей обкомов потеряли свои вотчины. Наиболее знаменитой жертвой возвышения Горбачева оказался, как утверждает "Spiegel", Косыгин, в свое время решительно возражавший против избрания Горбачева в Политбюро. Когда в октябре 1980 г. пленум ЦК ввел Горбачева в состав Политбюро, Косыгин обратился к пленуму с письмом, в котором заявил о своем уходе в отставку. Брежнев сообщил о письме Косыгина лишь после закрытия пленума, произнес стандартные слова о сплоченности руководства, однако воздержался от похвал по адресу Косыгина. Когда же через два дня "Правда" все же опубликовала брежнев-

ский панегирик уходящему на заслуженных отдых Косыгину, его заместитель Лесечко уже пал первой жертвой чистки. Сразу же после смерти Косыгина, последовавшей 18 декабря 1980 г., еще один его заместитель и четыре союзных министра потеряли свои посты. К настоящему времени сменена уже добрая четверть косыгинских министров. И что еще важнее для Горбачева, из 23 заведующих отделами ЦК десять были заменены в последние годы его явными сторонниками. ●

СНАЧАЛА В КРЕМЛЕ, ПОТОМ В ВАШИНГТОНЕ

Соединенные Штаты Америки были проинформированы в конце 1984 г. "одним дружественным правительством" о том, что в московском посольстве этой дружественной страны обнаружена выполненная на высоком техническом уровне система похищения секретной информации. В свое время после пожара 1978 г. в американском посольстве в Москве в его здании была обнаружена замаскированная антенна. Однако ее предназначение выяснить тогда американцам не удалось. Теперь же, благодаря поступившей из другого посольства информации, американцы установили наличие в здании их дипломатической миссии других аналогичных антенн и раскрыли механизм сбора шпионской информации.

Выяснилось, что КГБ каким-то образом смог установить в дюжине электрических пишущих машинок, используемых посольством США в СССР, миниатюрные электронные устройства. Последние фиксировали каждый внутренний сигнал машинки и передавали его с помощью вмонтированных в стены посольства антенн в советский центр подслушивания.

Сначала думали, что агентам КГБ каким-то загадочным образом удалось проникнуть в здание посольства. Потом выяснилось, что несколько лет тому назад партия электрических пишущих машинок, перевозившихся из США в Москву, попала на какое-то время в советские руки. В 1978 г. по дороге из Антверпена в Москву машинки были перевезены на советских грузовых автомобилях. Тогда всю партию пишущих машинок отправили обратно в США. Однако теперь предполагают, что и более поздняя транспортировка новых пишущих машинок не обош-

лась без советской "помощи", на этот раз так хорошо замаскированной, что американская служба безопасности ничего о ней не узнала.

Как бы то ни было, американские пишущие машинки с советскими "жучками" передавали в центр подслушивания информацию даже из секретного политического отдела. В центре эти сигналы преобразовывались в указания к действию для других – уже советских – пишущих машинок, которые и печатали те же самые буквы, что и их сестры в посольстве. КГБ помогло и пренебрежение правилами безопасности в политическом отделе посольства США. Отдел до 1970 года находился в экранированном помещении, из которого нельзя было посылать электрические сигналы наружу, но впоследствии был переведен в другие, незащищенные от подслушивания комнаты. И это несмотря на то, что в политическом отделе обрабатывается особо важная информация, предназначенная для ведущих политических деятелей США и касающаяся ЦК КПСС и Правительства СССР. Таким образом, начиная с 1982 г. многие документы, печатавшиеся в посольстве США в Москве, попадали одновременно и на стол автора документа, и в КГБ. Донесения дипломатов своему правительству в Вашингтоне попадали в руки членов советского Политбюро раньше, чем их читал государственный секретарь США Шульц.

В связи с этой неприятной для США историей западная пресса снова вернулась к вопросу о расширении посольств США в Москве и СССР в Вашингтоне. Вопрос этот имеет давнюю предисторию. Еще в 1969 г. после шести лет переговоров было достигнуто принципиальное соглашение о таком расширении и выделены соответствующие земельные участки. При этом СССР оказался более дальновидным и выторговал для себя участок на горе Монт Альто в северо-западной части Вашингтона, с которой хорошо просматриваются многие важнейшие правительственные и государственные здания, в том числе и Белый Дом. В то время техника подслушивания на расстоянии (например, при помощи лазерного луча, регистрирующего дрожание стекол, вызванное человеческой речью) была значительно менее развита и американцы недооценили преимуществ топографического положения нового огромного здания советского посольства. Более того, сами они согласились

построить новый корпус своего посольства в низине вблизи Москва-реки, соблазнившись относительной близостью этого участка от нынешнего здания посольства США на улице Чайковского.

После 1969 г. понадобились дополнительные годы переговоров, чтобы определить, как именно будут строиться эти два новых здания. В 1972 г. было подписано еще одно соглашение, по которому сами здания строятся фирмами или организациями оказывающей гостеприимство страны, в то время как внутренняя отделка и мебельровка осуществляются будущими хозяевами строения. Советское посольство в Вашингтоне было завершено уже в 1979 г. Сказались преимущества свободного рынка: конкурирующие между собой фирмы соревновались за право участвовать в строительстве и, стараясь превзойти конкурентов, предлагали более сжатые сроки проведения работ.

Иная ситуация сложилась на стройке в Москве. Здесь не ожидается, что работы будут завершены до 1988 г. У советских строительных организаций не было причин спешить до тех пор, пока правительство США не запретило дальнейшие работы по интерьеру в новом здании в Вашингтоне и переезд в него советского посольства до завершения медленно тянувшихся работ в Москве. Интересно, что на стройке в Москве в 1983 г. даже произошла забастовка строительных рабочих. Они протестовали против необходимости проходить через американскую контрольную установку, объявив ее действие опасным для здоровья. На самом же деле, как предполагают американцы, загвоздка состояла в том, что с вводом в действие этой установки стало трудным проносить в строящееся здание элементы электронных систем сбора шпионской информации.

В заключение отметим, что в нынешнем здании посольства СССР в Вашингтоне весь обслуживающий персонал – даже уборщицы – состоит из советских граждан. В то же время в американском посольстве на улице Чайковского работают 211 советских граждан, о которых американцы говорят, что они все, по крайней мере неформально, связаны с КГБ. В настоящее время принято решение избавиться в будущем от услуг большей части этих советских сотрудников.

ПРАВДА ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

На семинаре идеологического актива

Для избранных у нас есть все. Специальные магазины и санатории, бани и бассейны, дома в городе и виллы на лоне природы, ателье мод и кинозалы, детские сады и институты. Словом, какую область нашей социалистической жизни ни возьми, в ней непременно есть место для избранных — огороженное как-нибудь или просто с табличкой: *"Посторонним вход воспрещен"*. Для избранных у нас даже книги особые имеются. Недавно вот показали мне одну, именно показали — издали, в руки не давая. Добротно изданная, на нашем отечественном языке, но без указания издательства, тиража и цены. А на титульном листе значится: *Йозеф Геббельс. Дневники 1945 года*'. Говорят, что в той же подпольной типографии, выполняющей заказы только ЦК КПСС и КГБ, отпечатаны произведения Сахарова, Солженицына, Зиновьева и многих других.

Так что все в нашей стране как бы в двух вариантах присутствует: для нас с вами — либо одни названия, либо чего поплотше, а для тех, кто достоин, — полной мерой и прекрасного качества. То же и с правдой. Нам с вами — бумажная и в кавычках, достойным — солидная и с претензией на объективность.

Однако не подумайте, будто эта самая правда, которая без кавычек, доступна элите на любых ее уровнях. Тут тоже все отмерено и взвешено: одним чуть-чуть, другим побольше, а третьим — без ограничений. Третьих, конечно, меньше всего, считанные единицы. Прочих побольше, но и информацию они получают строго дозированной и уклончивую. В принципе им, конечно, и такая не нужна, они и без того на все готовы — кто за страх, а кто и за совесть. А с другой стороны, необходимо и им время от времени информационную косточку, уже обглоданную, бросить, вроде как лакею — негодную шубу с барского плеча; чтобы, значит, рвение подогреть и восторженности добавить. И цель, надо сказать, достигается без труда: краешек стерилизованной информации наполняет сердца нашей второсортной элиты чувством горделивой причастности к избранным. Ведь и такая правда, пусть самая ее малость, — а и она кому ни попадя — массам всяким — недоступна...

Короче говоря:

Справка о семинаре идеологического актива г. Москвы и Московской области, состоявшемся 6—8 сентября 1984 г. в Доме политического просвещения МГК и МК КПСС и посвященном началу 1984-85 учебного года в системе марксистско-ленинского образования трудящихся. На семинаре присутствовали секретари РК КПСС Москвы и Московской области по идеологии, секретари и заместители секретарей парткомов крупнейших предприятий, учреждений и ВУЗов столицы.

Такое, знаете, ли совещаньице. "Справка" о нем попала ко мне совершенно случайно, однако из источников, как говорится, заслуживающих доверия. Ну, а уж от меня — к вам; с небольшими сокращениями, правда, и с комментариями, от которых мне трудно удержаться.

Итак:

Содержание семинара. Лекция: "Идеологическая деятельность ЦК КПСС на современном этапе". Лектор — заведующий Всесоюзным домом политпросвещения ЦК КПСС В.И. Степанов...

Благодаря принятым мерам по укреплению дисциплины, с 1983 года в народном хозяйстве растет производительность труда. Трудопотери в прошлом году сократились на 10,9 млн. человеко-часов.

Это как раз то самое, о чем в нашей прессе пишется так: "Но вместе с тем на некоторых предприятиях имеются еще отдельные случаи недобросовестного отношения..." и т.д. Однако и в столь доверенной аудитории общую цифру трудопотерь т. Степанов назвать не рискнул. Даже не обладая богатым воображением, можно представить, насколько она чудовищна, если одних только победных реляций о ее сокращении набралось за год почти на 11 млн. человеко-часов.

В настоящее время сердцевиной всего марксистско-ленинского образования трудящихся является разъяснение концепции развитого социализма. Необходимо чаще обращаться к темам о руководящей роли партии, особо подчеркивая то обстоятельство, что благодаря усилиям КПСС советский народ уже почти 40 лет живет без войны. Сейчас заканчиваются съемки 14-серийного фильма "Стратегия победы" — о деятельности Ставки Верховного Главнокомандующего.

Верховным Главнокомандующим, если мне не изменяет память, был незабвенный Иосиф Виссарионович. При всей его незабвенности, однако, четырнадцать серий о нем — не чересчур ли? Впрочем, вполне вероятно, что Самый Человечный из Человеков, Самый Стратегичный из Стратегов и Самый Генералиссимый из Генералиссимусов еще и не того заслуживает. Что там дальше?

ЦК КПСС был вынужден специально рассмотреть вопрос о диско-видео-теках, рок-группах и вокально-инструментальных ансамблях.

Вот уж поистине стихийная катастрофа! ЦК бросает все свои государственные дела и занимается исключительно рок-группами. Судя по тому, что о принятом решении т. Степанов ничего конкретного не сообщил, приятного в нем для исполнителей поп-музыки, по-видимому, содержалось мало. Но неужто у ЦК КПСС более важных работ не нашлось?

В стране происходит систематическое насаждение религиозности среди советских людей. Особенно это заметно в среднеазиатских республиках, где в последнее время появились бродячие муллы, нелегально обучающие молодежь Корану. В качестве мечетей используются чайханы.

Вероятно, тут стоило бы порассуждать относительно всевозможных свобод, обещанных нашей Конституцией. Что это значит: "нелегальное обучение Корану"? А какое легальное? Под руководством партийных инструкторов? Да и с чего бы обучающимся Корану вместо мечети в чайхану забираться? Стало быть, бояться чего-то. Ведь свобода совести у нас вроде как бы имеется, а пойдя молодой человек в мечеть — или в церковь, костел, синагогу, — так потом неприятностей в институте или по службе не оберешься. А то, может, мечетей не хватает? Так тоже не удивительно: не строят у нас новых зданий для "отправления религиозных культов". Отправлять-то можно свободно, а вот где — об этом в Основном Законе ничего не сказано, это уж кто как устроится.

В антисоветской деятельности активно проталкивается тезис о равной ответственности СССР и США за гонку вооружений.

Таким возмущенным внешнеполитическим пассажем закончил свое выступление заведующий Всесоюзным домом политпросвещения ЦК КПСС. Конечно, подобный пассаж может вызвать некоторое недоумение: каким это образом тезис о равной ответственности может быть "антисоветским"? Разве тем, что нам такие тезисы не нравятся. А уж если нам чего не нравится, так то непременно антисоветское, и никакие

доводы поколебать эту логику не в силах, не стоит и пытаться. Обратимся поэтому к следующей лекции:

"Экономическое развитие СССР в современный период". Лектор — заведующий отделом Госплана СССР Д.Г.Ходжаев...

К настоящему времени удалось преодолеть тенденцию к замедлению темпов роста экономики. Рост производительности труда характеризуется следующими цифрами: 1982 г. — 2% (при плане 7%); 1983 г. — 3,5% (при плане 2,9%). 95% всего прироста производства за счет роста производительности труда при снижении темпов роста заработной платы.

А вот здесь открываются любопытные вещи. Обратите внимание на цифры: рост производительности труда 2% при плановых 7%, а в следующем году рост составил уже 3,5%, но при плане 2,0%. Так делается у нас перевыполнение плана.

Другое, не менее любопытное обстоятельство — факторы, благодаря которым осуществляется у нас прирост производства. Если учесть, что производительность труда выросла за год на 3,5% (при современном уровне научно-технического прогресса — цифра небольшая, да скорее всего еще и завышенная нашей статистикой), то основная часть прироста производства, соответственно, — за счет снижения темпов роста заработной платы. Печальное признание. Во всем мире заработная плата неуклонно увеличивается, а у нас, судя по всему, возобладала тенденция ее сдерживания. Однако газеты наши полны все того же оптимистического воодушевления: "Жить стало лучше, жить стало веселей!"

Наиболее сложное положение наблюдается в сельском хозяйстве и капитальном строительстве. В Волгоградской области в результате засухи намолот в этом году составил 3 центнера с гектара, взяли только то, что было посеяно. В животноводстве произошёл сдвиг к лучшему, однако во многих областях все еще приходится применять картонную систему.

Во внешней торговле положение продолжает оставаться сложным. Мы вынуждены продавать в основном только сырье, а закупать — машины и оборудование, причем далеко не совершенные.

Остро стоит вопрос использования добываемого сырья, поскольку мы используем лишь 7%, а все остальное идет в отвал.

В настоящее время 31% рабочих занят неквалифицированным трудом. В то же время идет процесс демонтажа роботов автоматических линий из-за недостатка людей, которые могли бы их обслуживать. Только каждый третий рабочий получает нормальное образование. 20% инженеров в стране работают на неинженерных должностях. 50 миллионов человек заняты ручным трудом.

Особенно существенно наше отставание в капитальном строительстве. В проектировании и самом строительстве отсутствуют рациональность. Разительный пример такого отсутствия — строительство двух заводов одинаковой мощности по переработке металлолома. Оба завода начали строить одновременно. Один из них, в Белоруссии, возводит австрийская фирма; другой, в Молдавии, — наш трест. Территория, занятая белорусским заводом, на 25% меньше молдавского. На столько же меньше металлоемкость. На строительстве белорусского завода работают 1800 человек, молдавского — 7000. Завод, возводимый австрийской фирмой, через два-три месяца вступает в строй; строительство завода в Молдавии продлится еще несколько лет.

Общее напряженное положение в нашей экономике усугубляется острой нехваткой рабочей силы. В 1985 году в народное хозяйство придет всего лишь около 800 000 трудоспособной молодежи.

Несколько улучшилась ситуация с жилищным строительством. В настоящее время средняя обеспеченность жилой площадью в СССР — 14,6 квадратных метра общей площади на человека.

В сфере науки разработки ведутся по 170 программам, которые подчас не имеют практического применения и часто дублируют друг друга. В следующей пятилетке решено сократить количество научных программ до 50.

Не все сведения, сообщенные ответственным работником Госплана т. Ходжаевым, можно почерпнуть из советской прессы. В отношении сельского хозяйства, например, газеты полны победных реляций. А на самом деле, оказывается, не так уж в нем все и ладно, даже карточная система, как в войну, применяется. Кое о чем мы, конечно, и сами догадываемся, а кое-что даже слышали краем уха. Кружным, извилистым путем пришла ко мне из Министерства сельского хозяйства любопытная цифра: 5%. Именно на столько ежегодно уменьшаются посевные площади в нашей стране. Нехватка ли рабочей силы тому причиной, или еще что, а только цифра мрачноватая.

Вообще же большая часть того, о чем говорилось на этом сверхсекретном совещании, в комментариях не нуждается. К примеру, история с двумя заводами по переработке металлолома. Или проблема рационального использования добываемого сырья. Или вопрос закупок за границей несовершенного оборудования: ясно же, что не уровень подготовки наших специалистов — как известно, лучших в мире — тому причиной, им любые заморские штучки нипочем. А просто интригуют против нас ЦРУ с Пентагоном, не позволяют просоветски настроенным бизнесменам, вроде Хаммера, современную технику нам продавать. Вот и приходится бросовым товаром довольствоваться.

Однако временами комментариев все же не избежать. Потому как даже в такой избранной аудитории кое о чем многоуважаемые лекторы умалчивают, кое-что проговаривают вскользь и как бы нехотя. К примеру, называет т. Ходжаев цифру: 14,6 квадратных метра общей площади на человека. Все бы хорошо: цифра замечательная, и потому можно было бы и нам, как и лектору, более к этому вопросу не возвращаться. Задержало меня словечко "общей". И задержавшись на нем, я произвел примитивный подсчет.

Итак, на семью, допустим, из четырех человек приходится: $14,6 \text{ кв.м} \times 4 = 58,4 \text{ кв.м}$ общей площади. Из них: кухня — 8 кв.м, туалет и ванная — 6 кв.м, коридор — 15 кв.м. В результате "полезной площади", о которой мы обычно ведем речь, на семью из четырех человек остается 29,4 кв.м, а на одного — примерно 7,4 кв.м. То есть почти в два раза меньше того, о чем сообщил т. Ходжаев. И ведь во лжи его не обвинишь: обе цифры верны. А всего-то одна единственная малоуловимая подмена (вместо "полезной" площади — "общая") позволила лектору без труда продемонстрировать привычное для нашей пропаганды манипулирование цифрами. На семинаре идеологического актива это дело обычное. Польза от подобного манипулирования громадная: "активисты" на практике проходят школу будущих собственных выступлений. Попутно лекторы обучают своих подопечных и отвечают на острые вопросы, которые, хоть и не часто, но все-таки могут быть заданы каким-нибудь чересчур трезвым представителем "масс". К примеру, задан был т. Ходжаеву вопрос:

Чем объяснить, что в Соединенных Штатах, продающих за границу огромное количество сливочного масла, нет дефицита масла?

Заведующий отделом Госплана СССР ответил сходу, без подготовки:

Американцы традиционно употребляют маргарин, считая сливочное масло вредным продуктом, отрицательно влияющим на организм.

Вот оно в чем дело. Сливочного масла у нас нет не потому, что его просто нет, а потому, оказывается, что оно вредно для здоровья. Спасибо партии и правительству за заботу! И еще: из этого ответа легко заключить, что американцы, экспортируя сливочное масло, тем самым травят остальной мир. Вот ведь до чего дошли!

Качество ответов на вопросы, конечно, различное. И если работник Госплана вышел из положения довольно легко и даже не без остроумия, то его коллега-докладчик, пер-

вый заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.А.Родионов оказался не столь находчивым. Правда, и вопрос, ему заданный, к импровизации не располагал:

Чем объяснить реабилитацию В.М.Молотова и восстановление его в рядах КПСС? — В.М.Молотов восстановлен в партии со стажем с 1906 года за заслуги перед КПСС после разоблачения антипартийной группы, в которой он участвовал. Однако восстановление не означает реабилитацию.

Странно получается: не реабилитирован, но награжден восстановлением в партии. Кстати, за какие такие "заслуги", да еще после разоблачения антипартийной группы (помните песенку — "Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов")? Может быть, раскаялся тогда Молотов раньше других и успел первым обстоятельно донести на своих бывших соратников? Или речь идет о засекреченных мемуарах Молотова, предназначенных им не для печати, а для архива ЦК КПСС, то есть — в целях "передачи опыта"? Опыт же у бывшего сталинского подручного по иностранным делам немалый, ему есть что вспомнить. Мемуары эти наверняка будут напечатаны (если уже не напечатаны) той же подпольной типографией, что выпустила для нашего высокого начальства воспоминания доктора Геббельса.

Большая честь для Молотова. Или — для Геббельса?..

Лекция: "Укрепление социалистической законности и правопорядка в обществе развитого социализма". Лектор — первый заместитель Генерального прокурора СССР Н.А.Баженов.

Практика работы прежнего руководства МВД, когда боролись не с преступностью, а с цифрами, осуждена и получила соответствующую оценку в ЦК КПСС. В настоящее время наибольший рост преступлений отмечен за счет краж личного имущества и хулиганств. Раньше как раз этими параметрами чаще всего и манипулировали, создавая видимость эффективной борьбы с преступностью. Спрос за сокрытие преступлений сейчас усилен.

Положение с преступностью вызывает серьезную озабоченность. В стране выявлено около 500 000 тунеядцев и бродяг, 90 000 из них привлечены к уголовной ответственности. Для бродяг учреждены специальные колонии, где они проходят курс социальной адаптации. Пока же в этом плане существенных сдвигов нет. 50% этих лиц не имеют семьи, документов, постоянного места жительства. Указанные лица создают нездоровую обстановку в стране, а мы с ними миндальничаем.

С другой стороны, глубоко ошибаются те, кто считает, будто в исправительно-трудовой колонии можно исправить человека. Скорее наоборот: одна треть лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, вновь совершают преступления в течение года после освобождения.

Подлинным бедствием стали у нас мелкие хищения. За 1981—1982 гг. задержано 600 000 так называемых "несунов", но это только незначительная их часть. Налицо также рост хищений в особо крупных размерах. В Магаданской области мастер драги Крысс похитил 78 кг золота на сумму более 3 млн. рублей. В Бухаре у арестованных работников торговли и сотрудников ОБХСС, их покрывавших, изъято: на 2,7 млн. рублей ювелирных изделий, на 153 тыс. рублей вкладов и облигаций, 2 млн. руб. наличных денег, около 200 ковров и т.д.

За первые шесть месяцев 1984 года в Главном управлении торговли г. Москвы совершено 605 преступлений, 43 из них совершены членами КПСС. Причина этого — в коррупции руководства торгового предприятия, которое арестовано. Среди прочих арестованы Трегубов и Чепурнов, директора ГУМа и "Новоарбатского".

Огромные убытки несет наша страна от пьянства: десятки миллиардов рублей ежегодно. Смертность от пьянства занимает третье место после рака и сердечно-сосудистых заболеваний. В 1983 году в пьяном виде задержано 11 млн. человек, а также 700 000 пьяных водителей. Примечателен следующий

факт: в городе Азове Ростовской области создан штаб по борьбе с пьянством во главе с первым секретарем горкома партии. Подобный опыт следует применять как можно шире...

Интересное выступление, не правда ли? Но самое любопытное, пожалуй, в том, что хотя большая часть сведений, которыми поделился первый заместитель Генерального прокурора СССР, явно противоречит официальной советской пропаганде, тем не менее даже такие откровения нуждаются, на мой взгляд, в уточнениях и дополнениях.

Действительно, из прежнего руководства МВД мало кто уцелел. Однако осуждена не практика его работы, как утверждает товарищ Баженов, а осуждено само руководство. Твердая рука Андропова изрядно перетряхнула личный состав руководящих кадров МВД, и хотя с приходом нового генсека процесс этот замедлился, но — вероятно, по инерции — совсем не прекратился. Поэтому судить о результатах перемен пока рано. Отметим только, что период разброда и шатания в органах МВД ударил по карману некоторых советских граждан: из-за сильного испуга, переживаемого теми, кому удалось сохранить свои погоны и кресла, тарифы на оказываемые ими услуги — проще говоря, взятки — выросли в несколько раз. А они и раньше были внушительными.

О преступности в стране т. Баженов говорит озабоченно, как и полагается ему по должности, однако цифры называть избегает. И никто даже не замечает их отсутствия, настолько привыкли мы к умолчаниям и всякого рода "секретам". Вот ведь говорит т. Баженов об увеличении числа "краж личного имущества и хулиганств", а каково оно, это число, — остается тайной. Не разрешили, значит, докладчику поделиться ею даже со столь доверенной аудиторией.

Когда же все-таки появляются в докладе кое-какие цифры, то интересны не столько они сами, сколько обозначенные ими явления. Например, 500 000 туенядцев и бродяг: много это или мало? Непонятно. Динамика остается неизвестной: сколько их было три года назад? пять лет? десять? Каково социальное положение этих людей в прошлом (не родились же они туенядцами и бродягами)? Что за причины отвратили их от общества? Вопросы эти остаются без ответа, а без этого цифра несколько тускнеет. Будем, однако, благодарны и за нее. Тем более, что впервые ею определены не только "туенядцы", но и "бродяги", причем скорее всего все-таки последние. О "туенядцах" мы слышаны, в прессе читаем о них чуть ли не ежедневно. А вот слово "бродяги" не попадалось. Может быть, потому, что в русской литературе окружено оно романтическим ореолом. А может, и оттого, что бродяжничество — по утверждению советской пропаганды — в наши дни присуще лишь прогнившему капиталистическому строю. Во всяком случае в устах первого заместителя Генерального прокурора СССР, да еще подкрепленное красноречивой цифрой (пусть даже и заниженной), словечко это становится понятийным, определяющим некое социальное явление. Правда, в Уголовном кодексе оно давно уже определено (статья 209 УК РСФСР: "Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством"), однако советские журналисты, специализирующиеся на отдельных и нетипичных случаях правонарушений, темы этой почему-то избегают. А ведь бродяжничество в СССР — явление, пожалуй, уже типичное. За ним, на мой взгляд, скрывается осознанный или подсознательный отказ от сотрудничества с государством. Жизнь бродяг определяется частицей "не": они не избирают, не одобряют, не участвуют, не откликаются, не борются, не гордятся и даже не имеют паспортов. Конечно, их отталкивание от государства бездейственное, пассивное, да и сравнительно немного пока их у нас. Но и в этом молчаливом неучастии отчетливо просматриваются ростки скорой проблемы: независимости и сопротивления. Вот и встревожилось наше угодливое начальство, забеспокоилось, да так сильно, что решило бросить против бродяг идеологов-активистов.

Далее в своем докладе т. Баженов высказывает мысль совсем уже сенсационную. Оказывается, исправительно-трудовые колонии вовсе не исправляют преступников,

"скорее наоборот". От этой мысли веет фрондой и посягательством на основы. Ну, действительно: в любом очерке, посвященном "отдельным нарушениям социалистической законности", мы читаем о воспитании, перевоспитании и исправлении. Да что там очерк! Передо мной "Исправительно-трудовой кодекс РСФСР" (заметьте: понятие "исправления" заложено во все названия — кодекса, колонии и т.д.). Первая его статья гласит: *"Исправительно-трудовой кодекс РСФСР имеет своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности"*.

А тут оказывается — не перевоспитывает, не исправляет, не предупреждает и не искореняет! Как же так? Не к ужесточению ли наказаний подводит нас — конечно, с высочайшего одобрения — товарищ Баженов? Ведь если нельзя исправить, то можно подавить. Опыт же у работников МВД огромный, и уж никак не на ниве педагогики. Конечно, лучше бы всего ликвидировать причины преступности и рецидивов. Да только парадокс-то в том и заключается, что причин, как известно из всех первоисточников, давным-давно нету: ни ужасов царизма, ни его пережитков. Причин преступности нет, зато преступники имеются, да к тому же, по словам оратора, неисправимые. Непонятно, правда, откуда же они тогда берутся. Издержки социализма, стало быть. А с издержками известно как поступают. Да и некогда нам воспитанием с перевоспитанием заниматься. К коммунизму поспешаем.

Что касается мелких и крупных хищений социалистической собственности, которым товарищ Баженов уделяет особое внимание, то о них-то мы как раз наслышаны. И пресса наша полна сообщениями о них, и на собраниях тема эта постоянно склоняется. А число хищений не уменьшается. Наоборот. Да еще работники ОБХСС, коим по долгу службы надлежит хищения эти пресекать и предотвращать, сами — по возможности — деятельное участие в разграблении государства принимают. А вот об этом в отечественной прессе уже не прочтешь. Потому как наши славные органы дискредитировать — это уж, знаете ли, последнее дело. Правда, первому заместителю Генерального прокурора СССР позволили онный запрет преступить — в назидательных целях, конечно. И хотя о соучастии в "бухарском деле" работников ОБХСС т. Баженов заметил вскользь, вполне логично предположить, что не в одной же Бухаре случаются подобные истории.

Любопытные факты приводит т.Баженов и по поводу пьянства в СССР. Они особенно любопытны в связи с тем, что хотя пресса наша полна негодований в адрес алкоголиков и пьяниц, тем не менее цифры приводить стесняется. А вот отважный т. Баженов не постеснялся. Тем огорчительнее то обстоятельство, что и в его докладе они не слишком точны.

Прежде всего: "...смертность от пьянства занимает третье место после рака и сердечно-сосудистых заболеваний". Но ведь во многих случаях пьянство и ведет к сердечно-сосудистым заболеваниям. А наша медицинская статистика — кстати, она тоже является тайной за семью печатями — это обстоятельство н а м е р е н н о не учитывает. Иначе в причинах смертности пьянство давно бы уже занимало первое место.

Далее: одиннадцать миллионов человек, задержанных в пьяном виде в 1983 году. Цифра эта, может быть, и точна, однако от реальной картины далека. Во-первых, она ограничена количеством мест в "вытрезвителях". И если "вытрезвители" забиты до отказа, то милиция не подбирает пьяных с улиц; она лишь старается, чтобы валяющиеся не слишком бросались в глаза. Во-вторых, ни в маленьких городах, ни тем более в сельской местности никаких вытрезвителей нет и учет пьяных там попросту не ведется. А значит, не ведется он на большей части территории СССР.

Что касается семисот тысяч пьяных водителей, задержанных в том же 1983 году, то, на мой взгляд, эта цифра меньше реальной по крайней мере в три раза. В сельской местности водители вообще не садятся за руль, не "подогреты" алкоголем. И задерживать их некому, ГАИ там не существует. В городах, конечно, ГАИ имеется. Поэтому в Москве, например, пьяному водителю лучше "гаишникам" не попадаться, это может ему дорого обойтись. В буквальном смысле. Сумма "откупного" в столице — в зависимости от степени опьянения и конфликтности ситуации — колеблется от 100 до 500 рублей. Говорят, в других городах плата поменьше. Так ведь в провинции все дешевле.

Какие же меры в борьбе против пьянства предлагает т. Баженов? Равняться на город Азов Ростовской области, где учрежден "антиалкогольный штаб" во главе с первым секретарем горкома партии. И если почин этот будет подхвачен, то можно будет создать и областные, и республиканские штабы, и наконец, Всесоюзный Штаб борьбы с зеленым змием во главе с товарищем Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Распространение алкоголизма Энгельс объяснял двумя тесно связанными между собой причинами: доступностью спиртных напитков и тяжелыми условиями труда. Подобный вывод применительно к нашей стране т. Баженов, конечно, не делает. Не станем делать его и мы. Промолчим.

После лекции первому заместителю Генерального прокурора СССР был задан всего один вопрос. Вот он:

Привлечен ли к ответственности бывший министр внутренних дел СССР Щелоков?

Обратите внимание: вопрос поставлен так, словно спрашивающий прекрасно осведомлен о прогрешениях бывшего министра, и речь идет лишь о справедливой каре. Ну, он-то наверняка осведомлен, это мы с вами ничего не знаем, не нашего ума это дело. Но, видно, и задавший вопрос — хорошо информированный представитель партийной элиты — в своем желании приобщиться высших тайн превысил некую меру. И посему ответ лектора был короток и сух:

Щелоковым сейчас занимаются те, кому это положено.

Так-то вот. Дескать, не суйтесь, куда не приглашали. А если и знаете что, так помалкивайте. Болтать об этом вам не по чину, не того уровня ваша избранность.

Здорово отбрил т. Баженов докучливого работника идеологической сферы. Будто предвидел, что еще несколько месяцев — и вопрос этот будет уже не актуален.

И ведь как в воду глядел.

Поначалу-то вроде иное назревало: лишили Щелокова звания генерала, ибо по существу положению не подлежит генерал уголовному суду. А раз лишили — думалось — значит, судить должны. Конечно, даже и случись этот суд, все равно никаких подробностей мы бы не узнали. Но хоть какая-то информация, пусть самая минимальная, а просочилась бы...

Зря, однако, надеялись: помер Щелоков. И вроде бы даже не просто окачурился. Держится в Москве упрямый слух, будто Щелоков выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Потому как личное оружие еще когда отобрали. На свободе, правда, бывшего министра оставили. А то ведь в тюрьме возможностей с собой покончить — и вовсе никаких. Зато внезапно арестовали его сына, высшего офицера МВД, якобы каким-то образом замешанного в делах отца. Поговаривают, что этот арест и подтолкнул Щелокова к самоубийству.

Конечно, хорошо бы все эти слухи проверить. Да ведь где ж их проверишь-то?

Но если и подтвердились бы они, если бы оказалось, что Щелоков-таки покончил с собой, чтобы избежать суда, то и тогда смерть его внушала бы не менее серьезные подозрения, чем если бы он скончался — опять же, накануне суда — "по причине преклонного возраста" (за семьдесят ему было). И в том, и в другом случае — как-то очень уж

вовремя умер бывший генерал и министр внутренних дел СССР. Словно решил кто-то позаботиться о том, чтобы никаких сведений из жизни "верхов" до нас не дошло...

И не дошло. А значит — правильно ответил на вопрос товарищ Баженов, не допустил утечки сверхсекретной информации. А может, он просто "не в курсе"? Что, если и он тоже — из не слишком осведомленных? Может быть, все те, кто читал лекции на этом семинаре, — может, и они являются слушателями на подобных же семинарах, но только для более избранных? Где аудитория — совсем малочисленная, сведения о нашей жизни — откровеннее и разнообразнее, а лекторы — рангом еще выше? А те, в свою очередь...

Ну, и так далее. ●

М.Д.

1985 г., Москва

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ПО ЧАСТИ ИСКОРЕНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДУРМАНА

Крестьянин деревни Голоперово Волоколамского уезда Антип Шведов, неизменный церковный староста, никак не мог примириться с безбожными взглядами своего сына-комсомольца Сергея. Между ними постоянно происходила грызня на этой почве. 27 сентября прошлого года во время очередной беседы на эту тему, которая обычно приводила в крайне возбужденное состояние и отца, и сына, старик Шведов схватил со стола вилку и бросился на Сергея, а последний, в свою очередь, схватил с того же стола нож и, защищаясь, ударил старика. Раненый был отправлен в столицу, и через несколько дней скончался. Сергей Шведов предстал в качестве обвиняемого перед выездной сессией московского губсуда. Обвиняемый на суде не отрицал своей вины. Суд признал его виновным в "превышении пределов необходимой обороны" и приговорил его к лишению свободы сроком на 1 месяц. Учитывая молодость осужденного, его классовую принадлежность, честную трудовую жизнь, а также имея в виду его заслуги перед ячейкой РЛКСМ, где он проявил себя активным работником по части искоренения религиозного дурмана в деревне, организации красных просветительных уголков, и считая его и в будущем полезным для деревни по его работе, суд нашел возможным наказание понизить, выразив ему общественное порицание.

"Известия", 4 марта 1925 г.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ И ДРУГИЕ

Пятигорск. Краевые газеты "Северокавказский большевик" и "Молодой ленинец" публикуют сообщение о том, что 1 апреля в Георгиевске разоблачены три авантюриста, называвшие себя чапаевцами: Анкой, Петькой и матерью Петьки. В день приезда "пулеметчица" в сопровождении секретаря райкома партии т.Чельяна объехала ряд колхозов района, где поделилась своими "воспоминаниями". Районная газета поместила большую статью в честь прибывших. Лишь вмешательство органов НКВД положило конец похождениям лже-чапаевцев.

Авантюристке, именующей себя Анкой, первой создала рекламу газета "Северокавказский большевик", поместившая в годовщину Красной армии ее воспоминания и портрет.

"Известия", 5 апреля 1935 г.

КВАРТИРА-КОНЮШНЯ

Курск. В ряде городов Курской области объявлен поход за чистоту. Специальные бригады, состоящие из членов горсовета, секционеров и медицинских работников, проверяют состояние улиц, дворов, квартир.

Когда такая проверка была устроена в Белгороде, бригада обнаружила в одной из квартир на втором этаже корову. В Курске на квартире у председателя жакта № 128 Супруна помещалась лошадь. Другая лошадь обнаружена в квартире дома № 14 по Чернышевской улице у живущего там некоего Корогодина.

"Известия", 4 апреля 1935 г.

КАК УМИРАЮТ ДЕМОКРАТИИ

"Быть может, демократия — всего лишь случайный эпизод в истории человечества, краткая интермедия, которая вот-вот окончится у нас на глазах", — пишет в книге "Comment les démocraties finissent" ("Как умирают демократии", 1983) французский историк и государствовед Жан-Франсуа Ревель, редактор-издатель одного из наиболее авторитетных политических журналов Запада "L'Express". Фрагменты из этого труда мы предлагаем вниманию читателей. Книга Ревеля, писателя достаточно трезвого и свободного от пропагандистских крайностей, — горькое, но полезное лекарство от иллюзий относительно природы советского строя и способности тоталитарных государств мирно ужиться со своими соседями.

Впервые в истории демократия испытывает столь непреодолимое чувство вины перед лицом силы, стремящейся ее уничтожить. Покорность, с которой демократическое общество готово принести себя в жертву, изобретательность аргументации в пользу смертельного врага отличают нашу эпоху куда больше, нежели фанатическое стремление коммунизма стереть демократию с лица земли, больше, чем и его победы на этом пути. То, что коммунизм хочет уничтожить демократию, естественно: они несовместимы. Коммунистическому режиму необходимо истребить демократию, иначе он просто не выживет. И если коммунизму удавалось наступать успешнее, чем демократии — сопротивляться, то это можно было бы считать попросту одним из бесчисленных примеров того, как одна политическая сила переигрывает другую.

Ново и неестественно другое. Атакуемая цивилизация не только сама считает, что она заслужила свое поражение, но предлагает своим противникам многочисленные доказательства того, что ее дальнейшая оборона безнравственна, бесполезна и даже опасна.

Цивилизация, потерявшая уверенность в себе, переставшая верить в собственную жизнеспособность, то ли под впечатлением внутренних кризисов, то ли перед угрозой внешнего врага, который выглядит таким могучим, что остается только выбирать между рабством и самоубийством, — старая тема. Ни то, ни другое не применимо к нашей цивилизации, и все же она ведет себя так, словно стоит перед подобным выбором. Поражает ее уверенность в своей вине и в роковых последствиях этой вины, уверенность, которую цивилизации прошлого, даже догадываясь, что их час пробил, скрывали, словно постыдную болезнь. А с каким талантом она доказывает правоту противника и демонстрирует собственные слабости! Действительно ли она так слаба? Бессспорно, есть за что ее порицать. Так или иначе, но отдельное демократическое государство или все демократии вместе ответственны по крайней мере за некоторые несчастья и несправедливости, существующие в нашем мире.

Тем не менее многие недостатки придуманы, ответственность по большей части преувеличена. И возникает вопрос, каковы же реальные пороки демократической цивилизации, так ли они серьезны, чтобы можно было сказать ей: так тебе и надо. Если же все-

таким образом речь идет о недостатках мнимых, раздутых, то нужно спросить, почему в эту клевету так охотно верят даже внутри самих демократических обществ. Нелепость ситуации состоит, между прочим, в том, что демократия сегодня отнюдь не стоит на грани гибели от внутренних противоречий, от истощения жизненных сил, как это происходило в период между двумя мировыми войнами и едва не привело к роковому концу. Словно недуг сжигал изнутри демократическое общество, рождая правые диктатуры и принуждая страны одну за другой капитулировать перед авторитарными или тоталитарными режимами.

Почти ни один из демократических парламентских режимов, установленных в Центральной Европе по окончании Первой мировой войны, не продержался больше десяти лет. В Западной Европе вслед за Италией на путь фашизма встали Португалия, Германия, Испания. Из великих держав лишь Великобритания и Франция остались верны демократии, но и во Франции, например, она была так слаба, так металась, петляла и подвергалась таким нападкам, что ее здоровье и способность выжить внушали самые серьезные опасения.

Ничего подобного мы не видим нынче, в конце XX века. Состояние политического здоровья некоммунистической Европы можно считать вполне удовлетворительным.

Впервые после 1922 года, когда Муссолини захватил власть в Риме, вся Западная Европа является демократической. Семь лет диктатуры греческих полковников окончились тем, что полковники сошли со сцены. Военный переворот, которого так боялись в Испании после 1975 года, сорвался. Самые систематические и опасные атаки на демократию исходили от революционных левых сил: красный терроризм в Италии, в Испании, в ФРГ. Попытка меньшинства в 1975 г. навязать Португалии военно-коммунистический тоталитарный режим провалилась. Вопреки испытаниям, старые демократии устояли, а новые выжили и даже расцвели.

Таким образом, мы можем констатировать, что со времени окончания Второй мировой войны демократия как таковая, по крайней мере в Западной Европе, распространилась и укрепилась. Конечно, во всем мире не так уж много наций пользуется благами демократического порядка. Но там, где он существует, демократия в большей степени, чем прежде, заручилась поддержкой народа.

Если, однако, демократическая система как институт более не оспаривается, не встречает серьезного сопротивления внутри общества, то ценности, которые она провозглашает, — цивилизация в широком смысле слова — все больше ставится под вопрос. Разумеется, критическое отношение к самой себе — рычаг демократической цивилизации и основа ее превосходства над обществами другого типа. Но корить себя по любому поводу или даже без повода — не порождает ли такая привычка комплекс неполноценности, готовность сдаться без боя на милость победителя, в данном случае — империи, чуждой всяким угрызениям совести? Ведь вот в чем несчастье: современные демократии не только спешат записать на свой счет ошибки, которых они не совершали, но и взяли за правило судить себя по критериям столь недостижимого идеала, что заранее выносят себе обвинительный приговор.

Избыток самокритики есть роскошь, присущая цивилизации. Роскошь, которая, увы, становится опасной, когда на практике это означает во всем оправдывать своего смертельного врага. Самобичевание — отличный пример внутриполитической пропаганды. В конце концов ее начинают верить. Где отыщут граждане демократических обществ стимул для сопротивления, когда их чуть ли не с детства убедили в том, что вся их цивилизация — грандиозный обман и нагромождение ошибок? Реальность политической демократии подвергается атакам, беспрецедентным в ее краткой истории. Наступление ведется с невиданной силой, с размахом и умом, оно застает демократию в состоянии интеллектуальной беспомощности и политической беспечности, которые

делают вероятной, — если не вовсе неотвратимой, — победу коммунизма. Впрочем, возможно, что демократическая цивилизация умрет не навсегда; быть может, мы находимся лишь в конце цикла, который завершит первую эру личных свобод в их современном понимании. Представим себе, что все человечество оказалось под властью коммунизма. Немного времени спустя оно восстанет против нового порядка. Не имея более ни союзников, ни жертв, которых можно было бы дополнительно поработить, ни, наконец, капиталистической экономики, за счет которой можно паразитировать, лишенный оправданий, коммунистический строй обнаружит свою радикальную неспособность управлять человеческим обществом. Посадить всех за решетку он не сумеет. И тогда начнется новый демократический цикл.

Нет победителя без побежденного. Если же побежденный проиграл не из-за недостатка материальных средств, поражение следует объяснить либо неумением мобилизовать эти средства, либо какой-то странной неуверенностью в себе. Разве могла бы экспансия коммунизма быть такой успешной, если бы Запад не развил в себе предрасположение стать ее объектом? Ведь соотношение сил само по себе долгое время было — и во многом остается — в пользу Запада. Однако сумеет ли данная цивилизация справиться с возникшими перед ней трудностями, сможет ли она выжить, — лишь наполовину зависит от объективной ситуации; другую половину составляет духовный и нравственный климат.

Не знаю, будет ли преувеличением сказать, что демократии созданы, чтобы быть обманутыми. Но я уверен, что именно такими нас давно уже видят наши противники. Не стану цитировать презрительно-проницательные высказывания Гитлера. Он был не первым. Обширную коллекцию подобных текстов открывает Ленин, который в 1921 году достаточно ясно выразил свое глубокое "уважение" к политическим лидерам и политическим мыслителям Запада; сославшись на собственные наблюдения, сделанные в эмиграции, он заявил, что так называемые культурные слои Западной Европы и Америки ничего не смыслят в современной ситуации и неспособны разобраться в реальном соотношении сил. Это глухонемые, и к ним так и следует относиться. Высказывание, которое мы имеем в виду, впервые опубликовано в "Новом журнале" (1961); см. также В. Lazitch а. V. Drachkovitch, "Lenin and the Comintern", vol. I, pp. 549–550 (1972).

Далее Ленин рекомендует следующие приемы, цель которых — ускорить слишком медленно развивающуюся мировую социалистическую революцию:

а) "Провозгласить, для успокоения глухонемых, отделение (фиктивное!) нашего правительства и правительственных учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от партии и Политбюро и в особенности от Коминтерна, представив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалистических Республик. Глухонемые поверят".

б) "Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических отношений с капиталистическими странами на основе полного невмешательства в их внутренние дела. Глухонемые снова поверят. Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органов партийного осведомления немедленно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей" (обратный перевод. — *Ред.*).

Если обозреть успехи, достигнутые с тех пор советским империализмом, станет ясно, что ни Сталин, ни Хрущев, ни их преемники не испытывали нужды пересмотреть это суждение или изменить вытекающие из него практические выводы. Оно и понятно. С какой стати менять безотказный прием? Парадокс тоталитарного режима: худшая система деморализует систему менее отвратительную. Но это не так загадочно, как кажется.

ся. У тоталитарной власти нет иной цели, кроме собственного выживания, другими словами — процветания правящей верхушки и расширения империи. В демократической стране руководитель должен ежедневно и ежечасно доказывать согражданам, что он обеспечивает им ощутимые блага, — или хотя бы уметь убедить их в этом. Так или иначе, но его усилия должны приносить немедленные плоды ежедневно. В коммунистической стране этого не требуется.

Взглянем на политику демократических государств с дальнего прицела: общность интересов, объединяющих демократии, нередко смазывается неизбежными противоречиями, которые возникают чуть ли не каждодневно. Демократии склонны преуменьшать внешнюю угрозу, чтобы забыть о делах внутренних: о процветании, социальных проблемах, образовании, культуре. Чувствуя, что тоталитарную угрозу нельзя отвести с помощью компромисса, как его понимает традиционная дипломатия, демократический деятель предпочитает попросту отрицать эту угрозу. Он даже возмущается, когда кто-то осмеливается указать на нее. Справедливо ставя мир на Земле на первое место среди всех благ, он проникается убеждением, что лучший способ отстоять мир — это его собственный отказ защищаться, ибо это единственное, что от него зависит: пацифизм — единственный товар, который он может предложить при любых переговорах. Легче уступить самому, чем добиться уступок от противника. Западные дипломаты как будто забыли о том, что искусство состоит как раз в обратном.

Все послевоенные государственные деятели страдают непониманием коммунизма. Они не улавливают его своеобразия, не могут понять законов, по которым функционирует коммунизм. Они все еще пытаются объяснить его ссылками на психологию его лидеров либо сводят все к уже известным им формам политической власти: вспоминают царизм, Французскую революцию, "социализм без свободы" или с отсроченной свободой. "Рузвельт, — говорит его бывший советник Аверелл Гарриман, — никогда не понимал коммунизма. Он видел в нем некое продолжение его собственной политики Нового курса (New Deal) ..."

Знаменитый дипломат мог бы обратить на это внимание в те годы, когда еще можно было исправить положение. Поразительно, с каким упорством в 1943 году Рузвельт старался задобрить Сталина во время Тегеранской конференции, не останавливаясь даже перед насмешками над Черчиллем. Три дня, — об этом рассказывает сам Рузвельт, — советский диктатор оставался ледяным. Наконец, Сталин улыбнулся. Эта была великая победа Запада. Она стала полной, когда Сталин "откровенно, безудержно расхохотался. Впервые за три дня я увидел свет... Я продолжал, и теперь мы со Сталиным уже смеялись вместе. Именно тогда я начал называть его дядей Джо". Демократия была спасена!

Дружеские отношения между государственными деятелями могут иметь лишь косвенное значение в случае столкновения государственных интересов. И они становятся уже вовсе иллюзорными, когда духовный мир и цивилизация стран-партнеров разделены миллионами световых лет. Сталин, вероятно, решил, что простак, который думает, что он обеспечил себе политическое преимущество, только потому, что ему удалось рассмешить его, Сталина, — даже не заслуживает спора.

Пять лет спустя по тому же пути идет Гарри Труман. В 1948 году он заявил одному журналисту: "Я хорошо узнал Сталина, и мне понравился старый Джо. Он приличный парень. Беда в том, что Сталин — пленник Политбюро. Он не может делать что хочет". Вот оно, все то же разделение на "жестких" и "умеренных", иллюзия, которой всегда умели пользоваться Советы, чтобы добиться односторонних уступок. Корень ошибки в том, что Запад проецирует на современные тоталитарные системы известные ему законы и реалии демократии. Уверенность, будто внутри Политбюро идет какая-то борьба,

по крайней мере нечто подобное борьбе внутри правительственного большинства или в самом правительстве в условиях демократии, влечет за собой новый мираж — надежду на то, что "умеренные", чью трудную и опасную борьбу за разрядку мы, демократы, обязаны поддерживать, будут стремиться либерализовать собственное государство. Что они-де хотят "демократического коммунизма". В книге воспоминаний "Миссия в Москву" (1943) посол США Дэвис умилен апостольской отвагой Сталина, который "решил сделать Конституцию более либеральной, подвергая тем самым ужасному риску свою личную власть и первенство в партии".

Руководители демократических стран и их дипломаты буквально одержимы желанием найти, наконец, партнера, с которым можно сговориться, на которого удобно будет опереться и которого надо спасать от "твердокаменных", мешающих ему обеспечить выгодное для нас соглашение. Коммунисты быстро раскусили эту слабость. В своих мемуарах Киссинджер повествует о том, как елейный Добрынин, советский посол в Вашингтоне, умолял государственного секретаря сделать СССР уступку, которая спасет Брежнева от неприятностей в Верховном Совете. Посол утверждал даже, что Брежневу пришлось действовать тайком от некоторых членов Политбюро, лишь бы, дескать, угодить американцам. Неужто вы допустите, чтобы он за это заплатил? Уступите ему чуть-чуть! Ведь дело идет о разрядке.

Простаки — среди них был и сам Генри Киссинджер — ловятся на эти грубые приемы. Абсурд покоится на трех основных тезисах. Первый тезис: в коммунистических странах существуют "либералы", "реформисты", "умеренные", но они постоянно рискуют потерять власть или влияние, и поэтому Запад обязан им помогать, то есть давать им возможность добиваться успехов за счет Запада. Второй тезис: наша экономическая помощь укрепит этих коммунистических "либералов" либо помешает "твердокаменным" пуститься на авантюры, опасные для дела мира. Третий тезис: так как считается, что Советский Союз безусловно хочет мира, мы обязаны проявить добрую волю, то есть опять-таки пойти на уступки.

В ноябре 1982 года, сразу после смерти Брежнева, американские и английские политические деятели, как и бесчисленные советологи, с утра до вечера выступавшие по радио, телевидению и в печати, подчеркивали необходимость не упустить случая доказать Советам нашу добрую волю. Предлагалось, в частности, немедленно снять американское эмбарго на продажу СССР стратегических товаров и техники (что и было тотчас же сделано) и отсрочить на год установку в Западной Европе ракет среднего радиуса действия.

Смерть руководителя сама по себе вовсе не означает перемен в политике, и разумней было бы подождать, пока СССР сделает хотя бы первый шаг. Прошное Андропова вовсе не говорило о его любви к свободе и миру. Почему надо было сразу делать ему односторонние уступки? Потому что в глубине души Запад, чтобы там ни говорили, признает за Советским Союзом именно те качества и свойства, которые СССР себе приписывает; вот и получается, что в срыве разрядки виноват Запад и только Запад. Мы смотрим на себя глазами Москвы, мы свято веруем в миф о том, что коммунисты стремятся к миру и что угроза равновесию сил в мире исходит только от нас. Следовательно, мы обязаны сделать первый шаг. В лучшем случае мы ставим Восток и Запад на одну доску.

Почему сорвалась разрядка? Потому что в понимании Запада она подразумевала прекращение советской агрессивности, а в представлении Советов — прекращение сопротивления Запада. Но отчего Запад столько лет закрывал глаза на советскую агрессивность? Оттого что все наше отношение к коммунизму основано на постулате: все устроится само собой. Мы рассуждаем так: русский коммунизм сталкивается с внутрен-

ними и внешними трудностями, которые заставят его измениться. Наше дело помочь ему в этом, делая все необходимые уступки, чтобы умерить его воинственность.

Хотите услышать еще раз эти усыпительные мелодии?

1. *"Русские уважают статус-кво. Мы должны их понять, когда они вторгаются в Венгрию или Чехословакию: эти страны входят в советскую зону влияния"*.

Где кончается зона влияния? Начиная с 1975 года, русские проникли в Африку, в Юго-Восточную Азию, в Аравию, вторглись в Афганистан.

2. *"Экономический провал советской системы заставит Россию отказаться от слишком амбициозной внешней политики и направить свои усилия на повышение уровня жизни в стране. Помогая Советам стать обществом потребления, Запад способствует улучшению дипломатических отношений"*.

Наша экономическая помощь привела к тому, что советский империализм распространился по всему миру.

3. *"Нравственный и идеологический крах коммунизма отвратит от него в конце концов все народы"*.

В 1970 году Збигнев Бжезинский опубликовал в журнале "New Leader" статью под названием: "Коммунизм умер". Говорить так — значит забывать о том, что потеря морального престижа отнюдь не мешает успешному расширению своих владений.

4. *"Национальные формы коммунизма ограничат советское влияние в мире. Титоизм находит последователей"*.

После падения Сайгона в 1975 году газета "New York Times" предсказывала, что вьетнамский коммунизм быстро станет антисоветским. Судите сам, чего стоил этот прогноз.

5. *"В обоих обществах — капиталистическом и социалистическом — действуют общие экономические законы. И там, и здесь к власти придет одна и та же порода технократов и менеджеров. Произойдет процесс унификации двух общественных формаций"*.

Сторонники теории конвергенции, видимо, не подозревают о том, что в СССР политическая и идеологическая власть имеет абсолютный приоритет.

6. *"Торговля между Востоком и Западом сделает коммунизм более цивилизованным"*.

Этим принципом Запад вдохновлялся, оказывая Советскому Союзу значительную помощь уже с начала 20-х годов. После того, как несколько лет подряд на СССР изливались щедроты западной экономики, там произошли: насильственная коллективизация, уничтожение крестьянства, голод, чистки, Большой террор.

7. *"Конфликт между СССР и Китаем сведет на-нет конфликт между демократическими обществами и советским тоталитаризмом"*.

Опыт показал, что одно не мешает другому. Вдобавок длительное сосуществование двух тоталитарных систем может ослабить напряжение между ними.

8. *"Еврокоммунизм означает конец мировой коммунистической церкви и вообще служит вызовом Советскому Союзу"*.

Комментарии излишни.

9. *"Внутренний детонатор коммунистической системы — советские мусульмане. Москве придется идти на сговор со странами ислама на Ближнем Востоке, чтобы не допустить взрыва"*.

Есть, однако, прекрасный способ успокоить страны ислама: захватить их.

10. *"Экспансионизм опасен для них самих. Русские уже увязли в Африке. Афганистан тоже оказался отнюдь не увеселительной прогулкой. Советы потерпели поражение в Египте и Сомали"*.

На самом деле русские покинули Сомали скорее по доброй воле, уйдя к более перспективному клиенту — Эфиопии. Что до Египта, он никогда не был коммунисти-

ческой страной. Стать сателлитом или пригласить советских советников — не одно и то же. Египет выставил за дверь советников из СССР, когда они оказались неспособны обеспечить ему победу в войне против Израиля. Всякий империализм порождает свои проблемы. Подчас у бандита бывают серьезные неприятности; но жертвам от этого не легче.

11. *"Русские захватили Афганистан из слабости"*.

Комический вариант предыдущей теории. Бедные русские, ну как их не пожалеть! Афганцам остается только потирать руки от удовольствия при мысли о том, какое отчаяние принудило северного друга пожаловать к ним в гости.

12. *"Если мы будем неуступчивы, снова начнется холодная война"*.

Как будто это зависит от нас! В наших силах только дать или не дать холодной войне расшириться. В 1950 году, во время войны в Корее, Организация Объединенных наций не только осудила захватчика, но и послала войска. В 1956 году, во время событий в Венгрии, ООН тоже его осудила и... создала комиссию по расследованию. Когда же в 1968 году произошел захват Чехословакии, то уже никого не осуждали и никаких комиссий не назначали. И русских любезно пустили на Олимпийские игры в Мехико.

Все эти теории, все это раболепие — достаточно старая история. Она относится и к правым, и к левым. Когда-то Фритьоф Нансен, норвежец, неплохо знавший Советскую Россию (он был избран даже почетным членом Московского совета за огромные услуги, которые оказал голодающему населению России) всерьез уверовал в то, что Ленин восстановит свободный рынок и вернется к капиталистическому товарообмену. Он дал себя обмануть НЭПом, тактическим маневром, к которому прибег загнанный в угол Ленин в надежде выманить у Запада капиталы и технику. Ту же ошибку совершил знаменитый английский премьер Ллойд-Джордж. "Полагаю, — размышлял он в 1922 г., — что мы можем спасти Россию с помощью торгового обмена. Торговля имеет сдерживающее влияние... По моему мнению, торговля положит конец жесткости, разбою и грубости большевизма надежней, чем что-либо другое..."

Подумал ли кто-нибудь о том, что после ада сталинизма следовало бы пересмотреть подобные суждения? ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ВЫПАД КЛАССОВОГО ВРАГА

Колхозницы с нетерпением ждали начала собрания. Зал бы полон веселья и радости. Однако непредвиденное событие омрачило веселье колхозниц, собравшихся отпраздновать Международный женский коммунистический день. За кулисами притаился враг и под благовидной повесткой дня готовил собранию сюрприз...

— Начнем, что ли? — спросил председатель колхоза Енгальшов, призывая к порядку. — Будем премировать лучших ударниц, — заявил Енгальшов.

И колхознице Журавлевой Пелагее и Трифоновой Агафье и другим парторг Иванов отдает подарки в пакете.

Взоры собрания были устремлены на премированных. А когда раскрыли эти "подарки", то в кульках оказался навоз.

Лишь через семь дней "Бузулукский колхозник" сообщил об этом мерзком, контрреволюционном преступлении. И то после решения райкома партии. Как видно из номера газеты за 15 марта, Енгальшов оправдывался, что такой метод премирования он придумал "в целях борьбы с лодырничеством"... Райком правильно расценил этот факт как "антисоветский выпад классового врага".

"Правда", 22 марта 1935 г.

Борис ХАЗАНОВ

ЮНГЕР, ИЛИ ПРЕЛЕСТЬ ПРАВИЗНЫ

I

Вечером 29 марта домашний экран передает последние известия. И вот появляется этот человек, в светлом костюме, маленький, стройный, почти молодой, седой как лунь. Разговаривая с канцлером, могучего вида мужчиной, рядом с которым он выглядит подростком, он стоит как по стойке "смирно". Это бывший капитан вермахта и кавалер высших военных орденов, знаменитый писатель, классик немецкого языка, живая история Германии — Эрнст Юнгер. Ему 90 лет.

Подумать только: этот человек застал в живых Фридриха Ницше. Ему шел шестнадцатый год, когда умер Толстой. Он был современником Джойса, Кафки, Музиля, Томаса Манна. Он был также современником Ленина. Некто Гитлер приходился ему почти ровесником. Живая история — это значит, что уже целое поколение видит и знает Юнгера стариком. Он был взрослым человеком, свидетелем и участником роковых событий, не только сорок, но и семьдесят лет назад. Не странно ли подумать, что он вошел в литературу как певец агрессивной молодости, что он сам был ее воплощением, — этот патриарх, который сейчас показывает корреспонденту свою библиотеку и коллекцию жуков.

II

В нашей стране Юнгера если и знают, то разве только по имени. Не может быть и речи о том, чтобы перевести хотя бы одну из его книг. Читать Юнгера по-русски можно примерно так же, как мы теперь читаем некоторых античных писателей. Существуют авторы, от которых сохранилось лишь две-три цитаты, — что не мешает им украшать историю философии и литературы. Так и Юнгер: несколько закавыченных фраз в нескольких обзорах западной литературы XX века. Лет двадцать назад ему была посвящена единственная журнальная статья, давно забытая. Короткая глава о нем в академической "Истории литературы ФРГ", написанная Ю.И.Архиповым, выдает чувство, знакомое, впрочем, и кое-кому из читателей Юнгера в Западной Европе: смесь отвращения и восхищения.

III

Эрнст Юнгер, глядя на которого можно подумать, что он отпрыск древнего рыцарского рода, вырос в семье аптекаря. В Гейдельберге, где он родился, и сейчас сохранились эти аптеки, в самом деле существующие много веков, — бывшие алхимические лаборатории. В семнадцать лет Юнгер, начитавшись приключенческих романов, убежал из школы и записался во французский Иностранный легион. Он успел переправиться в Африку, но был отозван специальным письмом военного министра: отец разыскал его и добился, чтобы мальчишку вернули домой. Через полтора года началась Мировая война. Юнгер отправился на фронт добровольцем, в чине лейтенанта командовал ударной ротой, был четырнадцать раз ранен, был награжден за необычайную храбрость Железным

крестом I класса, а в конце войны — прусским орденом Pour le mérite, честь, которой удостоилось со времен Старого Фрица лишь несколько десятков человек. На двадцать четвертом году жизни он вышел из госпиталя и еще пять лет числился офицером рейхсвера. Он учился на естественном факультете Лейпцигского университета (и сохранил на всю жизнь любовь к энтомологии: существует род жуков, описанный им и названный его именем), слушал лекции на философском факультете в Неаполе. В 1920 году он опубликовал фронтовой дневник "In Stahlgewittern" ("В стальных грозах"), книга прославила его. Далее последовало еще несколько книг. Юнгер издавал журналы с выразительными названиями: "Знамя. Еженедельник нового национализма", "Арминий, боевой орган немецких националистов", "Атака" и т.п.

Февральская революция 1933 года почти не отразилась на внешних обстоятельствах жизни Юнгера, к этому времени уже достаточно именитого литератора. Новый режим благоволил ему, тем более что многие из его друзей и единомышленников, офицеров и членов "Стального шлема" и "Клуба господ", где он и сам состоял, стали преуспевающими нацистами. Но уже в том же тридцать третьем году он отклонил приглашение вступить в Прусскую академию искусств, из которой были изгнаны выдающиеся писатели. В 1939 г. Юнгер написал роман "Auf den Marmorklippen" ("На мраморных скалах"), который можно рассматривать как замаскированную инвективу против фашизма. Он держал корректуры в сентябре, уже находясь в армии.

IV

Юнгер был участником вторжения во Францию, затем штабным офицером в Париже. Он сблизился с некоторыми французскими писателями. Среди них были не только коллаборационисты вроде Поля Морана или Анри де Монтерлана (это имя стоит отметить), но и участники Сопротивления, о чем он знал; но об этом не говорилось вслух. Осень и зиму 1942—43 года он провел на Восточном фронте, был в Киеве, Ростове, Краснодаре, Майкопе, дошел с войсками до предгорий Большого Кавказа. Потом он вернулся в Париж и вместе со своим шефом Роммелем оказался замешан в заговор 20 июля. Среди казненных были близкие друзья Юнгера. Фельдмаршала, попавшего в авиационную катастрофу, вылечили, чтобы дать ему возможность выйти из положения "по-хорошему" — застрелиться. Сын Юнгера погиб в штрафной роте, — перед этим он был приговорен к смерти за высказывания против Gröfaz — Величайшего Вождя Всех Времен. Наконец, разнесся слух, что и сам Юнгер арестован и расстрелян. Однако он не был прямым участником заговора. Его уволили из армии как "недостойного носить оружие", и ему было запрещено публиковаться.

V

К концу войны бывший рейх представлял собой страшное зрелище. Не уцелело ни одного крупного города. Одна из военных сводок гласила: "Войска оставили поле развалин, которое некогда называлось городом Кельном". Среди этих развалин высился, словно гигантская двойная сосулька, выщербленный и поврежденный, но все же устоявший семисотлетний Кельнский собор. От Берлина, Гамбурга, Дрездена, Бремена, Франкфурта, Майнца, Вюрцбурга, Дортмунда, Эссена, Нюрнберга, Аахена ничего или почти ничего не осталось. Масштабы возмездия, постигшего Германию, можно было приблизительно сравнить лишь с катастрофой Тридцатилетней войны. И в эту съезжившуюся, словно шагреневая кожа, ненавидимую всем миром и околевающую Германию хлынуло двенадцать миллионов беженцев из восточных областей. Так окончилось "опьянение судьбой", Schicksalsrausch, — словечко, пущенное в оборот Хайдеггером,

любимое слово и пароль Юнгера. Май застал его дома, в деревне Кирхгорст под Ганновером. Позже он поселился в Вильфлинге, в Южном Вюртемберге; там он обретается по сей день.

Запрет печататься сохранялся и в первые послевоенные годы. Теперь вето было наложено оккупационными властями: слишком велика была известность Юнгера как праворадикального публициста 20-х годов и писателя, более или менее процветавшего после нацистского переворота. Первое произведение, созданное под непосредственным впечатлением разгрома, "Der Friede" ("Мир"), распространялось в машинописных копиях. В 1948 году запрет был снят. Дела пошли лучше. Юнгер выпускал книгу за книгой. В начале шестидесятых годов вышло десяти томное собрание сочинений. Потом полное, в восемнадцати томах. В 1982 г. писателю присудили литературную премию имени Гете. Это событие вызвало большой шум. Во Франкфурте, в Старой ратуше, где проходила церемония вручения награды, Зеленые устроили демонстрацию протеста: они стояли у дверей и в проходах, держа в руках транспаранты с текстами Эрнста Юнгера двадцатых годов.

VI

Что это за тексты?

Когда вечером 10 мая 1933 года в Берлине, на площади Оперы, при свете факелов и огромном стечении народа было устроено сожжение вредных книг, когда под возглас: "Против морального разложения нации, оплевывания фронтового прошлого и боевого товарищества" в огонь полетели сочинения писателей-фронтовиков, — книга Юнгера среди них не было. Он не разлагал нацию и не "оплевывал" мировую войну. Между тем его книги "В стальных грозах", "Бой как внутреннее переживание" ("Der Kampf als inneres Erlebnis", 1922), "Роща 125" ("Das Wäldchen 125", 1925), "Огонь и кровь" ("Feuer und Blut", 1926), "Авантюрное сердце" ("Das abenteuerliche Herz", 1929) — отнюдь не приукрашивали войну.

"Под дождем из цветов выступили мы в путь, пьяные запахом роз, который стал запахом крови..." — так начинается первое произведение 25-летнего автора, книга фронтовых записей, слегка обработанных после возвращения с войны. Уже эта короткая ритмизованная фраза дает представление о слоге Юнгера; ни слог, ни сам автор в сущности не изменились за многие десятилетия. Ибо этот писатель, политическая роль и политическое значение которого до сих пор заслоняют от большинства читателей всякий иной смысл его книг, умеет парадоксальным образом ускользнуть от истории. Запереться в башне слоновой кости, имя которой — стиль. Ниже мы попытаемся понять, что это значит.

В январе 1915 года маршевая рота прибывает на фронт. Слышен гул, переходящий в грохот, обстрел деревни из тяжелых гаубиц. Окопная война в меловых полях Шампани, сражение на Сомме с применением огромного количества техники, газовая атака, бой под Камбре. Операции во Фландрии и последнее крупное наступление в Арденнах в марте 1918 г. Тяжело раненный автор дневника доставлен в госпиталь в Ганновер, куда приходит известие о том, что кайзер пожаловал его высшим военным орденом. Заключено перемирие. Вильгельм II бежал в Голландию. Война проиграна, но ее резон — не в победе, и ничто не может отменить того, чем она была, — великой инициацией и самоосуществлением автора как человека и мужчины.

"На дне кратера войны кроется смысл, который не в силах подчинить себе никакая арифметика. Его-то и почуяло ликование волонтеров, в котором прорвался грозный голос германского демона. Отвращение к заплесневелым добродетелям слилось в нем с безотчетной жаждой изведать новую жизнь. Кто бы подумал, что поколение

материалистов произведет на свет сыновей, способных так пылко приветствовать смерть? Но так могла возвестить о себе лишь полная до краев жизнь, та жизнь, которая презирает скaredность монахов-попрошак. И так же как результат возвышенной жизни есть, собственно, не что иное как формирование глубокого характера — обретение себя, — так следствием этой войны для настоящего бойца сможет стать обретение глубинной Германии" ("В стальных грозах").

VII

Юнгеру повезло, он вернулся живым, с руками и ногами. Тому, кто хотел бы обжить в своей памяти *другой* образ войны, достаточно было взглянуть хотя бы на гравюры Отто Дикса. Достаточно было вспомнить рисунок Кубина: воин в шлеме ландскнехта, надвинутом на глаза, но никаких глаз нет за прорезью, там черная пустота. В конце концов этот образ и маячил перед самим Юнгером, реализм его дневников несколько не уступал, например, реализму Ремарка, чей роман "На Западном фронте без перемен" был первым брошен в костер на площади в 1933 году. Но можно понять, почему, возвратившись с войны, Юнгер не пополнил ряды изверившихся и неприкаянных, можно понять, почему он стал певцом романтического и агрессивного национализма, почему он принял участие если не в создании фашистской идеологии, то в создании фашистской эстетики, оснатив ее броскими формулами, подарив ей звучный язык, а подчас и трескучий пафос, образец которого мы только что привели; почему он не стыдился называть себя врагом демократии и стал идолом многочисленных правых группировок, ненавидевших Веймарскую республику и общими усилиями похоронивших ее.

Не идеология выбирает писателя, но писатель, в силу особенностей своего характера, поддается соблазну той или иной идеологии — либо сопротивляется ей. Идеологии и философии предшествует психология. Одно дело философия, другое дело — этот щеголеватый, стройный, детски-неустрашимый, не чуждый мужскому кокетству офицер-картинка, с пистолетом на зад и розой в руке. Писатель, чья муза — опасность, чей пароль — действие. Жизнь как высокая авантюра. Психологический тип, к которому тяготел Юнгер, который он культивировал в себе, был тип, сложившийся к началу двадцатых годов не только в Германии. Назовем его так: воин-эстет.

VIII

По другую сторону фронта воевал и был убит через месяц после начала войны другой волонтер воинственного национализма, Шарль Пеги, принадлежавший, правда, к старшему поколению: ему был 41 год. Но Андре Мальро, который был почти ровесником Юнгера и сражался против фашизма сначала в Испании, потом во Франции, — был тоже в каком-то смысле его двойник: та же героика и тот же авантюризм, то же навязчивое желание быть мужчиной и человеком действия, оставаясь созерцателем и эстетом. Тот же *стиль*.

Разумеется, к этой же когорте принадлежит граф Анри де Монтерлан, блестящий красавец, на год старше Юнгера, как и он, солдат Первой мировой войны, романтический националист наполовину в средневековом, наполовину в фашистском вкусе, искатель приключений и спортсменов, воспевающий в романе "Одиннадцать у золотых ворот" футбольную команду как некую священную дружину, скрепленную клятвой верности друг другу и капитану. Сюда же нужно причислить "князя" Габриеле д'Аннунцио, автора "Гимнов великодержавной Италии" и командира отряда националистов, захватившего в 1919 году югославскую Риеку. Есть нечто общее с этими персонажами у графа

Антуана де Сент-Экзюпери. И, наконец, еще один член международного ордена рыцарей-эстетов, представитель литературы, где этот тип совсем не популярен, — путешественник и волонтер Мировой войны, расстрелянный в 1921 году Николай Гумилев.

Всех этих людей, за исключением, может быть, Сент-Экса, отличает тяга к радикализму. Этот радикализм по необходимости приобретает политический характер, несмотря на то что мы имеем дело совсем не с политиками. В лучшем случае это политические романтики. Холодные и отважные в жизни, они на самом деле опьянены. Мы знаем, что Первая мировая война породила "потерянное поколение". Но люди, подобные Юнгеру, вернулись с особым хмельным блеском в глазах: пьяные вином войны. Только на самом деле это было не вино, а наркотик. Не зря Юнгер чуть ли не всю жизнь экспериментировал то с эфиром, то с гашишем, то с ЛСД. Романтизм таит в себе прелесть наркотика и очарование галлюциногена. Так они становятся наркоманами радикальной идеи: чаще правой, иногда левой. Нормальная бюргерская порядочность и ее политический эквивалент — либеральная демократия — представляются им бесцветными, пресными.

IX

Наступает момент, когда трубадур национальной идеи становится пророком тоталитаризма. Есть резон в том, что нам приходится возвращаться время от времени к европейской ситуации 20-х — 30-х годов. Никогда еще демократия не была столь унижена. Никогда она не казалась такой немощной и анемичной, никогда так отчетливо дух насилия и воинственной молодости не сливался с ненавистью к либерализму, никогда романтический национализм не обнаруживал так наглядно свою несовместимость с демократией. Поход на Рим и победа фашизма в Италии. Гитлер в Германии. Пилсудский в Польше. Франко в Испании. Мощное профашистское движение во Франции. Триумф коммунистических идей в России; когда к середине тридцатых годов режим обретает устойчивые формы, его фашистско-националистический облик представляется логическим завершением его эволюции.

Цветовая символика времени: красный цвет пролетарско-коммунистического тоталитаризма, красный и черный цвета пролетарско-фашистского тоталитаризма. Клещи, сжавшие справа и слева дряблую, состарившуюся, истасканную, продажную, изверившуюся в самом себе и, кажется, окончательно изжившую себя демократию. ("Разве в такое время слово "демократ" набредет какой головке дурьей?!" — вопрошает Маяковский.) Это демократия паразитов — капиталистов, эксплуататоров, плутократов, евреев и парламентских болтунов. Не болтать, а действовать. Отвращение к нацизму множит ряды коммунистов. Страх перед коммунизмом заставляет бросаться в объятия нацизма. Растущая эротизация национализма: нежно-платоническая влюбленность в родину стремительно перерастает в звериную похоть, желание обладать. "Нептун крови" (выражение Рильке) вздымает трезубец. Что-то древнее поднимается со дна души.

X

Не представляет особого труда реконструировать философию, на которой, как на толстом и пахучем слое удобрений, расцветает публицистика и литературное творчество Юнгера. Это букет идей с полузатопленных лугов позднего немецкого романтизма; набор ключевых слов, многие из которых имеют и русский эквивалент. *Германия и "Запад" как антитеза жизни и иссушающего жизнь рационализма, культуры и отрицающей ее цивилизации, природы и техники, здоровой деревни и развращенного города. Апелляция к первозданным основам жизни, к силе, свежести, инстинкту. Обращение к мифу как к высшей правде, заклатья, сдобренные такими словами как кровь, почва, народ.*

"Важней любых вивисекций интеллектуализма рост национального мифа, того мифа, который не сочится из нервов, но цветет в крови. Ибо не интеллектом, а мифом творится жизнь. Он заключен в самом жизнетворении. Вот смысл и содержание нашего времени, и вот почему дух народа, народность — враждебны интеллектуализму. Они должны быть врагами. Народность есть вера и рост. Интеллектуализм есть иссушающий скепсис. Дух — в народности; интеллектуализм — всего лишь жонглирование словами".

Этот пассаж принадлежит Вильгельму Штапелю, популярному публицисту тогдашней интеллектуальной "правой", разумеется, жившей не в деревенском раю, а в столицах. Не правда ли, в этих высказываниях звучит знакомая тема? Органичимся, чтобы не застревать на ней, еще одной цитатой — из "Речи к немцам" Томаса Манна, произнесенной вскоре после первой крупной победы Гитлера на выборах в 1930 г. Еще недавно, в "Признаниях аполитичного", ее автор сам отдал щедрую дань почвенно-мифологическому мировоззрению. К сожалению, "Речь к немцам" (с подзаголовком "Воззвание к разуму") неизвестна русскому читателю.

"Быть может, вам покажется смелым соединением нынешнего радикального национализма с идеями романтизирующей философии, тем не менее эта сцепленность налицо и призвана укрепить движение, о котором мы говорим, — национал-социалистическое движение, — с духовной стороны. Тут заявляет о себе идеология филологов, романтизм германистов, нордическое вероисповедание, выпестованное в профессорско-университетской среде, которое уговаривает немцев 1930 года, обращаясь к ним на диалекте домашней мистики и возвышенной безвкусицы, привнося в "движение" компонент экзальтированного и образованного варварства, заливая и заклепывая мозги и подогревая все ту же враждебность миру, все тот же политический романтизм, который бросил нас в объятья войны".

Ирония судьбы: опьянение почвенным романтизмом и "судьбой" обнаружило неожиданную связь с такими низменными реалиями как биржа, доллар, конъюнктура, конкуренция. Мы приближаемся к решающему рубежу, к октябрю 1929 года и краху нью-йоркской биржи, повлекшему за собой экономический кризис. Идеи не вырастают из экономики, но экономика создает климат, в котором тускло мерцающая идея разгорается, как лучинка в колбе с кислородом. В 1931 году вышла книга Юнгера "Die totale Mobilmachung" ("Тотальная мобилизация"), в 1932 — "Der Arbeiter" ("Рабочий"). Эстетика писателя совершает вираж от архаизирующей романтики к военно-индустриальному героизму. Обе книги возвестили о наступлении эры тоталитаризма — и как будто даже приветствовали ее.

XI

"Задача тотальной мобилизации — преобразовать жизнь в энергию, какой она проявляет себя в хозяйстве, технике и транспорте, в стуче колес или на поле боя, натиском и огнем". Не следует искать в цитатах подобного рода логические противоречия, не в том дело, что огонь и натиск грозят уничтожением всякому мирному труду и хозяйству. Тотальная мобилизация Юнгера имеет лишь отдаленное соответствие с тем, что мы привыкли в нашей прозаической жизни подразумевать под этим словом; а его "рабочий" мало похож на реального рабочего человека, которому чаще всего не до высоких материй и выспренных слов. Аргументация, на которой строится "Der Arbeiter", наполовину трактат, наполовину поэма в прозе, — напоминает логику рассуждений Ницше; ее исходный пункт — некоторое не поддающееся определению понятие, именуемое то "жизнью", то "бытием". Отныне эта жизнь примет форму нового общественного устройства, основанного на единстве, трудовом братстве, суровой дисциплине, техническом прогрессе. Будущее принадлежит Рабочему и Солдату, которые по сути — одно: их общая задача — "преображение пространства". Для чего, во имя чего — не так уж важно.

Солдаты Первой мировой войны — воюющие рабочие — пали на пороге нового мира, ныне неотвратимо надвинувшегося на нас. Они сражались не ради свободы, демократии, всей этой чепухи; даже не во имя национального величия; но ради нового общества, государства рабочих и инженеров, суть и смысл которого — тотальный трудовой процесс. "Жужжание ткацких станков Манчестера, треск пулеметов под Лангемарком — вот знаки, слова и периоды прозы, которая ждет от нас чтения и понимания. Не услышать ее, отринуть ее как бессмыслицу — значит сдаться. Дело идет о том, чтобы угадать тайный закон, который предстает сегодня, как и во все времена, в обличье мифа, дело идет о том, чтобы вооружиться им. Нужно овладеть этим языком. Когда мы научимся на нем изъясняться, все другие слова станут ненужными".

Две черты этого философствования бросаются в глаза. Первая — неожиданное совпадение с героикой социалистического строительства и Первым пятилетним планом в СССР. Рабочее государство — идеализированный проект не только и даже не столько будущего немецкого национал-социалистического государства, сколько пролетарско-социалистического государства, уже построенного в России. Можно напомнить о том, что на исходе 20-х годов в Германии существовало течение, называемое национал-большевизмом; и есть сведения о том, что Юнгер был близок к нему. Вторая черта существенней. Правофланговый тотальной мобилизации, труженик войны и солдат труда, подозрительно напоминающий живого робота, не является, однако, инструментом какого-то надчеловеческого прогресса. Он не слуга машины, хотя и живет среди молний, в свисте и грохоте механизмов. Смысл его деятельности не в том, чтобы стремиться к конкретной цели, строить рай на земле, увеличивать запас материальных благ, возвести невиданную в мире электростанцию или что-нибудь в этом роде. Рабочий — не "объект" истории. Но он и не ее субъект. В утопическом рабочем государстве истории нет. Рабочий и воин — это *тип поведения*. "Не в том суть, за что мы воюем, а — как мы воюем" (фраза из раннего эссе Юнгера "Бой как внутреннее переживание"). Нравственность и политика вынесены за скобки. Мы возвращаемся к тому, что представляет собой истинную "политику", истинную религию и мораль Эрнста Юнгера: к стилю.

XII

Когда вспоминаешь все, что произошло, хочется отшвырнуть ногой гнусные книги и куском угля перечеркнуть крест-накрест портреты авторов, которые поскрипывали лакированными сапогами, попивали прохладное бургундское и совершенствовались периоды своей прозы в то время, когда другие подыхали в лагерях. Когда Бенямин принял яд, чтобы не попасть в когти гестапо, при попытке перейти границу в Пиренеях. Когда Дитрих Бонгёффер был расстрелян в концлагере Флоссенбург. Когда, как сказано в одном стихотворении Брехта, разговор о деревьях кажется преступлением, потому что он заключает в себе молчание о погибших. Одна из дневниковых книг Юнгера называлась "Сады и улицы", — это и есть разговор о деревьях. Однажды Юнгер записал: "Цензура способствует утонченности стиля, как дуэль — утонченности нравов". Но бывают эпохи, когда эстетизм оборачивается варварством, а от изящного стиля мутит и выворачивает наизнанку. Тому, кто вернулся из крысиного ада, знакомо чувство отращения, которое вызывают ряды элегантно переплетенных томиков в книжном шкафу: кажется, что эти поэты-эстеты, эти квартиранты башен слоновой кости предали тебя. В тридцать третьем году протест Юнгера, если это вообще был протест, ограничился тем, что он уехал из Берлина в деревню. Он отказался, как уже сказано, от чести быть избранным в Прусскую академию искусств. Известно, что Юнгера ненавидел доктор Геббельс. Ну и что? Не относятся ли и к нему слова Томаса Манна из известного письма к Вальтеру фон Моло о том, что на всей литературе времен нацизма лежит черное

пятно и, собственно говоря, надо было бы всю ее собрать и сжечь, — слова, под которыми и мы во время оно непрочь были подписаться, применив их к советской литературе? Но вот в самом начале Второй мировой войны, когда Германия и СССР рвут пополам Польшу, появляется фантастический роман "На мраморных скалах". Даже сейчас, читая его, испытываешь странное и сложное чувство раздвоенности. Чарующий, как тихая песнь, зачин. Мощное, увлекающее читателя повествование, что-то вроде саги в прозе. Парень, черт бы его драл, умел писать.

XIII

Дивный край, горная и лесистая Мауретания, затерянная где-то в самом сердце Европы, на переломе времен, не то в конце Средневековья, не то в Новое время, страна, где живет и наслаждается жизнью веселый и трудолюбивый народ, оказалась во власти свирепого Оберфёрстера, Старшего Лесничего. Он и прежде владел этими местами, но сидел в лесах. Мало-помалу его присутствие начинает ощущаться как некий разлитый повсюду яд. Страх перед Лесничим и его бандами развязывает низменные инстинкты. Порча нравов достигает неслыханного распространения. И тогда дикие орды выходят из лесов, начинается гражданская война, и цивилизация гибнет.

Роман, в котором, собственно говоря, нет никакой истории, нет и живых действующих лиц, — они заменены яркими, но условными и несколько оперными фигурами, каждая из которых опять-таки воплощает не социальный или психологический тип, но тип поведения, — роман этот воспринимался как прозрачная и достаточно рискованная аллегория; при желании в нем можно было даже вычитать конкретные параллели. Например, конфликт Старшего Лесничего с его соперником Бракемаром в лесном лагере Оберфёрстера мог напомнить столкновения между главарями и отрядами СС и СА в 1933—36 годах. Впоследствии, после крушения режима, автор отрицал намерение описать в романе, пусть иносказательно, конкретную ситуацию страны и победу гитлеризма. Отчасти это говорилось из гордости, даже из присущего Юнгеру кокетства. Отчасти — оттого, что писатель, начиная с середины тридцатых годов, все меньше ощущал себя летописцем, историком или судьей своего времени. Ему хотелось быть скорее его диагностом. Диагноз есть опознание в конкретном случае некоторого общего недуга.

Вот любопытное место из датированного 1972 годом послесловия к книге "На мраморных скалах".

"Одно побочное обстоятельство, а именно, риск предприятия, стало предметом толков, — меня самого оно занимало лишь в небольшой степени, ибо уводило от существа дела, выдвигая чисто политическую сторону на передний план. В том, что текст мог и в таком смысле звучать как вызов, я и мой брат¹ отдавали себе отчет ничуть не меньше, чем рецензент "Ганзейцев",² да и сам их руководитель Бенно Циглер, которому публикация книги тотчас доставила неприятности. Уже через неделю рейхслейтер Булер доложил о ней Гитлеру, однако последствий не было. Меня довольно подробно информировали о подробностях дела; даже самый строгий режим проникаем.

Тем временем я находился уже на Западном фронте и, сидя в бункере, читал рецензии в немецких и иностранных газетах, где политический аспект тоже более или менее подчеркивался. Не было недостатка и в откликах читателей. "У нас, когда двое или трое встречаются на углу, чтобы переброситься словечком, то говорят не о войне с Польшей, а об этой книге". Это писала какая-то студентка из Гисена. Несколько изданий разо-

¹ Ф.-Г. Юнгер, поэт и эссеист. — Ред.
² издательство.

шлось одно за другим, а когда начались перебои с бумагой, книга была перепечатана по армейскому заказу сначала в Риге, потом в Париже, где скоро появился и превосходный перевод Анри Томаса.

То, что "сапожок годится на разную ногу", довольно быстро стало понятно, даже в оккупированной Франции. Вскоре после войны мы узнали о подпольных изданиях на Украине и в Литве. Единственный официальный перевод по ту сторону Железного занавеса вышел в свет в 1971 году в Бухаресте".

XIV

Подобно всякой живой идее, идее-чувству, идее-наваждению, национализм проделывает определенную эволюцию в умах и душах; существует то, что можно было бы назвать имманентной — внутренней и внешней — логикой развития национальной идеи. Опыт последнего столетия обнаруживает зловещие потенции, которые заключены в этой идее. Выше мы упомянули о них. Перемещаясь из литературы в политику, национализм обнаруживает роковую несовместимость с демократией. Возрождение демократии в свою очередь означает победу над эротикой национализма. Нигде эта закономерность не проявила себя так наглядно, как в классической стране романтизма — Германии. У немецкого романтизма два цвета. Небесно-серебристый цвет Голубого цветка — и багровый цвет крови.

Легко заметить, что мы в России (и вне России) переживаем нечто близкое и подобное. Русское почвенничество удобрено идеями и представлениями германского романтизма, чаще всего не подозревая об этом. Оттого мы уделили главное внимание раннему творчеству Эрнста Юнгера, тому, что он сам называл своим Ветхим Заветом, вкладывая в это сравнение достаточно противоречивый и глубокий смысл, — хотя книги, которые мы здесь называли, составляют сравнительно небольшую часть всего, что создал писатель, отмечающий ныне свой 90-летний юбилей.

В этой пестрой библиотеке есть и замечательные "Strahlungen", — трудно переводимое название, что-то вроде "Излучений", шесть книг военных дневников 1941—45 гг; и том коротких эссе, сгруппированных в циклы, под общим названием "Annäherungen" ("Сближения"); и философско-фантастические романы, например, нашумевший роман 1957 года "Gläserne Bienen" ("Стеклянные пчелы") — о конфликте техники и морали, своеобразный поздний комментарий к "Рабочему"; и художественный трактат "An der Zeitmauer" ("У бастиона времени", 1959), с рассуждениями о том, что отцовско-героическое прошлое человечества сменяется женственно-материнским будущим, — книга, в которой автор расстается с изношенным и опостылевшим национализмом; и совсем, казалось бы, неожиданный гуманистический роман "Die Zwille" ("Рогатка"); и только что — в 1985 г. — появившийся криминальный роман "Die gefährliche Begegnung" ("Рискованная встреча"). И многое другое, о чем здесь нет возможности даже упомянуть.

Вместо заключения — несколько отрывков из "Излучений", памятуя правило: sapienti sat.

XVI

"О мифологии. Секрет воздействия "Одиссея" в том, что она есть уподобление жизненному пути человека. Здесь в особенности чувствуется живое присутствие Прообраза, скрытого за картиной Сциллы и Харибды. Человек, над которым сгустился гнев богов, оказывается между двумя опасностями, и одна ужасней другой. Так он стоит, попав в окружение, между смертью в бою и опасностью плена. Прямо перед ним, посредине — узкая страшная щель, и другого выхода нет". ("Заметки с Кавказа", 16.XII. 1942).

"Утром возвращение в Куринскую... На деревянном мосту провалилась лошадь и зависла в упряжи над пенистым потоком. Какому-то унтер-офицеру удается снизу перерезать постромки. Лошадь рухнула в воду и кое-как добралась до берега. Немного выше я обнаружил два трупа, один был раздет до кальсон. Он лежал на дне ручья, и его посиневшая грудная клетка выпирала между камней. Правая ладонь была подсунута под затылок, словно он спал. Затылок в крови. С другого, по-видимому, пытались защитить гимнастерку. Огнестрельная рана в области сердца. Мимо тянутся вереницы горных стрелков с тяжелыми рюкзаками, горцы-носильщики с амуницией, продовольствием, мотками проволоки, все облепленные глиной, с небритыми лицами, лошади — точно огромные крысы, вываленные в грязи. Раненых на плотах переправляют через поток и грузят в санитарные машины с тщательно замазанными красными крестами. Над всем этим гремит голос репродуктора пропагандной роты: "Тихая ночь, святая ночь". Время от времени его заглушает грохот орудий и могучее эхо в горах". (*"Заметки с Кавказа"*, 22.XII. 1942).

"Вечером в штаб-квартире праздник Нового года. К сожалению, мое настроение испорчено разговорами, которые стали уже обычными. Генерал Мюллер рассказывал о чудовищно-постыдных делах службы безопасности после взятия Киева. Снова упоминались туннели с ядовитым газом, куда въезжают целые составы с евреями. Все это только слухи, но что убийства действительно совершаются в огромном масштабе, — несомненно. И меня начинает тошнить от мундиров, погон, орденов, от вина, от оружия, от блеска всей этой жизни, которую я так любил... Старая рыцарственность, дававшая власть и силу дворянству еще в войнах Наполеона, еще даже в минувшую мировую войну, — испустила дух. Теперь войну ведут техники. Что ж, человек достиг-таки состояния, о котором давно его предупреждали, которое описал Достоевский в Раскольникове. Теперь он глядит на ближнего, как на вошь, как на нечисть... Вышел на воздух, где вспыхивали разрывы и сияли звезды. Большая Медведица, Орион, Вега, Стожары, пояс Млечного Пути. Вечные знаки и меты..." (*"Заметки с Кавказа"*, 30.XII. 1942).

"Вечером дочитал книгу пророка Малахии и закончил Ветхий Завет. Завтра примусь за апокрифы. Начал также читать "Уединенное" Розанова. Хотя эта книжка, как, впрочем, чтение всех русских, вызывает у меня некоторое отвращение, я тотчас почувствовал, что этот ум если и не возбуждает во мне новые мысли, то по крайней мере приносит облегчение и ответ... Замечательно у Розанова его родство с Ветхим Заветом; например, он вкладывает в слово "семя" в точности ветхозаветный смысл. Это слово, применительно к человеку, как символ его сущности, всегда меня корбило, я испытывал такую же брезгливость, как Хеббель при слове "ребро", которое он выскоблил из своей Библии. Наверное, сказываются привычные табу. Сперматический, семенной характер Ветхого Завета вообще, в противовес пневматичности, духовности Евангелий. Розанов скончался после 1918 года, в монастыре. Говорят, он умер голодной смертью. О революции он заметил, что она потерпит крах, так как более не дает никакой пищи мечтам. Рухнет все ее здание. Есть нечто симпатичное в том, что свои беглые заметки, род плазматического духа или что-то похожее на становление тканевых структур, — он набрасывал на досуге, перебирая коллекцию монет или валяясь на пляже". (*"Второй парижский дневник"*, 16—18.IV. 1943).

"О положении. Все ясней вырисовываются две разных войны: одна на Западе, другая на Востоке. Отсюда и разница в идеологии войска... Лучшее, что Кннеболо¹ может сегодня обещать своему народу, — это то, что война будет длиться до бесконечности... Спал тревожно. Из открытого окна видна аллея цветущих каштанов, и мелькает ангел, одетый в синюю форму письмоносеца". (*"Второй парижский дневник"*, 5.VII. 1943).

¹ Гитлер. — Ред.

"Худший вид разбоя, совершенного Книеболо по отношению к немцам, — то, что он отнял у них правоту, другими словами, лишил немецкий народ возможности быть и чувствовать себя правым перед лицом невзгод, которые посыпались теперь на него и грозят самому его существованию. Однако народ этот сам взвалил на себя вину — ибо восторгался, — это и был тот страшный, обескураживающий добавочный тон, который примешивался к грозам и оргиям народного ликования. Гераклит как в воду смотрел, сказав, что язык демагога острее, чем нож мясника". (*"Второй парижский дневник"*, 4.XI. 1943).

"Тревога, налеты. С высокой крыши "Рафаэля" я видел, как дважды поднялось над Сен-Жермен-де-Пре мощное облако взрыва и на большой высоте уходили эскадрильи. Задача — разбить мосты через Сену. Способ и последовательность операций, парализующих подвоз продовольствия в город, указывают на проницательный ум. При второй атаке, в лучах заката, я поднял бокал бургундского, в котором плавали ягоды клубники. Город со сверкающими на солнце башнями и куполами лежал передо мной во всем своем великолепии, словно цветок, раскрывшийся навстречу смертельному оплодотворению". (*"Второй парижский дневник"*, 27.V. 1944).

"Вчера вечером стало известно о покушении. И без того критическое положение теперь обостряется до крайности. Покушение якобы совершил граф Штауфенберг. Я уже слышал раньше о нем. Если это так, мое мнение, что в поворотные моменты инициативу берет в свои руки древнейшая аристократия, подтверждается. Судя по всему, этот акт повлечет за собой неслыханную расправу. И еще трудней будет носить маску. Сегодня я, например, ввязался в дискуссию с В., который назвал случившееся "неслыханным свинством". При всем том я давно пришел к убеждению, что террористические акты мало что могут изменить, а главное, не принесут ничего хорошего. Я выразил эту мысль еще в "Мраморных скалах"... Звонок генерала Ленинга из Ганновера: дома в Кирхгорсте все спокойно. Почти одновременно я узнал страшную новость о том, что Генрих фон Штюльпнагель вчера по дороге в Берлин пытался застрелиться, но остался жив, лишившись зрения. Это произошло, видимо, в тот самый час, к которому он приглашал меня на обед, чтобы побеседовать на философские темы. Характерно для него, что невзирая на всю суматоху, он нашел время предупредить меня о том, что обед не состоится". (*"Второй парижский дневник"*, 21–22. VII. 1944).

"После изнурительного поста немецкому народу явился Книеболо, возвел его на высокую гору и показал царства мира и власть над ним. Долго уговаривать не пришлось. Немец встал перед искусителем на колени и стал молиться ему". (*Кирхгорст*, 6. X. 1944). ●

ВОСКРЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО

Отдельное издание поэмы "Про это" было иллюстрировано фотографиями. Это были фотомонтажные листы Родченки с различными изображениями Лили Юрьевны Брик, вплоть до ее фотографии в пижаме (не более, но по тем временам не мало).

О причинах такой "раздевалочки" много спорили. Я думаю, что в числе прочих мотивов здесь была необходимость фиксации. Он стремился закрепить отношения с этой женщиной чем-то более вещественным и материальным, нежели собственные стихи. Есть такое чувство, что несмотря на все декларации, где-то далеко в глубине души он воспринимал стихи и вообще слова как нечто непрочное и эфемерное. Фотография же — материальна и несомненна, она настоящий документ и памятник...

И вот, он выставляет свою любовь напоказ, давая читателю — не только множеством строк, где громко названо "имя Лилино", но и прямыми ее фотографиями, — давая читателю желанное право: публично и вслух обсуждать эту женщину, а заодно и его самого, со всей его явной и скрытой жизнью.

Что же это были за отношения? И ведь не только с ней, но и с нами, другом, подчиненным и в то же время начальником, таинственным бакалавром марксистских наук, которого Бог (или Дьявол?) послал Маяковскому в неотлучное приложение к его возлюбленной...

Это Ему, Ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на рояль положить человечьи ноты.

Постепенно привыкаешь к тому, что неправда — всеобщая повинность его биографов, как бы клятва верности его двусмысленной тени. Естественно, что в вопросе об отношениях с Бриками — отношениях действительно запутанных, двусмысленных, не всегда ясных и самим действующим лицам, — все вспоминатели проявляют полное единство и дружно заполняют любые объемы туманом ничего не означающих слов. "Он выбрал себе семью, в которую, как кукушка, залетел сам, однако же не вытясняя и не обездоливая ее обитателей. Наоборот, это чужое, казалось бы, гнездо он охранял и устраивал, как свое собственное устраивал бы, будь он семейст-

венником. Гнездом этим была семья Бриков, с которыми он сдружился и прожил всю свою творческую биографию”.

Так вспоминает Николай Асеев, лучший друг и первый приближенный левовских лет. Деликатное скольжение по паркету, вкрадчивая ходьба в носках и на цыпочках... Но в этом вкрадчивом, бесшумном скольжении Асеев то и дело, помимо желания, наталкивается на реальные обстоятельства и сразу же ставит в тупик читателя.

Что значит ”не вытесняя и не обездоливая”? Значит, мог возникнуть и другой вариант, более подходящий к слову ”кукушка”? И как слова ”прожил творческую биографию” могут относиться к семье и к дому, к чужому или не чужому ”гнезду”? Что же там было на самом деле, с кем он жил ”творческую биографию”, с Лилей Юрьевной или с Осипом Максимовичем? Или же семейные отношения ограничивались для него равным общением с ними обоими?

Не похоже, чтоб это было так.

Если вдруг прокрасться к двери спальной,
перекрестить над вами стеганье одеялово,
Знаю — запахнет шерстью паленной,
И серой издымится мясо дьявола.

Вот какое семейное гнездышко охранял и устраивал, как свое, Маяковский. И в предсмертной записке (к которой мы, конечно же, еще обратимся) он написал: ”Моя семья — Лиля Юрьевна Брик”, а не Лиля Юрьевна и Осип Максимович.

Действительно ли Маяковский нежно и искренне дружил с Осипом Бриком или это были иные отношения, более сложные и запутанные, быть может, более деловые?

По форме этот наш вопрос — риторичен и уже содержит в себе ответ. Однако на деле он решается не так-то просто.

”Дорогой, дорогой Лилик! Милый, милый Осик!.. Целуй его (Осю) очень... Мы с Оськой по возможности ходим вместе и только и делаем, что разговариваем о тебе. (Тема — единственный человек на свете — Киса)”...

В этих письмах, с их кокетливо-детскими интонациями, с дурашливым искажением слов, нежность Маяковского распределяется чуть ли не поровну. Осип Максимович ходит вусмерть зацелованный, причем Маяковский даже указывает, куда. ”Целую Оську в усы.” Или еще лучше: ”Целую Оську в” — а дальше многоточие. И лишь спустя какое-то время догадываешься, что рисунок справа продолжает фразу: что-то вроде губ с чем-то вроде усов...

Только ясные количественные указания дают возможность правильно распределить его любовь. ”Целую 1000 раз тебя и 800 Оську”. Все же Оську на 200 меньше...

Но все эти поцелуи не проясняют картины, а наоборот, еще более затуманивают. Потому что суровую дружбу соперников мы еще как-то можем

себе представить, но нежная любовь любовника к мужу — это уже нечто непредставимое, это выше любых возможностей. Наше бедное воображение в какой-то момент даже делает судорожный рывок в совсем ином, очевидно, ложном направлении, но вовремя возвращается. Не наша вина!

В небольшой книжечке для детей Лиля Юрьевна рассказывает, как в 20-м году они, с Бриком и Маяковским, поселились в огромной пустой квартире и, чтобы не отапливать много комнат, жили втроем в одной, самой маленькой. Я думаю, дети не только старшего, но и, по меньшей мере, среднего возраста не могли, читая, не задаваться вопросом, как же выглядело это тройное житье, ну хотя бы кто где спал, — тем более, что Лиля Юрьевна в своем рассказе акцентирует внимание на ночном времени: как Маяковский встает с постели, открывает дверь, выпускает щенка...

Повторим еще раз, что в подобных вопросах нет бестактности и подглядывания в замочную скважину. Маяковский сделал все возможное, чтобы самые интимные детали его жизни могли обсуждаться как общественные явления, как исторические события, как факты жизни страны. Скромные разговоры о лирическом герое неуместны, когда речь идет о Маяковском. Нет, это не герой поэмы, это сам автор, Владимир Владимирович, а это — его возлюбленная, Лиля Юрьевна, а рядом — муж ее, Осип Максимович. Он всегда рядом, даже если отсутствует...

Злым демоном Маяковского называл его Луначарский. А еще либеральствующий наркомпрос видел в нем средневекового разбойничьего пatera, заранее отпускающего своей лефовской шайке любые, самые страшные грехи... На всех диспутах, где умеренный Луначарский пытался защитить остатки искусства от банды воинствующих графоманов, он ощущал присутствие Осипа Брика, хотя тот был сугубо кабинетным человеком и предпочитал отсиживаться дома. Громы и молнии метал Маяковский, однако во всем, что касалось позиции, направленности, отношения к текущему моменту, Брик, как правило, бывал определяющим. Незаурядность его как идеолога и наставника вполне очевидна. Он был начитан, знал языки, очень точно чувствовал конъюнктуру и очень ловко умел ее использовать.

Главный тезис был — дискредитация искусства и замена его производством. Книгу должна заменить газета, на смену картине идет раскрашенный ситчик. Искусство — опиум для народа, столь же вредная выдумка, как и религия. "Надо ежедневно плевать на алтарь искусства". (Очевидно, что в той самой статье Левидова изложены основные идеи Брика). При этом он сыпал марксистскими цитатами, — эту литературу он знал в совершенстве, по крайней мере, такое производил впечатление.

Его фамилия — Brick, — безусловно, значащая. Он был тем краеугольным кирпичом, на котором держалось здание Лефа и которым при необхо-

димости мозжили головы всем врагам и отступникам. Его влияние на лефовцев было огромным, он умел увлечь каждого в отдельности, сам при этом оставаясь холодным и трезвым. Его раздвоенные водевильные усики невозмутимо возвышались над всеми страстями.

“Целое поколение изломанных людей!” — в ужасе восклицает художница Лавинская, тоже вроде бы жертва идеологии Брика и лефовского образа жизни. Страшную картину всеобщего растрепанности рисует она в рассказе об этом обществе. Все лефовцы, по ее представлениям, делились на жертв и растлителей. Циничный врун и соблазнитель Брик, жестокий, фанатичный иезуит Третьяков, пошлый смердяковствующий Крученых... Ничего святого, никаких принципов, только конъюнктура и текущая выгода. Многие играли двойную игру. После полного распада Лефа в 30-м году, когда все остались у разбитых корыт, хитрый Асеев сказал Лавинской: “Вы, художники, были дураками. Надо было ломать чужое искусство, а не свое...”

Маяковского Лавинская причисляет к жертвам. Так ли это было на самом деле? По-видимому, и так, и не так. Маяковский отчасти слушался Брика, отчасти делал вид, что слушается, и ломал он как раз не свое, а чужое искусство. Его талант, его слава, его авторитет, его, в конце концов, профессионализм, единственный в этой славной компании, — были очевидны всем и внутри Лефа, и, главное, за его пределами, вне стен квартиры в Водопьяном, в Гендриковом. Он слишком хорошо знал себе цену, чтобы дословно выполнять инструкции Брика и даже — чтоб дословно их повторять. Достаточно сравнить его собственные выступления со статьями и высказываниями Брика. Маяковский, при всем громогласии, не то чтобы мягче, но как-то скругленней, гибче. Брик — резок, однозначен, определен, ему-то терять нечего.

“Пушкин не создатель школы, а только ее глава. Не будь Пушкина, “Евгений Онегин” все равно был бы написан. Америка была бы открыта и без Колумба.”

Кто это? Казалось бы, кто угодно, в том числе и Маяковский. Звучит вполне по-нашему, по-лефовски, и нечто подобное повторялось едва ли не на каждой странице журнала. На самом деле именно Маяковский именно так сказать бы не мог. Слишком просто в эту стройную шизофреническую формулу подставляется и его дорогое имя, и заглавие любой из его поэм. Он был достаточно трезв и бдителен, чтобы, активно взаимодействуя с Бриком, гнуть свою персональную линию. Злой демон не столько соблазнял Маяковского, сколько вдохновлял его и питал.

Но Осип Брик был не только теоретиком, он был еще и писателем, сочинителем, и как раз его художественное творчество представляет для нас особый интерес. Разумеется, не в качестве предмета искусства, а в качестве особого документа, способного, например, подтвердить или опровергнуть Лавинскую, а также пролить некоторый свет на отношения Брика с

Маяковским и Лилей Юрьевной. Нет, он пишет не документальную прозу, но, как человек абсолютно и бесповоротно бездарный, переносит впрямую в диалоги своих бумажных героев те "научные" схемы, согласно которым, по его представлениям, должна двигаться живая жизнь и которым он сам в этой жизни следует.

Герой его повести "Не попутчица", коммунист и начальник чего-то тов. Сандрамов влюбляется в прекрасную нэпманшу Велярскую. А его секретарша и жена тов. Бауэр... Впрочем: "Я не жена, тов. Тарк, — говорит она сопернику по партийной лестнице. — У коммунистов нет жен. Есть сожительницы." Так вот, сожительница тов. Сандрамова тов. Бауэр возмущена предательством своего начальника, то есть мужа, то есть сожителя, и призывает его к порядку. А он, в свою очередь, возмущен ее отсталостью в вопросах морали и вынужден объяснять ей элементарные правила коммунистического образа жизни.

"Мы ничем друг с другом не связаны. Мы — коммунисты, не мещане, и никакие брачные драмы у нас, надеюсь, невозможны?"

"...Никакой супружеской верности я от тебя не требую. Но делить тов. Сандрамова с какой-то там буржуазной шлюхой я не намерена."

Так эти граждане и выражаются: "Тов. Бауэр, тов. Сандрамов..."

В дальнейшем муж Велярской, коварный нэпман, толкает ее на знакомство с Сандрамовым, чтобы использовать этого партийного деятеля в своих корыстных нэпманских целях. Велярская полюбливает Сандрамова (тот является к ней под чужой фамилией — жуть как интересно, просто дух захватывает) и хочет от него любви и любви, а он все никак, а вместо того учит ее коммунизму.

"...Если бы я был буржуй, мне было бы наплевать, но я, к сожалению, коммунист."

"Какой вывод?"

"Вывод такой: — либо я должен сделаться буржуем, либо вы должны стать коммунисткой."

Велярская нехотя расстается с Сандрамовым, идет к мужу (у буржуев так и осталось — муж) и просит достать ей "Азбуку коммунизма"...

Что для нас ценно в этой бредятине? Система взглядов и отношений, а также система понятий и слов. Здесь неважно, что Брик осуждает, а что поощряет, а важно, на что он обращает внимание, что фиксирует и как называет. Это ведь не какое-то воображенное пространство, не плод, допустим, творческой фантазии, а школярски буквальный перенос на бумагу его представлений о реальном мире. Это сразу стало ясно большинству читателей, тех, кто знал Брика и кто не знал.

Высокий правительствующий критик писал:

"Между автором и той пошловатой средой, которую он изображает, не чувствуется ни вершка расстояния".

Пошловатой... Слабовато сказано!

Леф (МАФ, Реф — неважно) был одновременно и салоном, и вертепом, и штурмовым отрядом, и коммерческим предприятием.

В этом свете и следует рассматривать наш треугольник. И трудно здесь что-либо утверждать с определенностью, но многое становится допустимым. Например, некоторое соглашение, долговременный деловой союз, смесь подлинной страсти, трезвого расчета и взаимовыгодных обязательств, чтоб "не вытесняя и не обездоливая", то есть чтобы каждый получал свою долю.

Отношение к Брикам, как к эксплуататорам, державшим в доме раба Маяковского, ограничивавшим все его свободные движения и выжимавшим из него все живые соки, — такое отношение абсолютно несправедливо. С точки зрения внешнего наблюдателя оно, быть может, и выглядит так, но внутри — совершенно иначе. Там, внутри их жизни, в Водопьяном, в Гендриковом, он нуждался в дружбе Осипа Максимовича едва ли не так же, как в любви Лили Юрьевны, и скорее не мог существовать без них, чем они без него. Так что соотношение числа поцелуев выбрано им не случайно...

Взгляните на рукопись любого стиха Маяковского: там нет ни одной запятой (мы же знаем, он их ненавидел). Все знаки препинания в его произведениях, начиная с 16-го года, расставлены Бриком. Черновик всякой новой вещи он прежде всего отдавал Брику: "На, Ося, расставь *запятатки*." Казалось бы, невелика работа, но она лишь одно из проявлений того участия, которое принимал Брик в делах Маяковского.¹ Его глаз и его рука присутствуют почти на каждом этапе — от первого обсуждения идеи и замысла до последней редакции и сдачи в печать. Во время работы над поэмой "Ленин" Маяковский едва ли несколько раз раскрыл сочинения Ленина, — все необходимые материалы подобрал для него Брик. Они хорошо дополняли друг друга, и если Брик не умел писать, то Маяковский уж точно не умел читать. На протяжении всех пятнадцати лет их дружбы Маяковский пользовался эрудицией Брика, его умением работать с книгой, его политическим и редакторским нюхом, его, наконец, спокойной уверенностью в верном выборе направлений и неизменным чувством своей правоты. И уж если говорить об эксплуатации, то скорее Маяковский его эксплуатировал, нежели он Маяковского. Отдадим должное Осипу Максимовичу: он ведь никогда не претендовал на соавторство, даже там, где имел на это полное право (например, в сценарии "Москва горит"), и слава безутешной вдовой плелась не за ним...

¹ Кстати, есть серьезное подозрение, что строй "лесенкой" был им придуман специально для замены традиционной системы пунктуации, которой он так и не выучился. При наличии знаков, расставленных Бриком, эта система становится не только не нужной, но и лишней, мешающей чтению. В стихе Маяковского, построенном "в лесенку", взгляд, ведомый внутренней ритмикой, спотыкается почти на каждой ступеньке, стремится перепрыгнуть через две, через три, сгладить их выступы, а лучше вообще — забыть об их существовании. А ведь он ввел это новшество в 23-м году, когда *запятатки* уже давно и вовсю расставлялись! В чем тут дело? Не в том ли, что именно в это время, в период написания поэмы "Про это", возникла возможность остаться без дружбы Брика, а следовательно, и без запятаток, один на один со своим обнаженным текстом?..

Можно, конечно, сказать (и говорят), что как раз в этом — в участии и влиянии Брика — вся беда и трагедия Маяковского. Что не будь Брика, он бы не скурвился, не стал писать агиток и лозунгов, а остался бы чистым лириком. В этих спекуляциях столько же смысла (да и вкладывают в них подчас тот же самый смысл), как в утверждении, что в России не было б Революции, если бы не влияние инородцев. Не будь Троцкого, Зиновьева и, допустим, Дзержинского — мирно бы трудился русский народ, совершенствуя систему либеральной демократии под отеческим взором царя-батюшки и святой православной церкви. Не будь Осипа Максимовича Брика — прошел бы Маяковский мимо революции, не бросился бы в железные ее объятия, а сидел бы где-нибудь в стороне, пил бы водку с Есениным, вино — с Мандельштамом и писал об одиночестве и любви...

Здесь из многих очевидных возражений существенней всех одно: весь послеоктябрьский Брик-Маяковский уже содержится в раннем Бурлюк-Маяковском. Но об этом мы уже говорили, не стоит снова...

Нет, не только любовь к Лиле Юрьевне вынуждала Маяковского дружить с Осипом Бриком. Он сам выбрал себе друга-наставника по своим наклонностям и разумению. Злой демон? Что ж, это возможно. Но нельзя его представить вообще без наставника, как немыслимо увидеть в этом качестве доброго ангела...

Как бы то ни было, что бы ни значило, Брики были единственной семьей Маяковского, со всем тем, что бывает в семейной жизни: ласками и ссорами, дружбой и враждой, любовью и ненавистью.

Что же касается интимной стороны вопроса (наконец-то мы до нее добрались!), то кто, кроме одного из троих, мог бы внести необходимую ясность? Все прочие окружавшие Маяковского люди, даже самые-самые близкие, — терялись в догадках. Например, Вероника Полонская пишет:

”Я никак не могла понять семейной ситуации Бриков и Маяковского. Они жили вместе такой дружной семьей, и мне было неясно, кто же из них является мужем Лили Юрьевны. Вначале, бывая у Бриков, я из-за этого чувствовала себя очень неловко.”

Читатель воспоминаний разделит эти чувства Полонской и так и останется в недоумении и неловкости (кто же является?..), если только ему не повезет, как мне, и в его руки не попадет экземпляр рукописи с краткими пометками на полях, сделанными рукой самой Лили Юрьевны:

”Физически О. М. не был моим мужем с 1916 г., а В. В. — с 1925 г.”

Поверим ей, это похоже на правду, да и больше нам никто ничего не открывает.

Существует устный рассказ Лили Юрьевны (быть может, впрочем, и записанный ею) как раз об этом 16-м годе: о какой-то веселой компании, не-

вольной измене, слезах раскаяния — и о ровном, спокойном, ласковом голосе Брика. Этот голос, лишенный эмоциональных крайностей, мог найти место любой неуместности и любую катастрофу умел представить как нормальный этап большого пути. С этого этапа и начался их путь, основанный на взаимном уважении, а также на полной сексуальной свободе (в которой, впрочем, по всей видимости, нуждалась только одна сторона). Вспомним: "Что делать?" — их любимая книга...

Так что, надо думать, ревность Маяковского была лишь вначале направлена на Брика, что и отразилось во "Флейте-позвоночнике". Да и там, по-видимому, "настоящий муж" — уже не совсем настоящий. Это скорее объект литературной игры, обобщенная точка приложения ревности. Маяковский не мог бы так долго, нежно и ровно дружить с соперником.

Осип Брик был при Лиле Юрьевне чем-то вроде старшей подруги, товарки, всегда умиленной и снисходительной. Видимо, такой уж он был человек, что его устраивала эта роль, временами сильно отдававшая сводничеством и чем-то еще, столь же сомнительным. Разве стали бы всякие нужные люди, в том числе и высокие грозные гости, регулярно съезжаться на чай к одинокому Осипу?

Между тем, гости съезжались. Лиля Брик — переменчивая, умная, жгучая, естественная, как всякий избалованный ребенок, во всех своих капризах и порывах — была бесспорным центром внимания. Это место — центра — ревниво оберегалось и ее близкими, и ею самой. На свет ее глаз, "горячих до гари", мужчины тянулись, как мотыльки, и кто знает, какую роль в ее выборе играли советы подружки-Осика?

По-видимому, после нескольких лет любви Маяковскому отводилась сходная роль, и он с этой ролью тоже смирился, но, в отличие от Брика, без всякой готовности, далеко не сразу и не мирным путем.

В конце декабря 22-го года, вскоре после возвращения из Берлина, возникает странный разрыв-перерыв в его отношениях с Бриками. Два долгих месяца он с и д и т н а Л у б я н к е (куда деться от двусмысленности этого адреса и всякой фразы, его включающей?) под строгим домашним арестом. Выходит только за папиросами, не звонит по телефону, ни с кем не видится, сидит, распухший от детских слез, пишет Лиле горестные открытки — и пишет большую поэму...

Что случилось? А вот, сейчас узнаем. Друг Асеев нам, верно, расскажет.

"На пороге 23-го года между Маяковским и *ближайшими окружающими его людьми* (так в носках и на цыпочках именуются Брики. — Ю. К.) была серьезная принципиальная размолвка. Дело в том, что революционные годы, круто оборвав все бытовые установки... вновь и наголо вопросы личного устройства... передовая естественность... волны Нэпа..."

И так далее, и так далее, вы не поверите — с е м ь с т р а н и ц с цитатами из разных классиков, вплоть до заметок Крупской о Ленине. И наконец, на восьмой странице:

"По взаимному уговору Маяковский расстался с *самым близким ему человеком* (как же все-таки, с ч е л о в е к о м или с л ю д ь м и?) на определенный, обоими обусловленный срок — два месяца, для того, чтобы пересмотреть свой внутренний багаж... так как "так жить" становилось невыносимо (кавычки Асеева. — Ю. К.)."

Итак, "серьезная принципиальная размолвка" произошла из-за выеденного яйца, но — "по взаимному уговору". А теперь пусть выскажется Лилия Юрьевна, предоставим ей слово.

"Личные мотивы, без деталей, коротко, были такие: жилось хорошо, привыкли друг к другу, к тому, что обуты, одеты и живем в тепле, едим вкусно и вовремя, пьем много чая с вареньем. Установился "старенький, старенький бытик". Вдруг мы испугались этого и решили насильственно разбить "позорное благоразумие". Маяковский приговорил себя к 2-м месяцам одиночного заключения... В эти два месяца он решил проверить себя."

Отметим, как тонко выбраны детали комфорта, такие трогательно-безобидные, особенно это варенье...

Здесь все выглядит немного иначе, не так ли?

Маяковский с а м себя приговорил, с а м себя оставил без сладкого. И решил проверить. Но только в чем же? Сможет ли не пить чая с вареньем, есть не вовремя и не вкусно? Или, может, и они в эти два месяца не пили, не ели и жили в холоде? Разумеется, ничего подобного не было. Принимали гостей, веселились и пили не только чай.

Выходит, быта испугались все трое, а сослали на Лубянку одного Маяковского, продолжая жить-поживать по-прежнему, а быть может, даже еще веселее — без громоздкого, назойливого и мрачного Володи.

А как же "позорное благоразумие"?

Все это ерунда и неправда.

Ясно, что была обида, ссора, было выяснение отношений, а потом Маяковского убедили, что это он один во всем виноват и должен один понести наказание, а заодно и посидеть не торопясь, подумать, как будет вести себя дальше. В том, что не было "взаимного уговора", что стороны были неравноправны, что имелась в виду какая-то в и н а Маяковского, его п р е с т у п л е н и е перед Лилей Юрьевной, неважно, подлинное или мнимое, — в этом нет никаких сомнений. Это ясно высказано и в поэме, и в письме его, написанном в те самые дни.

"Я не грожу, не вымогаю прощения..." И там же: "Я вижу, ты решила твердо..." О н а решила — как же иначе. Хотя, уж верно, не без совета Брика. И дальше — кое-что о причинах: "Я знаю, что *мое приставание* к тебе для тебя боль."

Вот!

Известен и еще один рассказ Лили Юрьевны о том, как Маяковский, вернувшись из Берлина, выступая перед широкой аудиторией, пересказывал

вал берлинские впечатления Брика, выдавая их за свои. Своих же впечатлений никаких не имел, поскольку все дни и ночи в Берлине просидел за картами. Его недостойное поведение глубоко возмутило Лилию Юрьевну и будто бы послужило непосредственным поводом для ссоры, или, если угодно, размолвки.

Это уже больше похоже на правду, это не чай с вареньем. Но даже если повод был именно этот, причина все же в другом. Причина была — его *п р и с т а в а н и е*, его требование верности и постоянства, то есть тех самых мещанских добродетелей, от которых, по всем исходным установкам, он должен был бежать, как черт от ладана. Легко болтать о мещанстве для массы, каково-то отказывать самому!

Он никак не хотел становиться бриком, сколько его ни ставили. Он требовал для себя особой роли и особой доли.

И давайте сами не будем ничего сочинять, давайте обратимся к последнему свидетельству, самому правдивому из всего, что мы здесь прочитали. Не беда, что это произведение — художественное, оно художественное, но не очень, не настолько, чтоб нельзя было ничего понять. Здесь вымысел сводится к перемене полов и замене возможных обстоятельств невозможными, а так, в основном, — все очень узнаваемо... Я, конечно, имею в виду бессмертную повесть Брика, написанную, как и поэма Маяковского, как раз в то самое время, по свежим следам.

"Ты разговариваешь со мной, как с девчонкой, которая *до смерти надоела*. Если я тебе не нужна — скажи. Сделай одолжение. Уйду и не заплачу. *А вола вертеть нечего*".

"Тов. Бауэр, не думаю, чтобы такие скандалы соответствовали правилам коммунистической морали. Я предлагаю временно прервать нашу связь. Надеюсь, вы не возражаете? — Идите."

Вот и все. Что тут можно добавить? Разве только то, что "*вола вертеть*" — излюбленное выражение Маяковского...

И однако же, не следует пренебрегать оговоркой Асеева. Если видеть на том, другом берегу не одну Лилию Юрьевну, но обоих Бриков (что справедливо хотя бы географически), то исправительно-трудовая отсидка Маяковского приобретает более широкий смысл. Начинался Леф — и журнал, и группа, — предприятие хлопотное и сложное. Надо было слегка придавить Маяковского, добиться большего послушания, чтоб оградить серьезное важное дело от случайностей, связанных с его импульсивностью и чрезмерно разросшимся самомнением. Он слишком часто забывал о накачках Брика и, как тот выражался, "*нес отсебятину*".

28-е декабря — 28-е февраля. Срок был соблюден с нечеловеческой точностью, вплоть до часов и минут...

Нет, все же было что-то жутковатое в этом странном тройном союзе. Пахло, пахло и серой, и шерстью паленной...

И странную поэму написал Маяковский за эти два месяца ссылки в уединение. Казалось бы, она действительно "про это", а вчитаешься — все-таки больше про другое. Недаром ее тема впрямую не названа. "Про что, про это?" — спрашивает автор и слово "любовь", подсказанное рифмой, зачем-то заменяет многоточием. Не затем ли, чтоб допустить возможность и другого, нерифмованного ответа?

Если отбросить всю научную фантастику, все картины аллегорических превращений, как всегда, искусно и многословно реализующие каждый речевой оборот, то останется несколько ярких и крепких кусков, где выражены те же основные мотивы, что и в дооктябрьских стихах и поэмах: обида, ревность и ненависть.

Ревность и ненависть. Но к кому? Нет более уклончивого произведения, чем эта, самая конкретная поэма, изобилующая деталями повседневности и иллюстрированная фотографиями. Традиционная маяковская ненависть, доведенная здесь до предельной черты, до максимальной количественной концентрации, изливается куда-то в абстракцию, в ничто.

Но дыханием моим,
сердцебиеньем,
голосом,
каждым острием издыбленного в ужас волоса,
дырами ноздрей, гвоздями глаз,
зубом, искрещенным в звериный лязг,
ежью кожи,
гнева брови сборами,
триллионом пор,
дословно — всеми порами,
в осень,
в зиму,
в весну,
в лето,
в день,
в сон
не приемлю,
ненавижу это
все.

По-разному выражал свою ненависть Маяковский, бывало по душе, а бывало по службе, не всегда эти чувства сливались в одно. Но здесь не может быть никаких сомнений, здесь такая напряженность, здесь искренне, по душе, как никогда — не приемлет и ненавидит. Только что же именно?

Казалось бы, самое время **н а з в а т ь** и вложить в эти последние несколько слов последний и главный заряд, смертельную дозу... Но тут он как бы опоминается, останавливается, приходит в себя и заканчивает вяло и разрыхленно, отделяясь незначашими, общими словами.

Все,
что в нас
ушедшим рабьим вбито,
все, что мелочиным роем

оседало
и осело бытом
даже в нашем
краснофлагом строе.

Обыденщина, мелочинный рой, сердце раздиравшие мелочи... В поэме, однако, этот повтор столь настойчив, что не может не настораживать. Неужели все-таки чай с вареньем?

Чай не чай, но ясно, что ответ, адресат должен совпадать с повседневным бытом и может быть найден только там, где этот повседневный быт располагался, — не на невском мосту, не в придуманном нэповском доме, а в квартире Бриков, на четвертом этаже, несколькими страницами выше.

Там есть главка, где имеется все необходимое для полноценной, добротной ненависти. Называется эта главка — "Д р у з ь я".

Рита Райт рассказывает, что встретила Маяковского в те самые дни на той самой лестнице. Думала, он заходил к Брикам, оказалось — нет, не заходил, лишь стоял и слушал.

А вороны-гости?!
Дверье крыло
раз сто по бокам коридора исхлопано.
Горлань горланья, оранья орло
ко мне доплеталось пьяное допьяна.

Пьяное допьяна. Пить чай перестали и, наказав себя, перешли на шампанское. Новый, суровый и какой там еще, ну в общем, коммунистический быт...

Даже здесь, едва назвав предмет своей ненависти, он тут же отступает, кидается в сторону и торопливо размывает изображение, превращая его все в тот же туманный эвфемизм:

Я день, я год обыденщине предал...

Но уже понятно, что обыденщина, квартирошный дымок и ненавистный быт — это не просто вкусная еда и теплая ванна, против которых он, честно говоря, ничего не имеет. Повседневное окружение его любимой, вороны-гости, друзья-соперники — вот главное препятствие на пути его любви. Это и названо всеми нехорошими словами, принятыми в то время к употреблению. И самое страшное, корень трагедии — в том, что ведь и сама любимая — неотъемлемая часть всего э т о г о, и если он ни в чем ее не обвиняет, то только оттого, что любит.

Скажу: — Смотри,
даже здесь, дорогая,
стихами грома обыденщины жуть,
имя любимое оберегая,
тебя
в проклятиях моих
обжожу.

Трагична, безвыходна любовь Маяковского, неустранимо препятствие на ее пути, по крайней мере, в этой, сегодняшней жизни. Но поэме Маяковского в 23-м году дозарезу необходим оптимистический выход, без него она состояться не может. И Маяковский такой выход находит, убивая себя и воскрешая в будущем, в далеком и замечательном тридцатом веке. Там он, может быть, снова встретит свою любимую. "Нынче недолюбленное на-верстаем..." А препятствие? А не будет никакого препятствия. Его, препятствие, не воскресят.

Чтоб не было любви — служанки
замужеств, похоти, хлебов...

Все, по сути, сказано достаточно ясно. Убийство соперника (или соперников; по всей видимости, они сменялись достаточно часто) заменяется не в о с к р е с ш е н и е м. Результат, в конце концов, тот же самый, но зато — никакой уголовной ответственности, ни в житейском, ни в поэтическом смысле.

"С тех пор, как все мужчины умерли..." Эта строчка оплеванного им Северянина остается для него такой же заманчивой и в тридцать лет с той же силой стучит в его сердце, как стучала в двадцать...

Он нравился женщинам гораздо меньше, чем его менее приметные друзья, и в сто раз меньше, чем ему бы хотелось.

Надо думать, все у него в жизни было, и поклонницы, и почти постоянные романы, до и после, да и одновременно с Лилей, — но как далеко это было от того, к чему он стремился! Он хотел всеобщего обожания, убийства наповал с первого взгляда, с одного каламбура. Он ведь был пленником больших чисел. Миллион любовей, миллион миллионов любят. Между тем, его пугались и с ним скучали. Вне стихов и карт его как бы и вовсе не было. И в зрелые годы, как в годы юности, земля-женщина оставалась спокойной и не ерзала мясами, хотя отдаться.¹

По-видимому, все же он явился причиной одной-двух серьезных любовных трагедий, но и это его мало устроило.

¹ Здесь всплывает уж совсем интимный вопрос, который, в силу его сугубой интимности, я сношу вниз, глубоко в подвал и излагаю мельчайшим шрифтом. Обойти же его никак не могу, потому что он на устах у многих, а неверный ответ, уже как бы заранее в нем заключенный, искажает всю картину жизни и особенно смерти Маяковского. Я, конечно, имею в виду вопрос о мужской полноценности. Его происхождение вполне понятно: единственная (и единственно известная всем) настоящая привязанность; очевидные неудачи с другими (факт которых, опять же, известен всем, а в чем дело — мало кому известно); наконец, патологическая странность всего его облика, ощущаемая сознательно, или подсознательно в каждый момент времени. Я должен разочаровать читателя. Есть все основания полагать, что по крайней мере к 15-му году, то есть ко времени встречи с Бриками, с этой стороны все было, в общем, в порядке. Подростковые комплексы были при нем, никуда не делись, но в зрелые годы, как и полагается комплексам, выражались не столь прямым образом, сложнее и разветвленней.

Он вообще многим причинял боль, но хотел он, прежде всего, не этого: хотел о б л а д а т ь. Обычно, по крайней мере вначале, он вел себя как истинный рыцарь: говорил комплименты, подносил цветы — то была утонченная форма обладания, возвышавшая предмет и поднимавшая цену. В то же время ни одна из его главных любвей: ни Лиля Брик, ни Татьяна Яковлева, ни Вероника Полонская — никогда ни принадлежали ему безраздельно. В этом, прежде всего, заключался трагизм его жизни.

После "разлада" 23-го года было еще купе на двоих в международном ночном вагоне, ленинградская гостиница, московские чтения поэмы и, наконец, совместная поездка в Ялту. Но что-то сдвинулось необратимо, и уже в середине 24-го он объявляет, что "любви пришел каюк". Отныне, или, скажем, с начала 25-го, Лиле Юрьевне лучше знать, тройственный союз Ося-Лили-Володя приобретает, наконец, успокаивающую симметрию. Треугольник становится равнобедренным. Впрочем, какую ни взять фигуру, Лиле Юрьевна окажется на главной вершине. До самого последнего дня его жизни она была для Маяковского женщиной номер один, предметом безоговорочного восхищения и неустанного поклонения. Об этом знали решительно все, в том числе и те немногие женщины, которым судьба его была не безразлична. И это тоже не способствовало их решимости... Но и она зорко берегла свое первенство и, легко относясь к его увлечениям, не терпела и намека на нечто всерьез глубокое, на чье-либо владение его душой и, самое главное, — его стихами. Вообще в тайных своих отношениях он мог быть свободен и с кем угодно, но на людях, публично, печатно — не смел ей никогда изменять. Публичное чтение им стихов, посвященных Татьяне Яковлевой (неважно кому, важно — не ей!), навсегда осталось в ее глазах самой страшной его изменой.

Говорят, его гибель была воспринята Лилей Юрьевной с искренним удивлением и огорчением, но без трагизма. После похорон у Бриков пили чай, шутили, говорили о разных разностях...

Вскоре она вышла замуж за Примакова, большого командира и немного литератора, и признавалась, что абсолютно счастлива с ним. А после того как его расстреляли, — за Василия Абгаровича Катаняна, писавшего о Маяковском солидные толстые книги.

И повсюду, до самой своей смерти в 45-м году, Осип Брик, тоже в конце концов на ком-то женившийся, был вблизи нее, опекал, поддерживал, объяснял ей задним числом все ее поступки.¹ Странная эта связь между ними продолжалась до самого его конца, и конец этот был воспринят Лилей Юрьевной как первое подлинное несчастье. Она говорила своей знакомой: "Когда умер Володя, когда умер Примаков — это умерли они, а со смертью Оси умерла я."

¹ Писал он все эти годы не много, но всегда на двести пятьдесят процентов соответствуя текущей политике. Самое крупное его произведение — народная драма "Иван Грозный", 42-й год. Эта вещь написана стихами и песнями, то есть с ремарками "поет, запекает". Там есть все, что было

Однако она прожила еще целую жизнь, больше тридцати лет, и умерла восьмидесятишестилетней... Нет, не старухой. Она умерла восьмидесятишестилетней же н щ и н о й, покончив с собой из-за несчастной любви...

Я решаюсь уделить этой замечательной женщине еще пару кратких страничек — поверьте, она этого стоит.

Лиля Юрьевна была умным и тонким человеком и, не в пример Осипу Брику, человеком, одаренным в слове. Ее немногочисленные воспоминания написаны хорошим русским языком, просто, точно и даже порой остроумно. Но главное в ней, конечно, не это, главное — дар быть женщиной. Не только в бурные лефовские годы, но и в старости, и почти до самой смерти она была окружена мужчинами, и не просто собеседниками, но — обожателями. Только роскошь и богатство могли поспорить с постоянством этого окружения и этой переменчивой страсти. Богата она была чрезвычайно, и наследство Маяковского здесь было лишь одним из источников. Людовик Арагон и сестра "Триолешка" (так называла ее Ахматова) проявляли пролетарскую солидарность и помогали родственнице, чем могли. А они могли. Впрочем, ее заграничные связи были обширны и многосторонни, так что пролетарскую солидарность проявляли многие, от директоров издательств до владельцев галантерейных фирм. Ее дом был собранием различных коллекций: фарфоровые масленки, расписные подносы, начиная с четырнадцатого века, драгоценные кольца и серьги...

На этой эстетской, почти бескорыстной, любви к драгоценностям, на умении увидеть прекрасную вещь и безошибочно оценить ее стоимость — и сошлись они в последние годы с предметом ее последней страсти. Это был известный кинорежиссер, человек оригинальный и одаренный. Он искренне восхищался удивительной женщиной, он попросту был от нее в восторге, но, конечно, полной взаимностью ей отвечать не мог, тем более что к этому времени женщины — не только старые, но и молодые — вообще перестали его интересовать... За это его арестовали и судили, и четыре года его жизни в лагере были сказочными в жизни лагерного начальства. Их бы можно было назвать "французским периодом". Коньяк, духи, шоколад — все шло прямиком из Парижа, лишь на краткий миг задерживаясь в Москве.

Наконец, его досрочно выпустили. Он приехал из своего родного города — повидать и выразить благодарность. Лили Юрьевна хорошо подготовилась к встрече. Прославленной фирме со звучным названием были заказаны семь уникальных платьев — очевидно, на каждый день недели. Их стоимость оценивалась кошмарными цифрами, для русского человека непроизноси-

→ необходимо читателю в тот момент и даже еще долго после: справедливый, строгий, но мудрый царь; его верные соратники, неверные друзья; изменники, вредители, пацифисты, космополиты; а сверх того — народная преданность, девичья стать, молодецкая удаль, хороводы, хоры, лихие пляски и лирические серенады с разнообразными рифмами:

Краше нет ее на свете.
Вот идет. Пришла.
Ну, спасибо, добрый ветер,
спать тебе пора...

мыми. Она успела надеть только шесть — на седьмой день он уехал, почти бежал. Для нее это явилось страшным ударом, тем более, что последнее платье было главным, имело какой-то невиданный покррой и надевалось прямо на голое тело. Ей шел в то время восемьдесят шестой год...

Что-то в ней надломилось после этой истории — сначала в душе, а потом в теле. На лестничной площадке, почти дома, на ровном месте — она упала и сломала шейку бедра. Вообще говоря, в таком возрасте эта травма неизлечима и, по большей части, смертельна. Однако ее друзья убеждены и сейчас, что она — поправилась бы и выжила, если... если бы не любовь. Каждый день она ждала, что он придет. Он писал красивые сочувственные письма, и когда ей стало ясно, что надеяться не на что, — она собрала таблетки снотворного и проглотила их все, сколько нашла.

Я думаю, теперь, после этой краткой новеллы, нам уже не нужно специальных эпитетов, чтоб почувствовать незаурядность этой женщины и понять, как мог наш герой такое долгое время находиться под неусыпным ее обаянием, в ее почти безраздельной власти.

В 16-м году ей было двадцать пять, а шестьдесят лет меньше, чем в семьдесят шестом. Представим себе, как, двигаясь обратно по времени, угрожающе растет ее женская сила.

Посвященные ей "Флейта-позвоночник" и особенно "Лиличка! Вместо письма" — это, пожалуй, самое подлинное из всего написанного Маяковским. Ни преданность своим, ни ненависть к чужим, ни даже обида на всех и вся никогда ни были им столь талантливо выражены. Только здесь, в изъяснении этой любви, он порой проникает оболочку слов и прикасается к самому настоящему. Да, и это всего лишь фрагменты, и это всего лишь несколько строк, но и это тоже не мало, подите попробуйте...

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть,
изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.

Поразительна эта точная человеческая интонация — среди фигур и рассудочных построений. Конечно, крученыховский ад и сердце в железе про-

глатываются не без некоторой заминки, это неизбежное у Маяковского протезирование там, где не хватает собственного органа, но зато две последних строки безукоризненны, и он сам это очень и очень почувствовал, и даже не решился дробить их на две части.

И дальше:

Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.

Здесь тоже все на удивление по-человечески, и даже "иссечась" не режет слуха, потому что отчаянье — настоящее.

На этом, собственно, стих и кончается, дальше — привычные декорации, какие-то истории и примеры, какой-то слон, какой-то бык, вперемежку с романсовыми красотами ("суетных дней взметенный карнавал..."), и только заключительная строфа возвращает нас к простоте и правде чувства.

Слов моих
сухие листья ли
заставят остановиться, жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

Лиля Юрьевна любила фотографироваться. Есть одна примечательная фотография последних лет и даже, быть может, месяцев. Цветная, но кажется черно-белой и только подкрашенной красным. Потому что никаких иных цветов нет на ней, только красный и черный. Она сидит в красноватом кресле, одетая во что-то бордово-черное. На заднем плане — шкаф-секретер темного красновато-коричневого цвета, и в нем, среди черных и серых корешков, выделяются несколько красных томов Маяковского. Прислоняясь к ним, отчасти их за слоняя, стоит черно-белый портрет последней ее любви. Это очень живописный восточный человек с седоватой большой бородой и живыми глазами. Глаза Лили Юрьевны затенены, погружены в глубокие черные глазницы на красноватом, с черными впадинами, лице. Она причесана гладко, с открытым лбом, и, что самое страшное, — очень похожа на ту далекую, тридцатилетнюю, с композиций Родченки. Только нет плоти в ее лице, и череп туго обтянут кожей, и во всем ее облике та значительность, какую несут в себе мертвецы. Наш взгляд, погруженный в эту картину, введенный в зловещую черно-красную комнату, постоянно занят сопоставлением. Два лица: живое — там, на портрете, и мертвое — в кресле, на

Верхний ряд слева направо: В.Маяковский, О.Брик, Б.Пастернак. Нижний ряд: Э.Триоле, Л.Брик переднем плане. Старуха, не сумевшая, не захотевшая состариться, перешедшая при жизни в посмертное существование...

Ямами двух могил вырылись в лице твоём глаза.

И когда мы вспоминаем, наконец, Маяковского, нам приходит в голову любопытная мысль: о глубоком родстве его с этой женщиной, выявленном полувековой дистанцией. Все различия, такие, казалось бы, резкие, не существенны перед лицом бездны, зато сходство обнаруживается решающее. И не столько в обстоятельствах смерти, где оно очевидно, и как раз поэтому может быть оспорено: неудачная любовь, неотвязная болезнь, в конце концов сам факт самоубийства, — сколько в чертах мировосприятия, в отношении к смерти и старости. ●

МОСКВИЧ В МАРОККО

Из записной книжки геолога

Апельсины в Марокко дешевы. Как и многое другое. Например, ослы. На них не жнут и не пашут, но они тянут на своих спинах добрую долю сельского хозяйства страны. Тянут, не упираются, только качают грустными головами. В России их почти нет.

(Это неправда, есть, и мн-о-о-го, но не таких. Во всяком случае не таких трудолюбивых.)

В деревнях в базарный день организуется паркинг для ослов. Сотни и сотни ожидают в загоне своих владельцев. Рев стоит неопиcуемый. Я поинтересовался, как хозяева отыскивают своих ослов. Оказывается, все наоборот: это ослы сами подходят к своим хозяевам. По-видимому, распознать их в толпе людей для ослов труда не составляет.

И машин здесь много. У них не такой аккуратный вид, как в Европе, они либо обшарпанные — либо до неприличия роскошные. Но и для тех, и для других здесь понастроили очень хорошие дороги, и даже в глубинке покачаться на ухабах не часто удается.

Это замечание — неспроста. Я здесь работаю инженером-геологом в кооперации и много разъезжаю.

Кооперация — это некая форма сотрудничества европейских стран с Третьим миром, выражающаяся в посылке преподавателей, инженеров, техников в развивающиеся страны. Платят им два правительства сразу. Можно рассматривать кооперацию как помощь индустриальных стран аграрным, можно — как благородную форму колониализма, все зависит от точки зрения. С психологической — для европейских интеллигентов это что-то вроде Иностранного легиона. "Если у вас проблемы" (не найду корректного перевода этого выражения), то можно записаться в кооперацию. Мое положение представляется чем-то похожим на занятия иностранного спеца на строительстве Днепротэса. Отсюда и поверхностный характер моих наблюдений. Но ведь мое дело изучать не жизнь народа, а геологическое строение территории. На том и стою.

Здесь не жизнь, а сплошная экзотика. Просто плюнуть некуда: попадешь либо в пальму, либо в верблюда, либо во что-то столь же удивительное. То есть не в неведомое и таинственное, а напротив, хорошо знакомое — но по книгам, картинам, фотографиям. И настолько знакомое, что порой кажется, что все это когда-то не только видел, но и пережил.

И первое, что бросается в глаза — очень яркое, "контрастное" сочетание "старого и нового", столь популярное в советской фотожурналистике. Верблюд и 12-тонные шведские грузовики, ослы и роскошные лимузины, старинные замки и современная архитектура — все соседствует на каждом шагу. Но пресса эту жилу почти не эксплуатирует, ограничиваясь архитектурой, а верблюдов как-то стесняется.

В городах — около гостиниц и бензозаправочных колонок — мальчишки просят: "Месье, один дирам!" — совсем как в Мурманске в войну они окружали американских моряков: "Дяденька, дай чуингам!"

Иногда и в деревне подойдет старик с сумой и посохом, посмотрит внимательным, почти сочувственным взглядом, скажет что-то, возьмет протянутую монетку и пойдет дальше — прямой, спокойный, чуть отрешенный.

(Где, когда это было? Он не похож ни на зареванных баб-погорелиц на сибирских вокзалах, ни на профессиональных попрошайек подмосковных электричек, ни на инвалидов послевоенных лет. Нет, это из другой жизни.

— Il a de la race, cet homme. Donnez-lui d'argent. — Л.Толстой, "Отец Сергей".)

*

По утрам слышно пение муэдзинов. Порой оно доносится с трех сторон, с разных мечетей: на каждой установлен громкоговоритель. Поначалу это раздражает, но потом привыкаешь и даже скучаешь без них. Пели они и сто, и пятьсот лет назад, авось и дальше будут петь. Как "далекий благовест заутреннего звона..."

Если я не в командировке, то по утрам отправляюсь на службу. Из окна моего кабинета видно, как к институту подъезжает начальство. "Завотделом" оставляет свою машину у главного подъезда. Через некоторое время выходит шофер и отгоняет ее на стоянку — чтобы вечером снова подогнать к подъезду. Это зрелище глубоко шокирует всех европейцев-кооперантов.

*

Куда бы я ни приехал, я должен представиться местному "паше" или "калифу": я иностранец, а страна уже который год ведет войну в Сахаре. В приемной паши — просители-крестьяне, совсем как на какой-нибудь картине передвижников. Дежурный солдатик проводит меня сквозь толпу, я обмениваюсь любезностями с молодым человеком, сидящим под портретом Его Величества короля Хасана II, — и снова солдатик провожает меня, отдает честь и говорит: — "Слама". (По-нашему, по-русски — салют. В романских языках это означает примерно: — "спаси, Господи!" Но в русском смысл выражения как-то стерся.) Если пренебречь таким визитом, то ровным счетом ничего не произойдет. Пробовал неоднократно. Ни разу никакому контролю не подвергался.

*

Здесьние экспедиционные шоферы на отечественных не похожи: за редким исключением не пьют, не разбираются в механике и не умеют ездить по проселку. При этом считают нормальным, что геологи оплачивают их кормежку, но готовы угождать и быть чем-то вроде прислуги за все. Если напомнить им о долге за еду, услышишь в ответ что-то уклончивое и даже недоуменное. (Дай Бог память, где, когда я с этим сталкивался? Ах, да, Платон Каратаев и "les restes", которые у него просил француз.)

*

Иду с молодым марокканским коллегой по улице недалеко от центра Рабата. Играющие на тротуаре девочки хихикают нам вслед.

— Это по поводу твоих джинсов. Они говорят, что ты, наверное, не менял их со времен войны. Видишь, как с самого раннего возраста детям прививается классово-буржуазная форма сознания.

*

Как-то в субботу на велосипеде отправился на поиски кусочка пляжа поближе к городу. Это непросто, берег в Рабате сложен из рифовых известняков. Прогулка позво-

лила мне осмотреть невидимый с приморского шоссе бидонвиль. Что за бидонвиль? Лачуги и лачуги, из брезента и жести, а ведь холодов в Марокко не бывает. Волны прилива слизывают отбросы. Плотность населения меньше, чем в иных коммунальных квартирах, не говоря уж о рабочих общежитиях где-нибудь в Орехово-Зуеве. Не в силах расстаться с деревенским бытом, кто-то из обитателей привез с собой курицу, другой — козу, третий — корову. Время от времени, раз в год-два правительство принимает меры: то сносит лачуги бульдозерами, то рассовывает обитателей по отстроенным наслех "хрущобам". Что поделаешь — урбанизация...

*

Июнь месяц — рамадан. Помимо прочего это означает смещение человеческой активности к вечеру: днем мусульманам нельзя пить, есть, курить. Но с заходом солнца начинается всеобщий праздник. Где бы вы ни оказались, тарелка супа или кус-кус (эквивалент плова) вам обеспечены: либо пригласят, либо принесут. Зато днем на улице зажженная сигарета может вызвать самые резкие замечания. На службе все клюют носами, а купить утром молоко можно лишь в центре города в европейском квартале.

Со стороны глядя, этот праздник выражается в первую очередь запретами и ограничениями. Боюсь, что не только со стороны. Неприязненное отношение к тем, кто эти запреты нарушает, — свидетельство того, что что-то в вере этих людей уступило место выхолощенной обрядности и одновременно приобрело экзальтированный характер, близкий к фанатизму.

*

Если не в провинции, то в столице (Рабате) военных много. Не так много, как в Москве, но значительно больше, чем в европейских столицах. Вид у военных американский и как бы сказать... Сытый? Пожалуй: голодного вида здесь ни у кого нет. Упитанный. Даже холеный. Все сносно говорят по-французски и очень вежливы. А их вездеходы — джипы, ленд-роверы, мерседесы — я до сих пор провожаю завистливыми взглядами: эх, мне бы эту технику на геологической съемке в Саянах! Разве стал бы я специалистом по извлечению автомашин из грязи и болот? Здесь эта сторона квалификации советских геологов ни к чему: не только машины лучше, но и с грязью не густо, не говоря про болота.

Но зато и лесов я здесь еще толком не видел, а те, что видел, — наредкость сухие; то есть деревья сами, конечно, живые и с задачей своей — удерживать влагу в подпочве и умерять зной — справляются, но при этом лес — никак не "сыр бор". Земля сухая, кора сухая, травы нет. Много лесов посаженных, в том числе эвкалиптовых. Завезенные сюда колонизаторами, эти австралийские эндемики стали неотъемлемой частью пейзажа. Отсутствие дождей они с успехом выдерживают шестой год.

*

Мне трудно судить о размере причиненных засухой несчастий. В газетах реакция разная: то объявляется молебен о дожде, то освобождаются от налогов крестьяне. Но нельзя сказать, что они пухнут от голода. Неторопливо идут они за верблюдом, впряженным в соху (не в плуг, я не оговорился, а именно в соху, деревянную). Охотно прервутся, объяснят дорогу, пригласят к чаю. Далеко не всегда к зеленому мятному чаю у них найдется что-то, кроме хлеба, но радушия им не занимать. Даже если просто

остановишься вдали от жилья, минут через десять из-за холма появится фигура в длинном халате с подносом в руках — чайник, стаканы, хлеб.

*

Однажды в январе из газетных киосков исчез "Монд" (по здешним меркам газета крайне либеральная). В институте поговаривали о волнениях в северной провинции страны Рифе. Потом в марокканских газетах появилось сообщение о беспорядках, "спровоцированных сионистско-марксистско-хомейнистскими заговорщиками". Затем последовала петиция старейшин города Марракеша (который, кстати, отнюдь не на севере). Они униженно просили Его Величество Султана простить их город за недостойное поведение и клялись вновь заслужить монаршую милость. В ответном выступлении Его Величества по телевидению четко прозвучала одна мысль: до сих пор вы меня знали как наследного принца, теперь узнаете как короля. ("Он молвил: "Мне вас жалко, вы сгинете вконец. Но у меня есть палка, и я вам всем отец!" А.К.Толстой, "История государства Российского".)

Недели через две "Монд" реабилитировали, а мой чертежник стал с подозрительной регулярностью исчезать после обеда. Оказалось, у него арестован брат, который года за три до того попался на глаза полиции во время студенческих беспорядков. Арестован вместе со многими другими, для профилактики и по старой памяти. Я вспомнил про маленький французский комитет "Геологи против репрессий", занимающийся среди прочего делом Мальвы Ланды.

— Он геолог?

— Нет, преподаватель литературы. Да и бесполезно... адвокаты, Международная амнистия... все равно, суд тут — спектакль, посадят.

Посадили. После судебных проволок дали год или около того.

Ох уж эти преподаватели литературы. С тремя из них (попросту говоря, это сельские учителя) случай свел меня в разных концах Марокко, — останавливался на ночлег во время маршрутов. Худые, рано лысеющие, в вечных трениях с местным пашой, непонимаемые крестьянами и обожаемые ребятишками. Говорят по-французски, на стенах неприбранных комнат портреты звезд рок-н-ролла и жертв полицейских расправ. Мечтающие переделать жизнь и мечтающие вернуться в город. Милые, трогательные, нелепые, рожденные столкновением двух культур, для полного сходства со страдающим российским интеллигентом не хватает только бородки и пенсне.

*

Даже весьма поверхностные наблюдения, можно сказать из окна автомобиля, хотя и всезеходного, толкают на размышления о будущем этой страны и, следовательно, о политике. А как бы хотелось избежать этого коварного слова и рассуждений на эту смутную тему. Как хотелось бы представить Марокко милым патриархальным царством с устоявшимся веками бытом, совсем как Россия в конце прошлого века. Что и говорить, я предпочитаю магнитофону и электрогитаре пастушескую свирель, и если она не отделима от сохи, то пусть...

Увы, русский исторический опыт подсказывает, чем такое благолепие при раздвоенности национальной культуры может кончиться. И не только русский, но и иранский, он, кстати, и в историческом, и в религиозном отношении понятнее. Примеры ливийской демократии и алжирского социализма, где уже начались трудности, связанные с нехваткой песка, еще ближе, чем пример Ирана. А пока что в хаосе XX столетия, объединившем разрозненное человечество, равновесие самой западной из арабских стран

поддерживает умелый дипломат и (между прочим) неплохой летчик,¹ наследник Пророка Хасан Второй. Да ниспошлет ему Аллах сил и здоровья.

К сожалению, проблемой взаимодействия европейской и арабской культурных традиций трудности страны не исчерпываются. Она, может быть, и главная, и первая, бросающаяся в глаза, но не единственная. Легко вздохнуть, разводя руками: "Урбанизация...". Но для мусульманской страны бидонвиль — позор куда более болезненный, чем для Европы или Латинской Америки. Дом, обращенный не на улицу, а вовнутрь — архитектурное воплощение твердости семейных традиций. Дом, защищающий не только от холода, солнца, ветра, то шквального с Атлантики, то пышущего жаром — "черти" из Сахары, но и от посторонних глаз, такой дом для мусульманина намного важнее, чем для христианина. И только в бидонвиле можно встретить неряшливых женщин с сигаретой, которые бросают на вас взгляд вроде тех, какие можно заметить в Москве где-нибудь перед гостиницей "Метрополь" или у трех вокзалов. Правда, пивных в бидонвиле нет, но мои тамошние знакомцы, попрошайки ("Месье, один дирам!") и чистильщики ботинок — основные потребители гашиша. Приток сельских жителей, переполняющих город, постоянно растет: засуха, высокая рождаемость, та же соха...

Другая проблема страны — национальная. В Марокко два государственных языка, французский и арабский. Французский для арабов — и символ европеизаций, и напоминание о принадлежности к Третьему миру, и воспоминание об эпохе протектората. Арабский — символ национальной независимости.

Но около 40% населения Марокко не арабы, а берберы — кочевники, обитатели пустыни. Кстати, именно они составляют большую часть населения бунтовавшего Рифа. Происхождение берберов столь же туманно, как возникновение басков или сванов. Во всяком случае, они индоевропейцы, а не семиты, как арабы. Для берберов арабский язык — как раз символ и средство национального подчинения, арабизации, тогда как французский, напротив, открывает доступ к европейской культуре без ущерба для национального достоинства.

Третья проблема — это "непризнанная" война. Война с фронтом Полисарио. О ней мало говорят и почти не пишут, а если пишут, то уклончиво, эвфемизмами...

Вспыхнула война в 1975 году после присоединения Испанской Сахары к Марокко. Говорят, что войну затеяло недовольное местное население. Возможно, так оно и было. Но теперь эта война служит для Алжира и Ливии способом напомнить королю Хасану с помощью танков Т-54 о том, что его дружеские отношения с Францией и США не по душе соседям, да и не только соседям. Марокко страна не милитаристская, и война ее экономику никак не укрепляет. Покончить с Полисарио было бы не трудно, но для этого пришлось бы начать войну с Алжиром, и не с одним Алжиром, но и с его восточным соседом...

Да, у Хасана II забот хватает. К тому же в королевском положении есть серьезный недостаток: в отставку или на пенсию не уйдешь.

*

Я в командировке в предгорьях Атласа. Февраль, но днем все равно жарко. Остановился у источника передохнуть. Подошел мальчонка-пастушок, уселся по соседству, достал из сумы жалейку (маленькую дудочку) и заиграл — для меня, для себя. Докурив, я по городской привычке начал рыться в карманах, ища монетку. Но пастушок управился быстрее и сам протянул мне краешку хлеба. ●

¹ Об этой детали королевской биографии вспоминали во время инцидента с южнокорейским самолетом. Однажды султан вел точно такой же Боинг, и мятежные военные прошли его несколькими пулеметными очередями. Хасану II удалось благополучно приземлиться.

Ж.-М. ЭДРИШ (Париж)

КАНДИД НА КУБЕ

Через 17 часов после вылета из Парижа я увидел в иллюминаторе огни Кубы. Мы приземлились ночью, и шоссе от аэродрома было почти пустынно. Его окаймляли плакаты, восхваляющие "мир, труд и гражданские доблести". Некоторые провозглашали, что "народ сам избирает свое правительство". Другие плакаты с изображением крысы в цилиндре "дяди Сэма" призывали сограждан уничтожать крысиные норы и места выплода комаров. Намек на "дядю Сэма" объясняется тем, что Кастро обвиняет США в осуществлении бактериологических диверсий против Кубы и возлагает на них ответственность за пять различных эпидемий, поразивших в последние годы этот остров. Цель этих обвинений — побудить население к большей активности и к укреплению гражданских добродетелей. Поэтому повсюду пылают буквы лозунга: "Вчера, сегодня, завтра и всегда — учение, труд и оружие".

Революционная Куба превратилась для других народов в некий миф. Как подступиться к этому мифу и узнать, как живут люди в своем мифическом мире?

С первого же дня Гавана очаровала меня: обветшавшие "испанские" здания старого города с деревянными верандами, кружевными чугунными балконами, прелестные внутренние дворики "патио"... Когда-то каждый дом был своего рода крепостью, защищавшей ее обитателей от пиратов. Широкие авениды с четырех- или шестирядным движением, окаймленные царственными пальмами и экзотическими деревьями с яркими цветами; дворцы в венецианском, шотландском, баварском стиле в фешенебельных кварталах теперь превращены в школы, университетские общежития и резиденции иностранных дипломатов. Новые строения в "колониальном" стиле с колоннами, увенчанными греческими капителями, окрашены в более или менее выцветшие пастельные тона — морской воздух разрушает сильнее, чем время.

На улицах удивляет обилие мотоциклов с прицепами, главным образом американских моделей 50-х годов или еще более древних. Эти музейные экспонаты то и дело опрокидываются, их заносит на поворотах, они яростно фырчат на скверных дорогах и покрывают мостовую масляными лужами, опасными как для пешеходов, так и для транспорта. А больше всего меня поразили полицейские на мотоциклах — в белых шлемах, синих комбинезонах и... при шпорах!

Как ни странно, но я нигде не увидел портретов Фиделя Кастро. Ни одна улица, ни одно учреждение не носят его имя. Здесь на такой почет имеют право только умершие: Хосе Марти, Че Гевара и... Эрнест Хемингуэй.

В бистро продают национальный напиток — пиво, содержащее 9—18% алкоголя. А традиционный кубинский ром идет только на экспорт, и он среднему кубинцу не по карману. Даже кубинская ромовая водка считается роскошью — она дороже, чем русская. Зато туристам, в специальных магазинах, ром продается по дешевке, за 4—6 долларов.

Мне попало что-то в глаз, и случайный прохожий, заметив, что я тру глаз, остановился, чтобы предупредить меня об опасности заболеть эпидемическим конъюнктивитом (бактериологическое оружие Рейгана!). Мы разговорились, я пригласил его выпить, и он был приятно удивлен, узнав, что я — не русский, а француз. Он даже заявил, что теперь Франция и Куба — "son iguales", равны!

Гуляя по центру города и разглядывая витрины, я убедился в дороговизне и скверном качестве выставленных в витринах предметов. А также в том, что я — единственный прохожий, останавливающийся перед "шикарными" магазинами. Дальше, в районе рынка, где продавались овощи и свежая рыба, было много людей, причем гораздо лучше одетых, нежели магазинные манекены. Этакая непритязательная элегантность: мужчины в джинсах и вышитых рубашках навыпуск; женщины в блузках и очень коротких юбках. Почти все дамы злоупотребляли косметикой, сильно подводили глаза, ярко красили щеки и чересчур обесцвечивали волосы. Многие были в бигуди. Мужчины расточали дамам комплименты.

Меня остановили два молодых кубинца, осведомившиеся: "Вы — француз?" Получив утвердительный ответ, они принялись меня расспрашивать. Правда ли, что во Франции разрешены браки между мужчинами? Свободно ли продается марихуана? И тут же предложили мне купить у них это зелье.

Фидель Кастро основал на Кубе "Комитеты защиты революции" (КЗР), в которых числится более 5 миллионов кубинцев. Основной задачей этих комитетов является предупреждение террористических актов, которые могут быть осуществлены врагами под покровом темной кубинской ночи, а также борьба с проникновением на Кубу тайных агентов ЦРУ.

Каждый член КЗР дежурит раз в месяц. Некоторые люди полагают, что эти дежурства сводятся к наблюдению за отдельными подозрительными личностями. Однако за все время моего пребывания на Кубе ни меня, ни моих спутников или спутниц из местных жителей ни разу не останавливали среди ночи для проверки документов. Думаю, что я не числился подозрительным, потому что кубинцы всегда охотно завязывали беседы со мною, рассказывали о том, как они работают или учатся. Говорили они и о деятельности КЗР, в обязанности которых входит также и оказание помощи престарелым и многодетным матерям, ликвидация неграмотности и обучение населения элементарным правилам санитарии и гигиены.

По случаю юбилея КЗР в фешенебельном ресторане "Флоридита" состоялся банкет. Кроме маленькой группы туристов, к которой принадлежал и я, все были аборигены. Угощение стоило 25–30 песо, что равно примерно одной десятой части средней месячной зарплаты. Я никак не мог взять в толк — как это может быть доступно людям, и мне объяснили, что на Кубе нельзя сопоставлять траты со стоимостью почасового или дневного заработка. Оказывается, кубинский песо имеет две стоимости: одну, по которой покупается все необходимое для жизни; другую — которой оплачиваются излишества.

Поясню подробнее. Кубинцы сами не платят налогов — их просто взимают по месту работы. Жилье стоит им около 10% заработка. Примерно 10 песо уходит на оплату воды, газа, электричества. В полдень рабочие и служащие получают бесплатный завтрак (помимо легкой закуски в 10 и 16 часов). Больницы и медицинское обслуживание (врачей на Кубе по отношению к количеству жителей столько же, сколько во Франции), а также лекарства — бесплатные. Обучение детей также всецело оплачивается государством, которое снабжает их учебниками и прочими школьными принадлежностями, завтраками и школьной формой: каждый год в начале занятий ученики получают по 3 рубашки,

3 пары шорт, пояс и пару обуви. И, наконец, каждому кубинцу выдается libreta — ежемесячная продуктовая карточка, гарантирующая определенный рацион, одинаковый для всех, как городских, так и сельских жителей: рис (5 кг в месяц на человека), сахар, молоко, мясо, куры, кофе, компот, овощи и т. п. "Реализация" карточек обходится около 10 песо в месяц на взрослого.

Таким образом, после уплаты за квартиру, газ, воду и электричество и выкупа нормированных продуктов у каждого кубинца, зарабатывающего, в среднем, 200 песо, остается ежемесячно 160 песо "на улучшение условий жизни". И ему незачем копить эти деньги, потому что приобрести, например, собственный дом или квартиру нельзя. Автомобили распределяются министерствами, правительственной администрацией или дирекцией предприятий, в зависимости от должности желающего купить машину. Следовательно, дело не в том, чтобы накопить деньги на автомашину — нужно доказать, что она тебе действительно необходима. Надеяться же, что кто-нибудь продаст свою старую машину, не приходится. На Кубе машины не перепродаются, а ремонтируются.

Поэтому кубинцу нечего делать со своими деньгами, как только тратить, и он покупает провизию у крестьян на "свободном рынке", где она стоит, конечно, гораздо дороже, чем по карточкам. Между прочим, интересно, что Куба — чуть ли не единственный остров Карибского архипелага, где не употребляют острую пищу. Даже перец там не в ходу.

Правительство пытается снизить рыночные цены на продукты организаций кооперативной торговли. Кооперативы продают продукты гораздо дешевле, чем крестьяне. А стоимость товаров в свободной продаже и по карточкам различаются, к примеру, в пределах 50% на одежду и 60% на сигареты.

Кубинцы посещают рестораны не реже одного-двух раз в месяц. В уик-энды отдельным туристам очень трудно найти столик. Даже перед самыми дорогими заведениями стоят длинные очереди. Надо сказать, что обслуживание в ресторанах организовано плохо — одной паре отводят стол на 6 персон. Любопытная деталь: в ресторанах мужчин обслуживают раньше, чем женщин.

Кубинцы любят дискотеки и кабаре. Эти заведения переполнены и в будние дни. Зрители наслаждаются представлениями типа лас-вегасских. С той лишь разницей, что на Кубе у танцовщиц грудь не обнажена.

Как правило, кубинцы спят очень мало — ложатся поздно, встают рано. Революция упразднила дневную сиесту: "Выспитесь в старости". Но, откровенно говоря, образ жизни у кубинцев довольно унылый. Видимо, этим и объясняется тот факт, что они становятся в очередь ради любого развлечения. Понятно возникновение очередей за нормированными продуктами, — тут нужно проверить талон, принадлежность карточек покупателю и т. п. Но чтобы выпить кружку пива..?

На тянущемся на два десятка километров пляже Санта Мария почти безлюдно, хотя температура воды там никогда не бывает ниже 20°C. Кубинцы считают вопросом чести купаться только в июле-августе, "когда вода теплее".

На пляже была только молодая пара. Мы познакомились. "Как живется на Кубе?" — спросил я. "Хорошо, когда молоды и влюблены, как мы". Они не женаты, — ему надо сначала закончить архитектурный факультет.

— А как у вас относятся к незарегистрированным бракам?

— Это зависит от того, какие взгляды у родителей, современные или отсталые... К сожалению, у нас гораздо больше консервативных людей.

А вообще, на Кубе любовникам приходится трудно — нехватает жилья. (Меня уве-

ряли, что правительство строит много жилых зданий. Действительно, я видел немало новых домов, но все — частные. А строительных кранов я что-то не заметил ни разу.) И вот, молодежи приходится ютиться в родительских квартирах, устанавливать двухэтажные кровати. Разные поколения живут вместе. Я знал даже разведенных, которые вынуждены были жить под одной крышей.

Наверное, поэтому у кубинцев принято заниматься любовью на пляже, под звездным небом. Однако теперь, из-за "американской опасности", усилено патрулирование побережья, что доставляет любовникам большие неудобства. Правда, их никогда не наказывают за "нарушение общественного порядка". Другое дело, если застигают гомосексуалистов или... иностранцев. Тогда могут возникнуть осложнения юридического характера.

Однако на Кубе имеются "дома свиданий" (*posadas*), где комнаты сдаются по часам или на ночь. Там не спрашивают удостоверений личности, причем посещают эти учреждения не только одинокие граждане, но и семейные пары. Потому что, как уже говорилось, многие люди, стоящие в браке, не имеют отдельной комнаты. Конечно, там нет никакого комфорта или уюта, и комнату нельзя заказать заранее, так что люди вынуждены стоять на улице в очереди. На бумаге это кажется довольно забавным, но в жизни не очень-то приятно.

Можно снять комнату и в туристическом отеле. Если и приходится ждать там очереди, то все-таки стоять перед агентством "Куба-тур" куда приятнее, чем перед домом свиданий. Кроме того, там имеется возможность заказать номер заранее — на ночь или на уик-энд. И даже комната в отеле-люкс обходится местным жителям по крайней мере вдвое дешевле, нежели иностранным туристам. Если кубинцы являются без багажа, с них берут дополнительную плату, только и всего.

Брак дает некоторое преимущество в получении жилья, особенно людям, хорошо аттестованным по службе и регулярно выполняющим добровольческие обязанности — 40 часов бесплатной работы в год. Однако браков на Кубе заключают не меньше, чем совершают разводов, хотя сейчас ситуация лучше, чем в первые годы после революции, когда развод казался символом "новой жизни", поскольку он стал бесплатным и уже не являлся прерогативой буржуазии. Но в последние десять лет за развод уже платят (примерно 150 песо — немного более тысячи франков). Формальности же при этом минимальные.

Кстати, о формальностях. Если кубинец может запросто снять номер в гостинице, то от иностранцев требуется строгое соблюдение всевозможных правил. Я жил в одном из самых роскошных отелей "Насиональ" (где было 6 допотопных лифтов и работало только 3) и выяснил, что, во-первых, нельзя приглашать посторонних к себе и, во-вторых, надо всегда иметь при себе "карточку" (*tarjeta*) с номером комнаты и именем постояльца, которую предъявляют при пользовании лифтом, гостиничным рестораном, баром и т. д. Тот, кто хочет привести к себе "даму", должен сначала прийти в комнату сам, а затем, по телефону, через администратора, дать разрешение гостю подняться в номер, причем ей выдают "временную карточку".

...В каждом кубинце есть толика национальной гордости идадьго. Но это отнюдь не изолирует его от представителей других национальностей. Наоборот, я нигде не встречал таких общительных людей, как на Кубе. Они всегда стремятся познакомиться с иностранцами — и совсем не для того, чтобы как-нибудь обжулить их. Здесь даже таксисты никогда не воспользуются тем, что их пассажиры не знают местности, и не возят их дальними, окольными маршрутами. Нет, кубинцы заговаривают с приезжими просто из

любопытности. Узнав, из какой страны вы приехали, они всегда спрашивают: "Давно ли вы здесь?" Затем: "Как вам нравится Куба?" Далее следует: "Видели ли вы... Были ли вы..." И, под конец, обязательно: "Понравились ли вам кубинки?". Наверно, такой интерес к иностранцам объясняется невозможностью для самих кубинцев путешествовать — выезд из страны воспрещен.

Еще одна забавная деталь: на Кубе тайну деторождения объясняют детям не находкой младенцев "в капусте" и не услугами "аиста", а "покупкой в Париже".

Зачастую кубинцы предлагают туристам обменять свои песо на доллары из расчета 2 песо за 1 доллар, но менять доллары нет никакого смысла, потому что ими можно заплатить за гостиницу, за такси, за наем машины и т. п. При этом надо учесть, что доллар на Кубе котируется по-разному: в банке он стоит 0,8 песо, во многих ресторанах — 1 песо, а в барах равен 2 песо.

Я исходил и изъездил вдоль и поперек этот остров, красоту которого так восторженно описал Христофор Колумб. Побывал в Музее революции, где выставлена доисторическая пишущая машинка Фиделя, штаны его брата Рауля, медицинские инструменты Че Гевары, носки, обувь и спальные мешки других героев революции и уйма фотоснимков демонстраций в поддержку Фиделя.

Массовый приезд кубинцев, бежавших в США (во Флориду) или получивших разрешение на выезд в 1978 году, которые теперь навещают своих родных, производит сильное впечатление на обитателей Кубы. Гости привозят с собой чемоданы, набитые джинсами, а карманы их полны долларов.

В мае 1980 года 125 тысячам кубинцев было разрешено (а некоторым и предложено) покинуть "остров Зеленой Ящерицы" и эмигрировать в США. До сих пор оставшиеся на Кубе не нарадуются, что избавились от педерастов, воров и социальных паразитов.

Однако нигде официально не говорится о тех, кто безуспешно добивается выездных виз. А таких — 200 тысяч глав семейств, иначе говоря — около миллиона желающих эмигрировать (американское посольство считает, что их вдвое больше). Этот феномен охлаждает революционный пыл кубинского правительства, вынуждая его предпринимать различные социальные и экономические реформы. Так, начиная с 1981 года, вся ответственность за эффективность того или иного предприятия ложится на его директора, а заработки служащих зависят от доходности предприятия. Газетам разрешили публиковать объявления типа "Меняю две хорошие комнаты со всеми удобствами в центре на квартиру большей площади на периферии" (как уже говорилось, на Кубе нельзя ни купить, ни продавать жилплощадь, а лишь обменивать). Или — "Продаю тарелки... Куплю пластинки". Причем больше всего объявлений о покупке запасных частей к мотоциклам или старым американским автомобилям.

Газеты стали уделять больше внимания вопросам быта и полового воспитания. На народных конкурсах песни победителям выдаются не только дипломы, но и денежные премии. Свободным художникам разрешено выставлять свои произведения для продажи в государственных магазинах... Не знаю, достаточно ли этого для предотвращения недовольства населения.

Я не переставал дивиться этим кубинцам, которые так легко отказываются от кофе, сахара и рома, мирятся с тем, что опустели их общественные плавательные бассейны (экономия на хлорировании воды) и что лучшие сорта сигар идут на экспорт, но жалуются, что Куба отстает от моды, хотя они одеты совсем не плохо. Впоследствии я понял, чем это объясняется, — элегантные вещи кубинцам присылают родственники из США.

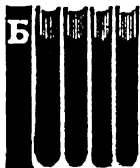
22 года яростной пропаганды так и не смогли отрезать Кубу от столь близкой ей территориально Америки. Правда, правительство действует в этом отношении осторожно — оно клеймит не самих янки, а их политику. Я слышал даже, как одна девятилетняя девочка сказала своей подруге: "Американцы неплохие, а правительство у них плохое".

По кубинскому телевидению показывают американские фильмы (правда, поздно вечером), а при наличии хорошей антенны удается принимать и Майами.

С приходом к власти Рейгана отношения между двумя странами ухудшились. Кастро постоянно обвиняет США в бактериологических диверсиях, в подготовке к вторжению на Кубу, в финансировании актов саботажа. Но в жизни острова напряжения не чувствуется. Кубинцы живут спокойно, и лишь некоторые "ответственные товарищи" на основании этих правительственных установок вводят различные дополнительные ограничения. Например, запрещают фотографировать прилавки и полки "Бариендадес Гардиано" (бывший Вулворт) без ведома директора магазина, который сам должен получить санкцию вышестоящего администратора, который... и т. д. И объясняется это тем, что "в теперешней ситуации мы не гарантированы, что такие снимки не будут ложно истолкованы".

Но я убедился, что на Кубе не всегда следует спрашивать разрешения. Один кубинец рассказывал мне о случае с туристом, которому захотелось курить в пригородном поезде, а повсюду висели объявления "не курить". Он нашел открытый вагон, в котором пол был усеян окурками, и осведомился у проводника: "Тут ведь можно курить?" "Нельзя" — отрезал тот. "А что означают все эти окурки?" — "Что курившие не спрашивали разрешения."

Это показалось мне весьма убедительным. ●

ПО-ЧЕШКИ НЕ ГОВОРИТЬ!

Написанная в 1978 году, к десятилетию Пражской весны, книга Млинарж выходит по-русски с пятилетним опозданием. Опоздание лишний раз свидетельствует о нашей нерачивности; конечно, это — мемуарное сочинение одного из центральных персонажей чехословацких событий, но в то же время — ярко написанный политологический трактат, и как таковой он должен участвовать в спорах между русскими демократами и авторитаристами, между космопо-

литами-западниками и неославянофилами или, точнее, русофилами, — спорах, которые разгорелись в последние годы. Зденек Млинарж (род. 1930) откровенно и подробно рассказывает о собственном развитии: в 1948 году, когда в Чехословакии установилась коммунистическая диктатура, он был преданным сталинистом; двадцать лет спустя он оказался одним из вождей движения за демократические реформы, сподвижником Дубчека, Смрковского, секретарем ЦК КПЧ, участником подпольного XIV съезда партии и московских "переговоров", в 1970 г. его исключили из КПЧ, а еще семь лет спустя он уехал на Запад.

Не нам оценивать, в какой степени и до конца ли Млинарж искренен в своих автохарактеристиках; об этом судят и спорят его соотечественники. Для нас его книга представляет тройной интерес. Во-первых, она дает сочные и, в основном, достоверные психологические характеристики героев Пражской весны — Кригеля, Шимона, Дубчека, Шпачека, Черника, Смрковского;

Зденек Млинарж. *Холодом веет от Кремля*. Перевод с чешского Л. Силицкой под редакцией Л. Алексеевой и Б. Шрагина. Из-во "Проблемы Восточной Европы". Нью-Йорк, 1983.

ее погубителей, московских агентов — Биляка, Индры, Швестки, Якеша, Кольдера; таких политических деятелей, как Ульбрихт, Гомулка, Живков, Гусак, Свобода и, конечно, Брежнев. Во-вторых, книга Млинаржа содержит талантливый рассказ о важнейших драматических событиях августа 1968 года: вступление войск в Прагу, арест "реформистов", членов Политбюро, издевательское обращение с ними в Праге и в Москве, подписание "межпартийного соглашения" и трагедия капитуляции руководителей КПЧ. Наконец, в-третьих, Млинарж предлагает нам продуманные анализы коммунистической идеологии, сохранившие свою актуальность и сегодня, более пяти лет после их написания и более пятнадцати лет после самих событий.

Из эпизодов, участником которых был Млинарж, вот один, центральный:

"Где-то после четырех часов утра к зданию ЦК КПЧ подехала черная "Волга" из советского посольства, и вскоре после этого здание окружили бронемашин и танки. Из них выпрыгнули солдаты в мундирах советских парашютистов — в бордовых беретах и полосатых тельняшках, с ав-

томатами в руках. Несколько офицеров и отряд парашютистов вошли в ЦК.

Мы наблюдали все это из окна, и мне казалось, что я вижу кадры из фильма.

Неожиданно двери кабинета Дубчека раскрылись, ворвались около восьми автоматчиков, окружили нас и нацелили автоматы на наши затылки. Вслед за ними вошли два офицера. Один из них был полковником. Он заявил, что берет нас "под свою охрану", и начал отдавать приказы. Кто-то, по-моему, Дубчек, что-то сказал, и полковник заорал:

"Не разговаривать! Тихо! По-чешски не говорить!"... (стр. 209).

Зденек Млинарж рассказывает о всенародном сопротивлении советской оккупации, в итоге которого "маленький народ..., пусть на короткий период, победил" (стр. 24). И он образно выражает это так: *слон не может растоптать иголку*. Напоминание свидетеля и участника о моральной победе чехов — поучительно и своевременно.

Отметим в заключение отличный перевод Ларисы Силницкой; только в двух-трех местах глаз цапнули какие-то мелкие погрешности.

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА ЕДИНОДЕРЖАВИЯ

Заглавие обещает больше, чем книга дает читателю: будущее России ему не откроется. Зато он узнает о многом, чего, может быть, не до конца понимал, — об особенностях нынешнего советского строя, о его экономике, идеологии, пропаганде. Валерий Чалидзе пришел к социологии от точных наук, и его метод подкупающе убедителен; предпринятый им *иерархический анализ* интересен: он позволяет увидеть хорошо знакомую нам советскую действительность с новой, порою неожиданной стороны. В краткой рецензии невозможно изложить содержание книги, отличающейся строгой сжатостью. Но вот некоторые — поневоле вырванные из логического контекста — идеи автора; здесь мы принуждены дать их в виде конечных выводов, и это, разумеется, их объединяет.

Валерий Чалидзе. Будущее России. Иерархический анализ. Нью-Йорк, 1983.

Первое и главное. Многие на Западе и Востоке полагают, что советская система представляет собой осуществление какой-то *левой* программы; с точки зрения одних, это хорошо, с точки зрения других — плохо, но в том, что режим СССР левый, почти никто не сомневается. В. Чалидзе доказывает: советский режим — экономически крайний монополизм, а политически — *крайне правая* диктатура. Автор книги приводит список тех ограничений, который ввел этот режим в жизнь граждан: запреты частной инициативы, свободной информации, религии, выборов; и далее: тотальный полицейский контроль, унифицированная система образования, экономическая монополия государства... Все это вместе и образует диктатуру, правей которой отыскать трудно. Но при этом она пользуется марксистской фразеологией, и здесь — "источник заблуждения миллионов людей относительно советской системы" (стр. 35). Мы, конечно, это знаем, но В. Чалидзе с исключительной четкостью демонстрирует, в чем именно состоит расхождение между реальностью и пропагандистской фразеологией. Еще и еще раз мы видим,

как мало мы задумываемся над катастрофической силой слова. Под картиной, изображающей рабство, написано: Свобода и Демократия; люди видят плети и цепи, но верят не своим глазам, а словам. Дело, между прочим, в том, что подпись под картиной вдалбливается в наше сознание всеми средствами современной техники; а мощь техники — безгранична.

Второе. Чалидзе подробно рассматривает понятие равенства, сопоставляя два вида равенства: материальное и процедурное. Стремление к "равенству в благих" утопично и разрушительно, тогда как "равенство в правах", иначе процедурное, есть основа всякой демократии; это, по мнению автора, — "исключение из числа методов иерархической борьбы дискриминации по признакам, обладание которыми, как правило, не зависит от самого человека: социальное происхождение, цвет кожи и т. п., — а также гарантия возможности применять определенные методы мирной иерархической борьбы: свобода убеждений, свобода слова, передвижения и прочие фундаментальные права" (стр. 49). Кстати, одну из причин популярности "вульгаризированного марксизма" В. Чалидзе видит именно в проповеди материального равенства, которого якобы можно достичь насильем.

Третье. Чалидзе формулирует два закона, определяющих развитие современного капитализма. Во-первых, поскольку воспроизведение целиком зависит от сбыта, современный капитализм — единственная формация, при которой верхи общества заинтересованы в росте и обогащении низов: обнищание так называемого пролетариата означает и разорение капиталистов; заметим, однако, что Чалидзе приходит к следующему парадоксальному выводу: если раньше "капиталисты эксплуатировали рабочих, то теперь в странах демократического капитализма естественнее сказать, что население эксплуатирует капиталистов..." (стр. 70–71). Во-вторых, для развитого капитализма характерно то, что автор называет принципом встречных колебаний: "левая" тенденция в политике (децентрализация) совмещается с "правой" в экономической области, тогда как "правая" политическая линия, укрепление центральной власти, сосуществует с "левой" в экономике — устремленностью к большему материальному равенству.

Четвертое. В. Чалидзе развенчивает иллюзорные представления об отсутствии в Советском Союзе безработицы. Он показывает, что низкая производительность труда при советском режиме (вполовину ниже американской) есть не что иное как "отказ рабочих работать в полную силу": рабочие "отдают производству лишь ту часть труда, которую они считают справедливо оплаченной"; это следует назвать *внутренней безработицей*, которая едва ли не вдвое, а то и втрое "выше реальной безработицы при капитализме" (стр. 136).

Пятое. Чалидзе находит в советской системе *армейский порядок*, перенесенный на общество в целом. Его рассуждения об "абсолютизме системы" новы и своеобразны (например, в области уголовно-юридической — стр. 160).

Шестое. Автор рассматривает комплексы идей, которые представляются ему в современной России основными: *этатизм* (сталинистская идея сильного государства), *изоляционизм* (озабоченность "процветанием не столько России, сколько Руси" — стр. 167), *социал-демократия* ("суррогат обыкновенной человеческой доброты с государственным прагматизмом" — стр. 169). В СССР государственное предпочтение отдается "этатизму с использованием изрядной доли национального изоляционизма" (стр. 170). Нечто отдаленно напоминающее триединую формулу Уварова.

Наконец, седьмое. В. Чалидзе рассматривает идеологические основы оппозиционности, говорит о правозащитном движении и о лозунгах социализма. Но здесь лучше предоставить слово самому автору:

"Этот лозунг — социализм: я должен признать его немеркнущую привлекательность для масс, при всей моей антипатии к нему... При всем моем несогласии с социалистами-оппозиционерами в России, я глубоко уважаю этих людей, многие из которых пронесли свои убеждения не только через пытки и тюрьмы, но и через разрушительные испытания историческим опытом (из-за политической нетерпимости современной российской эмиграции я оказался чуть ли не единственным русскоязычным издателем, готовым поддержать российскую социалистическую оппозицию, и я рад, что могу это делать)" (стр. 173–175).

Далеко не все в книге Валерия Чалидзе вызывает мое безоговорочное согласие. Прогрессивные налоги мне не кажутся формой "ограбления людей успешных" (стр. 59), коррупция — "здоровой реакцией общества на первичные болезненные явления" (стр. 108), а В. Чалидзе — *единственным* издателем, готовым... и проч. Однако в целом его книга чрезвычайно полезна, его ана-

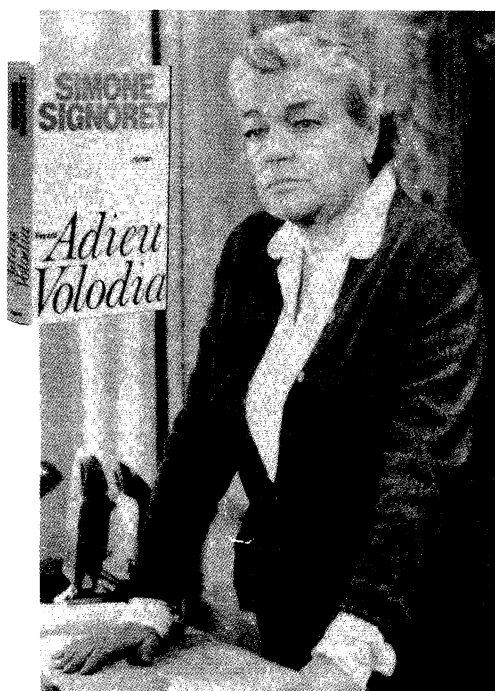
лизы убедительны, многие выводы неотразимы при всей их парадоксальности. Ясность мысли, спокойный и рассудительный тон подкупают читателя. Каждый, кто хочет понять советский режим и увидеть его лицо под личиной могущественной пропаганды, должен не только прочесть, но и проштудировать "Будущее России".

РОМАН СИМОНЫ СИНЬОРЕ

Снова в центре внимания Симона Синьоре. Время от времени вся Франция влюбляется в нее. Заметим, что Симона Синьоре, актриса неотразимого очарования, никогда не была сексапильной или, попросту говоря, вульгарной: в ее искусстве, как и в ее облике, нет ни тени пошлости, которая так часто гарантирует кассовый успех. Даже играя проститутку Мари в фильме Жана Беккера "Золотая каска" (1952), Синьоре поражала почти невероятным соединением целомудренной красоты с чувственной и вместе с тем обезоруживающей женственностью. Вскоре ее прославил на весь мир фильм Марселя Карне "Тереза Ракен" (1953); одной из ее вершин была лента "Путь в высшее общество" (1958), которая принесла Симоне Синьоре за роль Элис Эйзгилл не только "Оскара", но и Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля, призы Британской и Французской киноакадемий.

С тех пор прошло много лет, перечислять роли Синьоре, ее художественные триумфы и награды было бы слишком долго. В СССР она стала известна благодаря "Терезе Ракен", привезенной на фестиваль "Неделя французского фильма" в 1955 году. В те годы новое французское киноискусство было одним из самых сильных веяний оттепели. Симону Синьоре видели в нашей стране и позже, но, увы, все реже. Пожилую Симону Синьоре вовсе не знают, о чем, быть может, стоит пожалеть: она состарилась с большим достоинством и, хотя, как всякая актриса, драматически переживала закат своей кинематографической карьеры, умела мириться с утратой былого успеха. Как вдруг неожиданно для всех Симона Синьоре одержала новую победу, и притом на новом поприще.

Только что в книжные магазины поступил выпущенный издательством Fayard огромный шестисотстраничный роман Симоны Синьоре "Прощание с Володей". Не с Лениным, конечно, и не с Владимиром Высоцким, как, может быть, подумал наш читатель. Ибо это не мемуары, не эссеистика, не публицистика, а именно роман. Мемуары, впрочем, уже были: вышедшая в 1976 г. книжка под названием "Ностальгия теперь — не то, что прежде". Книга воспоминаний в свое время тоже нашумела. С. Синьоре даже заподозрили в том, что она воспользовалась услугами "негров"; логика газетчиков была примитивна: где уж там актрисе написать хоро-

шую книгу? Вдобавок она богата, — почему бы и не отвалить соответствующую сумму в обмен на литературную славу? Скандал продолжался недолго, Симона реагировала на него презрительным равнодушием. Позже вышло еще несколько книг, которые во всяком случае свидетельствовали о серьезном даровании. Наконец, С. Синьоре приобрела некоторую известность как переводчица: многие годы во Франции шла пьеса Лилиан Хеллман "Лисички" в ее переводе, в 1981 году большой успех выпал на долю переведенной ею книги Лангер (кузины Симоны Синьоре) "Сезон в Братиславе"; книга представляет собой откровенный и далекий от попыток приукрасить действительность рассказ об оккупированной Советским Союзом Чехословакии.

Мы подошли к важной теме — политической эволюции Симоны Синьоре. Из ее воспоминаний известно многое; кое-что добавляют ее интервью и рассказы друзей. Синьоре — дочь польского еврея, ее настоящая фамилия Каминкер. Во время войны семья укрывалась в бретонской деревне, затем это стало небезопасно, и юной Симоне пришлось несколько лет прятаться в многолюдном Париже, скрывая свое происхождение. Между прочим, обстоятельства сложились так, что ей пришлось короткое время работать в газете "Temps nouveaux", сотрудничавшей с немцами; она ушла оттуда, сказав своему шефу: "Я с вами больше не останусь, вас всех расстреляют". С августа 1949 г. она связала свою жизнь с Ивом Монтаном, вместе с ним сблизилась с коммунистами; оба подписывают Стокгольмское воззвание, продают на улицах "Юмани́те". Теперь они кинозвезды первой величины, гордость французской коммунистической партии. Вообще в ту пору ФКП числила в своих рядах таких людей, как Пикассо, Марке, Матисса, Элюара, Жюлио-Кюри, — цвет интеллигенции. Старинная приятельница Симоны, известная публицистка Франсуаза Жиру, вспоминает: "Генерал ордена иезуитов был бы сговорчивей относительно церковных догматов, чем Симона Синьоре — насчет евангелия от Сталина".

Верность коммунистической догме, постепенно слабев, все же сохранялась до осени пятидесяти шестого года, когда подавление Венгерской революции положило конец иллюзиям Монтана и его жены. С этого времени советские зрители все

реже видели прославленную чету на экранах. Симона Синьоре и Ив Монтан побывали в СССР, любовь к стране не остыла, но стало ясно, что представляет собой ее режим.

Роман "Прощание с Володей" есть, собственно говоря, свидетельство и обобщение этого опыта. Сюжет книги вертится вокруг убийства атамана Петлюры Самуилом Шварцбардом; это событие произошло 26 мая 1926 г. в Париже, на улице Расина. Молодого террориста судил французский суд и, против ожидания, оправдал его: было признано, что Шварцбард казнил Петлюру за людоедские еврейские погромы 1919–1920 годов. В числе свидетелей — теперь мы уже говорим о романе — на процессе должен выступить человек по имени Володя; его считали убитым в Житомире во время погрома, однако он жив и готов дать показания. В Париже у него родственники. Но встретиться с ними ему не удастся: советским органам за границей даны соответствующие инструкции. Володя вернется в СССР, там будет арестован и погибнет в лагерях.

Журнал "Nouvel observateur" опубликовал беседу с автором книги. С. Синьоре сказала: "Володя спасся от погромов. Он приезжает в Париж, чтобы дать показания по делу Шварцбарда, но советские охранники плотно окружают его. Нечто подобное я сама пережила в Праге, я и моя братиславская кузина. Все было устроено так, чтобы мы не встретились. Потом, уже в Париже, я узнала, что она хотела поговорить с нами, сообщить, что арестован ее муж..." Журналист спросил Симону: почему роман назван "Прощание с Володей", когда ему посвящен всего лишь один эпизод? "Потому что люди молчат и ничего не рассказывают, ничего не слышат. Для меня Володя — это символ репрессий. И тотальной секретности. Ох, уж эта секретность! В тридцать шестом году становится известно, что Володя умер в Сибири в двадцать девятом. Случайно, из опоздавшего на несколько лет письма с выражением соболезнования... Вот что такое отношения со странами Восточной Европы, и это продолжается до сих пор. Но я, — добавляет Синьоре, — собственно говоря, писала роман не об этом. Я просто провела избранных мною персонажей через четверть века".

Избранные персонажи — это две еврейские семьи, Гутманы и Рогинские, приехавшие в свое время во Францию из Украины и Польши. Это их

дети Марсель и Заза, считавшие себя французами, пока нацистская оккупация не напомнила им о том, кто они такие. Обе семьи избежали Освенцима благодаря крушению поезда, в котором их везли на смерть. Страшное столетие, когда люди благословляют железнодорожную катастрофу.

Симона Синьоре описывает местечковый быт галицийских евреев; затем, в промежутке между двумя войнами, эти люди оказываются в Париже. Они перенесли ужас погромов, теперь терпят горький удел эмигрантов. Они необразованы, мало что понимают в политике и даже в судьбе своего родственника Володи. Вот стало известно, что он умер под Иркутском — а где это, Иркутск? Потом узнают, что Иркутск в Сибири. Ах вот оно что. Значит, наш Володя в чем-то

серьезно провинился, если его сослали в Сибирь? Не лучше ли скрыть такой позор от соседей? Володя погиб в лагере, — понять, что это значит, почему, за что, парижские родственники и вовсе не способны. Но для читателя книги эта гибель — не частный эпизод, не несчастный случай, а знамение времени.

"Прощание с Володей" не скоро переведут в Советском Союзе: книга ставит на одну доску коричневый и красный террор. Жаль, русский читатель не узнает Синьоре-писательницу. Ее друг, публицист Клод Руа, сказал о ней в "Nouvel observateur": "Мне нравится, как Симона говорит о морщинах, называя их своими союзницами: это шрамы, оставшиеся от смеха, от слез, от вопросов и... от убеждений". ●

Ефим Эткинд

ПРИРОДЫ

ГНЕВНАЯ ПОКОРНОСТЬ

О проблемах экологии на Западе заговорили уже в 50-е годы. Советская печать подхватила этот разговор с энтузиазмом: достаточно было заменить абстрактное определение "человеческая деятельность" конкретным "капиталистическая", чтобы все стало на свои места. Само собой разумеется, что при социализме никакого разрушения природы не может быть, поскольку не может быть никогда.

Очень скоро, однако, собственные проблемы посыпались как из рога изобилия: обмеление Арала и Каспия, черные бури на Дону и Кубани, засоление земель в Казахстане, загрязнение вод Байкала, таяние вечной мерзлоты на трассе БАМа...

Поводов для тревоги было так много, что сообщения буквально выплескивались на страницы газет и журналов. Пришлось принять срочные меры: был введен порядок, по которому статьи по вопросам экологии в СССР печатались только с личного разрешения начальника Главлита, главного цензора страны.

И все же время от времени кое-что появляется. Один из последних примеров — книга Всеволода Павловича Зенкевича об экологии Черноморско-

го побережья Кавказа. Автор — ученый с мировым именем. Его титулы — профессор, заслуженный деятель науки Грузинской ССР, лауреат Ленинской и Государственной премий — говорят, конечно, не только о научных заслугах.

Но предоставим слово автору: "... В первую очередь приходится спасать Гагра¹. Самовольные действия санаториев "Холодная речка" и "Тхеми" уже дали свои плачевные результаты...

А с другого, южного конца Гагра море стало подступать к высотному зданию санатория "Энергетик". Против него раньше были возведены ступенчатые стены и буны, но питание насосами пляж перестал получать... Буны разрушились, и море "съело" берег, сложенный здесь рыхлыми породами, так что до стены корпуса осталось 15–20 м...

К югу от "Энергетика" картину иначе как страшной и не назовешь. Построенные там на суглинках несколько бун превратились в хаотичные обломки. Пляж ушел полностью... берег за один шторм уже отступил на 20–30 м, и пляжа вообще не осталось! Обнаружились мощные черные пласты торфа, край которых волны нарезали крупными зубцами. И дно против этого бере-

В. П. Зенкевич. Пицунда — наша радость и тревога. Тбилиси, изд. "Сабгота Бакартвело", 1984.

¹ Здесь и далее мы сохраняем написание, принятое автором.

га стало торфяно-глинистым, то есть размываемым. У моря расположена широкая болотистая равнина, которая использовалась под огороды и плантации. Грунтовые воды собирались в специальный коллектор. Он выводился в море по громадной бетонной трубе с опорами. Опоры сейчас разбиты, но по их остаткам легко можно фиксировать, насколько отступил берег...

Имеется много и других участков, требующих немедленного оперативного вмешательства. В Поти после 1939 г. море "съело" полосу городской территории со всеми постройками шириной в 900 м! Берега там "трудные" – песчаные. Буны построили лет 10 назад вопреки заключению ученых.

Буны эти сейчас сохранились в "островном положении", т. е. виднеются в сотне метров от современного берега. Приносить вред они уже перестали сами.

После постройки плотины на реке Ингури морской берег на протяженном участке стал отступать со скоростью 5–10 (местами до 17) м в год. Если не принять мер, то, по расчетам ... море врежется в сушу на 3 км, а протяжение этого размыва составит до 40 км.

А изуродованное Аджарское побережье от Батума до Кобулет! На этих 20 с лишним км еще до войны тянулся сплошной галечный пляж. Питание он получал ограниченное – из местных речек, но находился в равновесии...

Что же там произошло? Для устойчивости железнодорожной насыпи и полотна поставили вертикальные стенки. Море их быстро разрушило, но пляж хотя и сузился, но на первый раз уцелел. Отступив несколько метров, поставили вторую линию стенки, а обломки старой остались на берегу. Обратный ток прибойной волны увлекал гальку в море сильным течением через щели в промежутках между глыбами. В результате рухнула вторая стенка. Местами возвели третью, но и это не помогло. Когда пляжа совсем не стало (за исключением небольших полосок у речных устьев), железнодорожный путь пришлось увести в туннели на участках Махиджаури и Цихидзири.

О многих других местах я здесь не упомянул, да и нужно ли это? Ясно, что тревога, и немалая, вполне обоснована. Но пути ее ликвидации также вызывают тревогу."

При первом чтении этих строк кажется, что речь идет если не о буре в стакане воды, то о

чем-то все-таки не очень значительном. Подумаешь, берег! Ну, отступит немного, не до Тбилиси же доберутся волны. Море без берега, как поезд без последнего вагона, такое нам еще не грозит. Да и голландская катастрофа XIII века, надо думать, тоже. Тогда, в еще доиндустриальной Европе предприимчивые голландцы наладили в широких масштабах международную торговлю своим торфом, шедшим и на топливо, и на удобрения. Приморская долина покрылась торфяными озерами и каналами. А потом грянули невиданной силы штормы. Море прорвалось вглубь суши на десятки километров по услужливо проложенным каналам, смыло остатки торфа, а заодно и остальную почву. Возник огромный морской залив Зейдер-зе площадью в несколько процентов территории нынешнего Нидерландского королевства...

В книге В. Зенкевича, в сущности, два главных героя. Один, так сказать, герой с маленькой буквы, – научая теория, возникшая в ходе тридцатилетних исследований и столь же длительной борьбы с бюрократическими инстанциями. О ее накале автор пишет с явной оглядкой на цензуру, на необходимость сохранять общую оптимистическую тональность. Другому Герою – с большой буквы – многие тысячи лет. У него многовековая история, широкая слава, уникальность и тоже немалый опыт контактов с советской действительностью. Имя ему Пицунда. Тот самый мыс Пицунда с реликтовой пицундской сосной, которая "представляет собой реликт третичного геологического периода, когда весь Кавказ был громадным островом среди обширного океана Тетис. В этих изолированных условиях за миллионы лет и выработался совершенно новый вид сосны, у которой хвоя почти вдвое длиннее обычной. И шишки у нее крупнее, и стволы отливают на солнце спелым гранатом, а не апельсином, как у берегов Балтики. Сплошных массивов этой сосны, кроме Пицунды, нет нигде. Встречаются лишь отдельные группы деревьев по скалистым береговым обрывам здесь и еще в районе Судака в Крыму. Поэтому с начала нашего века и роща была объявлена заповедной, и сосна, где бы она ни росла".

В 1916 году в "Записках Кавказского отдела Русского Географического общества" в Тифлисе была напечатана статья А. Ростовцева "Пицундская сосновая роща". Он отнес Черное море к числу главных врагов пицундской сосны

и определил, что северо-западный берег за 33 года потерял около 6 десятин земли, вместе с кромкой леса (800–900 сосен). А. Ростовцев проводит фотографию обнаженных корней и наклонившихся деревьев, видных со стороны моря. "Можно подумать, — комментирует В. Зенкевич, — что она была снята буквально сегодня, если бы сквозь ряды стволов в тех местах сейчас не проглядывало небо. При Ростовцеве полоса леса явно была намного шире и гуще".

А. Ростовцев приводит карту тех времен. "Сравнивая ее с современной, легко убедиться, что многое на Пицунде существенно изменилось. Исчезло (превратилось в болото) озеро Анышчара. Уменьшились размеры Инкитского озера и нескольких маленьких по соседству с ним. Произошло это не само по себе, а в результате устройства дренажа, прорытия канав и завоза насыпного грунта. Были разобраны развалины — остатки средневековых укреплений. Были вырублены и сожжены дебри влажного лиственного леса, перевитого колючим ломоносом. На месте обширных болот сейчас располагаются пахотные земли и пастбища. К сожалению, в середине 20-х годов была уничтожена и широкая полоса уникальных самшитовых зарослей, примыкавших с тыла к основному массиву. Местные авторы ошибочно считали тогда, что именно в самшите таился рассадник малярийных комаров. В 1969 г. роща занимала 347 га и было в ней 28180 стволов. К врагам, перечисленным Ростовцевым, прибавился еще один. Завезли вместе со стройматериалами жука-короеда. От него после 1950 г. погибло 3071 дерево".

Однако основные события вокруг двух главных героев книги начали разворачиваться весной 1960 г., когда "представитель соответствующей организации" сообщил автору по телефону, что специальным постановлением на весьма высоком уровне решено строить на Пицунде пансионат из серии высотных зданий у самого берега моря, там, где пролегает граница пляжа. Как ни юн был в то время герой с маленькой буквы, профессор Зенкевич тут же по телефону смог со всей определенностью заявить, что вдоль берега корпуса ставить нельзя. Но начальство не нуждалось в теории. "Проект не только составлен, но и утвержден. Ваша задача рекомендовать меры защиты от морского прибоя, если таковые вообще понадобятся".

Получив проект, профессор Зенкевич сразу понял, какая в нем таится опасность. Основная идея проекта — защита от волн с помощью идущей вдоль границы пляжа стенки с вертикальной внешней гранью и с неглубоко заложенным фундаментом — была явно нелепа. Составители не дали себе труда познакомиться хотя бы с элементарными положениями динамики морских берегов. Но остановить дело было уже невозможно. Отрицательное заключение профессора, который и сам еще не полностью понимал, что ожидает Пицунду, никакого влияния на последующий ход событий не оказало.

Пансионат был построен на передней кромке леса. Ученому и его коллегам, двое из которых, как позже выяснилось, тоже дали отрицательный отзыв на проект, осталось лишь продолжать научные изыскания и попытки привлечь к проблеме разрушения берегов внимание прессы и высокого начальства. В частности, доказать, что Пицунда — это уникальное явление природы. И не только из-за своей реликтовой сосновой рощи, лишенного пыли и напоенного озоном воздуха и чистой морской воды, но и из-за уникальности строения ее морского берега.

В начале второго полувека советской власти неурядицы с морскими берегами стали доходить до сведения правительства. В первых числах января 1969 г. было опубликовано постановление о неотложных мерах по защите берегов Черного моря от разрушения и по рациональному использованию территорий курортов черноморского побережья.

Привыкшие к постановлениям нижестоящих инстанций еще и подумать не успели о его выполнении, как за дело взялась сама природа. Тогда же, в начале января 1969 г. на Пицунде начались разрушения, вызванные необычной силой штормами.

Пансионат прекрасно вписался в природный ландшафт. Его сооружения вытянулись по краю леса почти на полтора километра. Стоя по пояс в соснах, вздымались в небо 14-этажные ажурные корпуса, разделенные большими массивами нетронутого леса. Из них четыре — "Бзыбь", "Золотое руно", "Колхети" и "Амра" — граничили с пляжем, а три были расположены поодаль. К пляжу были также выдвинуты здания столовой, курзала и летнего кафе у пирса. Чуть дальше от моря стоял корпус "Маяк", построенный рядом со старым, настоящим маяком, и

соединенный общим вестибюлем с корпусом "Иверия". На крышах корпусов были сооружены смотровые площадки, с которых в ясную погоду просматривались на десятки километров гора Ахун за Хостой и снеговые горы далеко за Сухуми.

Эту светлую картину лишь слегка омрачили предсказания ученых. Вот если бы "Амру", "Колхети" и здание столовой еще в проекте потеснили метров на 20 в лес, вдаль от края пляжа! Но он был в то время столь широк, что мало кто верил в способность волн пересечь пляж при самых сильных бурях.

Однако 6 января 1969 г. к Пицунде подошла крупная зыбь с высотой волны до 5 м. "Против мыса каждая волна как бы разделялась на две половинки; с каждой из них материал пляжа постепенно уходил на северо-восток и на северо-запад. После полудня ветер усилился до 16 м/с (8 баллов), а волны выросли в высоту до 6,5 м. К вечеру начался ураган со скоростью ветра до 30 м/с (11 баллов), а волна соответственно — 7 м высоты. При этом длина ее была относительно небольшой (около 60 м). Удар такой крутой волны особенно страшен.

На берегу начались разрушения. Шторм продолжал развиваться по нарастающей кривой. В 1 час ночи на 7 января при свете прожекторов удалось замерить высоту волн — до 8 м."

'От пляжа на против "Бзыби" осталась лишь 7-метровая полоска. Парапет стены и каменное ее покрытие оказались сорванными. Фундамент подмыт, основание обнажилось, а сама она просела. Через выбитые стекла корпусов море забросило в первые этажи метровые слои песка и гальки. Корпусу "Амра" грозила опасность полного разрушения.

Шторм возобновился вечером 22 января, и хотя высота волн не превышала 2 м, смывание остатка пляжа продолжалось весьма интенсивно. Оградительная стенка, та самая, против которой профессор Зенкевич возражал с самого начала, рухнула на протяжении 190 м, за ней на длину 80 м оказалась разрушенной эспланада шириной 10 м, и в этом месте прерваны коммуникации (водопровод, электроснабжение и т. д.).

14 февраля на место прибыла "высокая комиссия", но среди ее членов не было ни одного ученого в области динамики морских берегов! На ее глазах разыгрался следующий драматический шторм. Волны снова достигли пятиметровой вы-

соты. Разрушения возобновились: еще 90 м оградительной стенки обвалились, было сильно повреждено здание курзала, повторно вылетели стекла первого этажа "Амры" и "Колхети", полностью вышла из строя столовая, а из обломков мебели прибой нагромоздил целый откос в конце ее зала. Понятно, что комиссия растерялась. Но решение, принятое ею, было "на все сто" советским: забронировать берег, покрыв весь пляж бетонным ковром, а здания передвинуть вдаль от берега или, разобрав их, построить новые.

Пока же в аварийном порядке в море сотнями самосвалов сбрасывали куски рваного камня, многотонные глыбы известняка, бетонные блоки. Эти неуклюжие ограждения из бетонных массивов до 15 тонн весом стоят на Пицунде до сих пор, преграждая отдыхающим доступ к морю. Работы были начаты в адские дни и ночи штормов, когда ветер валил сосны, вода затопила лес, а ценную мебель, спешно эвакуируемую из корпусов, валило на землю. Они продолжались, к сожалению, и потом, когда море успокоилось, а к проблеме спасения Пицунды привлекли, наконец, специалистов, в том числе и профессора Зенкевича.

Не будем описывать всех предлагавшихся защитных мер. Тут и изменение русла реки Бзыбь, галечными наносами которой питаются пицундские пляжи, и сооружение пневматического волнолома, и строительство бунов, и затопление перед мысом старых судов, груженных камнем, и создание на подводных откосах навалов из наплавляющих противотанковые заграждения тетраподов.

Пока ученые дискутировали, а "практики" заваливали берега мыса горами уродливого бетона, стихия продолжала демонстрировать свою силу. В марте снова разыгрался шторм, который длился 46 часов (в продолжение шести часов он достигал 7 баллов). Снова были выбиты стекла и холлы завалены песком. На этот раз больше других пострадал корпус "Бзыбь". Наброска частично защитила "Амру" и "Колхети", но бетонные массивы осели в грунт на 1–1,5 м, и волны кидались через них прямо в первые этажи.

"Через два года, 1–3 февраля 1972 г., ситуация повторилась. Скорость ветра достигла 25 м/с, т. е. вновь на рубеже между 10 и 11 баллами. От юго-востока опять шли 6-метровые волны. Мощные новые наброски бетона, включая тетраподы,

явились надежной преградой перед "Амрой" и "Колхети", но о здании столовой, набережной и курзале больно вспоминать. Там разрушения были не меньше, чем в 1969 году".

Как ни симпатичен нам автор книги по сравнению с типичным советским начальством, для которого "научная вероятность не может служить основой проектного решения", все же замечаешь, что профессор Зенкевич — не Дон Кихот, за научную истину он борется лишь в дозволенных в СССР пределах. Порой же со страниц книги виден советский ученый-политик, произносящий лозунги: "Мы обязаны рассматривать проблему Пицунды с технико-политической точки зрения! Отступать нам нельзя! Никакой передвижки или слома корпусов! Нужно показать, что советские инженеры умеют находить решения самых трудных задач!".

Впрочем, не дипломатические таланты автора делают книгу не только интересной, но и поучительной. Наиболее важный ее урок: последствия, к которым приводит уверенность советских руководителей, что все — в том числе и природа — подвластно их воле. Невольно задумываешься, не повторится ли — только в неизмеримо больших масштабах — та же история с гениальной идеей поворота северных рек? Вспомним трагедию дорогостоящей Асуанской плотины, которая привела к нарушению режима паводков и к засолению почвы на берегах Нила в таких масштабах, что сейчас ученые подсчитывают, не экономичнее ли просто ее снести?.. ●

Е. Габович

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

За последние дни в Ленинграде арестована и высылается в восточные области СССР за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе группа граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов и помещиков, жандармов, полицейских и других. Среди них: бывших князей — 41 человек; бывших графов — 33 человека; бывших баронов — 16 человек, бывших крупных фабрикантов — 35 человек, бывших крупных помещиков — 68 человек, бывших крупных торговцев — 19 человек, бывших высших царских сановников из царских министерств — 142 человека, бывших генералов и высших офицеров царской и белой армий — 547 человек, бывших высших чинов жандармерии, полиции и охраны — 113 человек.

Часть высланных привлечена к ответственности органами надзора за деятельность против советского государства и в пользу иностранных государств.

"Правда", 20 марта 1935 г.

ПОПРАВКА

В № 1—2 за 1985 год, в статье "Прорыв из круга немоты" (стр. 118) говорится, что издаваемый в Мюнхене журнал "Голос Зарубежья" выходит без четкой периодичности. Как сообщила нам главный редактор журнала В. Пирожкова, "Голос Зарубежья" выходит строго периодически — один раз в три месяца. Ошибка, за которую мы приносим извинение, вызвана тем, что периодичность журнала ни на обложке, ни в тексте не обозначена.

АЛЕКСИС РАННИТ

Пятого января 1985 года в Нью-Хейвене (США) на семьдесят первом году жизни скоропостижно скончался выдающийся эстонский поэт, литературный критик и теоретик искусства Алексис Раннит.

Ушел из жизни подлинный подвижник духа, один из тех, кто с прозорливой озабоченностью постигал трагическую глубину кризиса ценностей, охватившего человечество, кто противостоял ему трезво и мужественно, веря, что выход из лабиринта возможен и достижим через благословенное и очистительное творчество. Предназначение поэзии Алексис Раннит усматривал в ее способности воспроизводить изначальные ритмы, управляющие космосом, отражать метафизические истины в созерцании, пробуждать к воплощению их в действии и приближаться к уровню всечеловеческого взаимопонимания, способного вызвать внутренние озарения в каждом из нас. В аполлонически-завершенных стихах, где каждая строчка — кристаллизация мысли и страсти, Раннит предстает перед нами как один из крупнейших поэтов-мыслителей столетия, сопоставимый с такими величинами, как Поль Валери или Райнер Мария Рильке.

Требовательный мастер, он соединял ренессансную полнокровность и широту интересов с основательностью северного темперамента; вместе со своей знаменитой соотечественницей Марией Ундер он способствовал тому, что литература малой страны заняла достойное место в культурной панораме европейских наций.

Он всю жизнь пропагандировал культуру своего народа в многочисленных статьях и выступлениях на международных форумах, где всегда был заметной и уважаемой фигурой: Алексис Раннит состоял членом Исполнительного комитета Международного ПЕН-клуба и членом-основателем Международной Академии искусств и литературы. Раннит безупречно владел основными европейскими языками, но предпочитал писать по-эстонски, отлично сознавая, сколь ограничивает этот язык его поэтическую известность. Однако его англоязычная поэзия, созданная в последние годы жизни, несмотря на небольшой объем, уже дала основание критикам сравнить его с ведущим американским поэтом Уоллесом Стивенсом.

Можно напомнить о том, что Раннит переводился на иностранные языки больше, чем какой-либо иной эстонский поэт XX века. Мы говорим не только о количестве переводов: четыре английских сборника, немецкий, венгерский и готовящийся к изданию русский, отдельные стихотворения в шведских и литовских переводах. Переводы произведений Раннита как правило отличаются и высоким качеством, благодаря чему имя и слово поэта приобрели популярность далеко за пределами его родины.

Уже ранние стихи А.Раннита, появившиеся в середине 30-х годов, стали известны в русских переложениях Игоря Северянина; их приветствовал Бунин, Ахматова высоко оценила его. За рубежами России дань восхищения принесли ему такие непохожие друг на друга писатели, как Франсуа Мориак и Ясунари Кавабата.

Литературно-критические и искусствоведческие работы Раннита не ограничивались прибалтийскими темами, хотя, например, он немало сделал для международного признания заслуг своего друга, замечательного эстонского гравера Эдварда Вийральта, и является автором первой и пока единственной на английском языке монографии о живописи Микалоюса Чюрлениса. Он писал о Гельдерлине, Гюго, Рильке. Русская поэзия и русское искусство были предметом его пристального внимания, он автор статей о Ремизове, Вяч.Иванове, Бальмонте; ему принадлежит интереснейшее исследование о русском художественном авангарде "Традиция и новаторство".

Вынужденный в 1944 году оставить родину — вместе с лучшими представителями эстонской интеллигенции, — Раннит как никто другой осуществил в Европе и Америке призыв "быть не в изгнании, но в послании", сделавшись чрезвычайным и полномочным представителем культуры своего порабожденного отечества. Поистине драгоценным подарком судьбы была его дружба для тех, кому посчастливилось его знать и любить.

Культура, по слову Вячеслава Иванова, есть "культ памяти". Алексис Раннит культивировал историческую память человечества всей своей судьбой, и нет сомнения, что его собственный духовный вклад в эту память станет в свою очередь предметом благоговейного культа.

Василий Рудич

Быть может, никогда, ни одна эмиграция в истории не получила от нации столь повелительного наказа — нести наследие культуры. Он дается фактом исхода, вольного или невольного, из России значительной части ее активной интеллигенции. Он диктуется и самой природой большевистского насилия над Россией... Естественное творчество национальной культуры перехвачено, подверглось грубой хирургической ампутации и организовано в самых жестких формах государственного принуждения. Не отрицаем того, что многое, очень многое из культурных проявлений в России удовлетворяет потребностям нового советского человека. Но сколько его потребностей не могут быть удовлетворены! Сколько течений мысли, сколько мук совести, сколько скорбных размышлений безмолвно замирают в шуме коллективного строительства. И вот мы здесь, за рубежом — для того, чтобы стать голосом всех молчащих там, чтобы восстановить полифоническую целостность русского духа. Не притязая на то, чтобы заглушить своими голосами гул революционной ломки и стройки, мы можем сохранить самое глубокое и сокровенное в опыте революционного поколения, чтобы завещать этот опыт будущему, чтобы стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России. В какой-то, может быть в очень малой мере, но эта задача выполняется...

Мы живем в ужасное, но великое время. Исторические события и катастрофы, помимо своего прямого политического и социального смысла, имеют всегда и другой, едва ли не более важный: это вызов духу, требование ответа и потому момент в жизни — национального или общечеловеческого — духа. Для всего духовного бытия России вопрос первостепенной важности: какова ее внутренняя реакция на знамения нашей апокалиптической эпохи? Но силы, подобные стихийным, сделали невозможным свободное выражение русского сознания внутри России. Все, что доносится оттуда, ни в какой мере не стоит в уровень с запросами грозного века. Может быть, примириться с тем, что наше поколение так и не даст ответа, что лишь со временем онемевшая Россия обретет свой голос? Но тогда свежесть восприятия, точность опыта будут утрачены, подменятся книжным и деформированным знанием. И вот нам здесь, за рубежом, выпала высокая честь и бремя подать голос России — бросить его хотя бы в пространство, в пустоту (где ничто не пропадает)...

Русская культура за рубежом — выше известного уровня — живет в безвоздушном пространстве. Писатель не находит ни издателей, ни критиков, ни читателей. Книги выходят в порядке чуда, — или жертвы. Пишутся они не для конкретного круга читателей, а для России, для мира, для вечности. Не получая ничего, хотя бы в виде отражений от окружающей среды, писатель обречен слушать свой собственный внутренний голос и лишь чрез него сообщаться с живым, но для него как бы подземным потоком русской и вселенской культуры. Это одиночество несет с собой неизбежную горечь сомнения в нужности своего дела, иногда чувство близкое к удушью...

Сейчас, после старой российской безответственности, мы больны совестью. Но колесо обернулось на 180°. Наше слово раздается в пустоте. У нас нет ответственности, кроме как перед Богом и своей совестью. Мы не знаем, какие выводы будут сделаны из нашей правды. Не знаем и не должны знать. Редко в истории мысль имела право на такую свободу: право, завоеванное последней нищетой, бездомностью, изгнанием.

СОРОКАЛЕТИЕ КОНЦА ВОЙНЫ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ